

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«КИЖИ»

ПАМЯТНИКИ

древних культур лесной полосы Евразии

Кижский вестник № 1

ПЕТРОЗАВОДСК 1993

Редколлегия:

А. П. Журавлев, Л. А. Наговицин, М. В. Лопаткин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ГИН АН СССР — Геологический институт Академии наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
ЛОИА — Ленинградское отделение института археологии
КСИА — Краткие сообщения института археологии
КНЦ — Карельский научный центр
КФ ЦЭНДИСИ — Карельский филиал центра научной деятельности, исследований и социальных инициатив
ПГУ — Петрозаводский государственный университет
РАСК — Региональная археологическая студенческая конференция
ЦГА — Центральный государственный архив

ВВЕДЕНИЕ

Полевой симпозиум по первобытной археологии лесной полосы Восточной Европы и Урала — значительное событие в археологической науке, что убедительно подтвердили шесть прошедших симпозиумов в разных регионах страны, объединивших ведущих археологов-полевиков, занимающихся изучением древней истории и культуры народов Евразии.

Седьмой полевой симпозиум, посвященный культурам ямочно-гребенчатой керамики, состоялся на базе Пегремской комплексной экспедиции музея-заповедника «Кижи» 24—28 августа 1993 года. Рассмотрены по-новому проблемы раннего неолита крупного региона.

Открытие Прионежской ранненеолитической культуры, пересмотр датировок неолита в сторону его значительного углубления, значительный корпус новых памятников, поступивших в научный оборот за последние годы, позволили с иных позиций определить место и роль неолита Северо-Запада в формировании культур этой эпохи, а также энеолитических культурных образований в лесной полосе Евразии. Интегрируя новейшие достижения археологической науки, исследователи пришли к выводу о том, что в настоящее время в результате значительного накопления археологического материала сложилась ситуация «качественного скачка» в развитии науки Северо-Запада, начало изучения которой было положено выдающимися исследователями XX века: В. И. Равдоникасом, А. Я. Брюсовым, А. М. Линевским, Н. Н. Гуриной, М. Е. Фосс.

Наряду с поступлением в научный оборот нового материала в 50—90 гг. значительное внимание было уделено комплексным исследованиям и развитию новых направлений в этих исследованиях, в том числе сейсмоархеологических. Выделен заонежский культурно-хронологический вариант эпохи мезолита Северной Европы, ранненеолитическая культура Пегрема с сосудами позвоночных орнаментов, Прионежская неолитическая культура ямочно-гребенчатой керамики, Среднекарельская культура эпохи энеолита, а также древнейший центр по обработке самородной меди в Заонежье.

Крупным событием явилось открытие в Пегреме в 1966 году уникального археологического комплекса. Его изучение обогатило науку новыми материалами по древней культуре и истории народов Европейского Севера.

Изучение сырьевой базы Заонежья выявило новые пути познания экономики, определило выдающуюся роль этого района в качестве сырьевой базы древних индустрий. Располагаясь в пограничной зоне двух культурных традиций, Заонежье во все эпохи

представляло собой «бурлящий котел» исторических событий, где формировались оригинальные и самобытные культуры, влиявшие на события крупного северо-европейского региона, а иногда и выходящие за его границы.

Благодаря открытию и изучению новых памятников, удалось определить историческое место Оленеостровского могильника на Южном Оленьем острове в цепи памятников эпохи мезолита этого района. Его создателями явились европеиды, далекие потомки постсвидерских позднепалеолитических культур северо-восточной Европы, проникшие сюда в мезолите и образовавшие оригинальную культуру охотников на северных оленей. Их дальнейшие судьбы были связаны с носителями раннеолитической керамики с позвонковым орнаментом, представителями культуры Пегрема. Именно благодаря взаимодействию этой культуры с населением ямочно-гребенчатой керамики, позже здесь сформировалась Среднекарельская энеолитическая культура, представляющая собой феноменальное явление в масштабе Евразии.

Благодаря комплексным работам, а также применению А. П. Журавлевым новой методики полевого изучения памятников, удалось впервые в отечественной археологии выявить и изучить пегремское катастрофическое землетрясение 2200 г. до н. э., в результате которого были разрушены три крупных поселения, имелись человеческие жертвы. Катастрофа послужила причиной того, что население вынуждено было уйти с «богом проклятого» места, мигрировать в районы Верхней Волги и вплоть до Урала и Зауралья. Как видно из сказанного, характер взаимодействия древних народов обретает в связи с этим новые аспекты, новые трактовки, обусловленные подходом к их изучению с новых позиций.

Полевой семинар играет на современном этапе важнейшую роль, поскольку именно здесь исследователи имеют возможность непредвзято и смело высказывать свои суждения, отходя от традиционных консервативных постулатов, способствуя, таким образом, дальнейшему развитию археологической науки. Создание на базе полевого семинара в 1992 году археологического общества «Пегрема» — качественно новый этап в познании археологии северо-запада.

Следующий восьмой полевой симпозиум будет посвящен проблемам позвонковой и накольчатой керамики. Место его проведения — Пегрема.

Прионежская раннеолитическая культура ямочно-гребенчатой керамики и ее роль в становлении неолита и энеолита лесной полосы Евразии

Прионежская раннеолитическая культура ямочно-гребенчатой керамики существовала с конца V до начала III тысячелетия до н. э. (Журавлев, Экман, 1989). Ее многочисленные памятники распространяются на площадях Заонежья и Прионежья. Эталонными являются: поселение Вигайнаволок I*, где вскрыто 18 жилищ эпохи раннего неолита (Панкрушев, Журавлев, 1966), Илекса V, Пегрема-V, Палайгуба VII, Сандермоха IV и др.

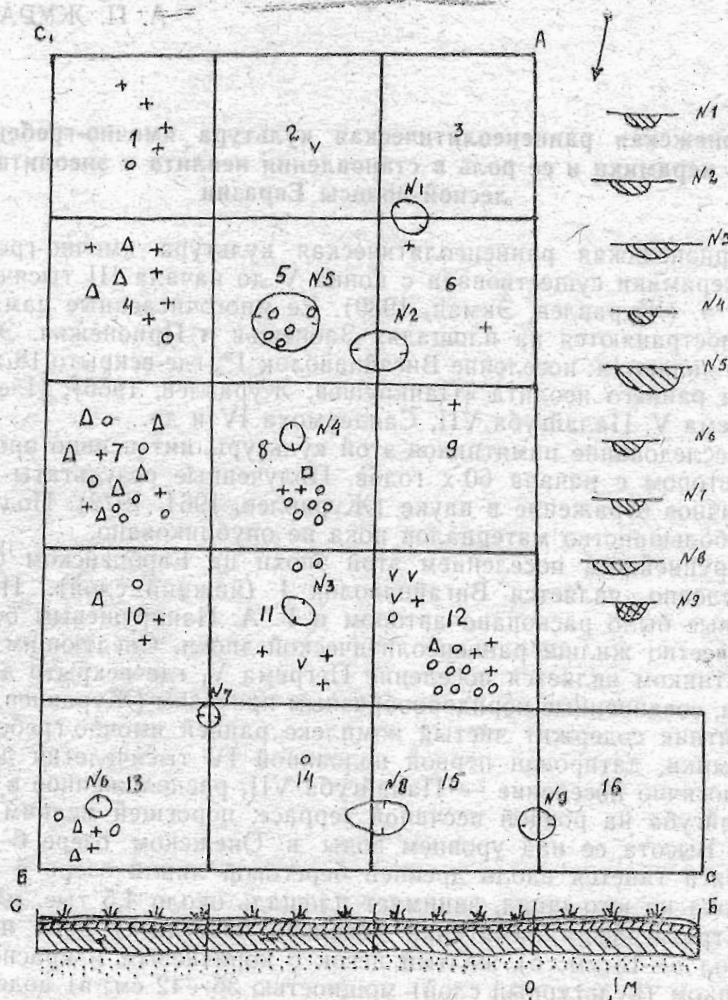
Исследование памятников этой культуры интенсивно проводится автором с начала 60-х годов. Полученные результаты нашли частичное отражение в науке (Журавлев, 1964, 1972). Подавляющее большинство материалов пока не опубликовано.

Крупнейшим поселением этой эпохи на Европейском Севере, безусловно, является Вигайнаволок I (нижний слой). На нем впервые было раскопано автором и Г. А. Панкрушевым большое количество жилищ раннеолитической эпохи. Следующим ярким памятником является поселение Пегрема V, где вскрыто два жилища, соединенные коридорообразным проходом (Журавлев, 1986). Памятник содержит чистый комплекс ранней ямочно-гребенчатой керамики, датирован первой половиной IV тысячелетия до н. э. Аналогично поселение — Палайгуба VII, расположенное в заливе Палайгуба на ровной песчаной террасе, поросшей мелким сосняком. Высота ее над уровнем воды в Онежском озере 6—6,5 м. Терраса тянется вдоль древней береговой линии озера с северо-востока на юго-запад, занимает площадь около 4,5 тыс. м².

Стратиграфия памятника довольно проста: а) дерн и серый подзол 5—15 см; б) желтый песок с коричневым и красноватым оттенком (культурный слой) мощностью 35—42 см; в) подстилающий слой — крупнозернистый желтый песок.

Исследованная автором площадь поселения составляет 64 м² (рис. 1). Вскрыты хозяйственные ямы, очаги, кладки, кострища. Близ них найдена керамика, каменный инвентарь, отходы производства. Зафиксированы места изготовления орудий и хозяйственно-бытовые участки, где совершалась разнообразная производственная деятельность населения древнего поселка.

* См. статью А. П. Журавлева «Жилища неолитического поселения Вигайнаволок I» в данном сборнике.

- [штрихи] - 1 [штрихи] - 2 [штрихи] - 3 [штрихи] - 4 [штрихи] - 5 [штрихи] - 6 [штрихи] - 7 [штрихи] - 8
 [штрихи] - 9 [штрихи] - 10 [штрихи] - 11

Рис. 1. План раскопа поселения Палайгуба VII;

- 1 — дери; 2 — серый подзол; 3 — желтый песок с коричневым оттенком;
 4 — углистые включения; 5 — светло-желтый подстилающий песок;
 6 — косточки; 7 — керамика; 8 — орудия; 9 — отщепы; 10 — ямы;
 11 — красный песок

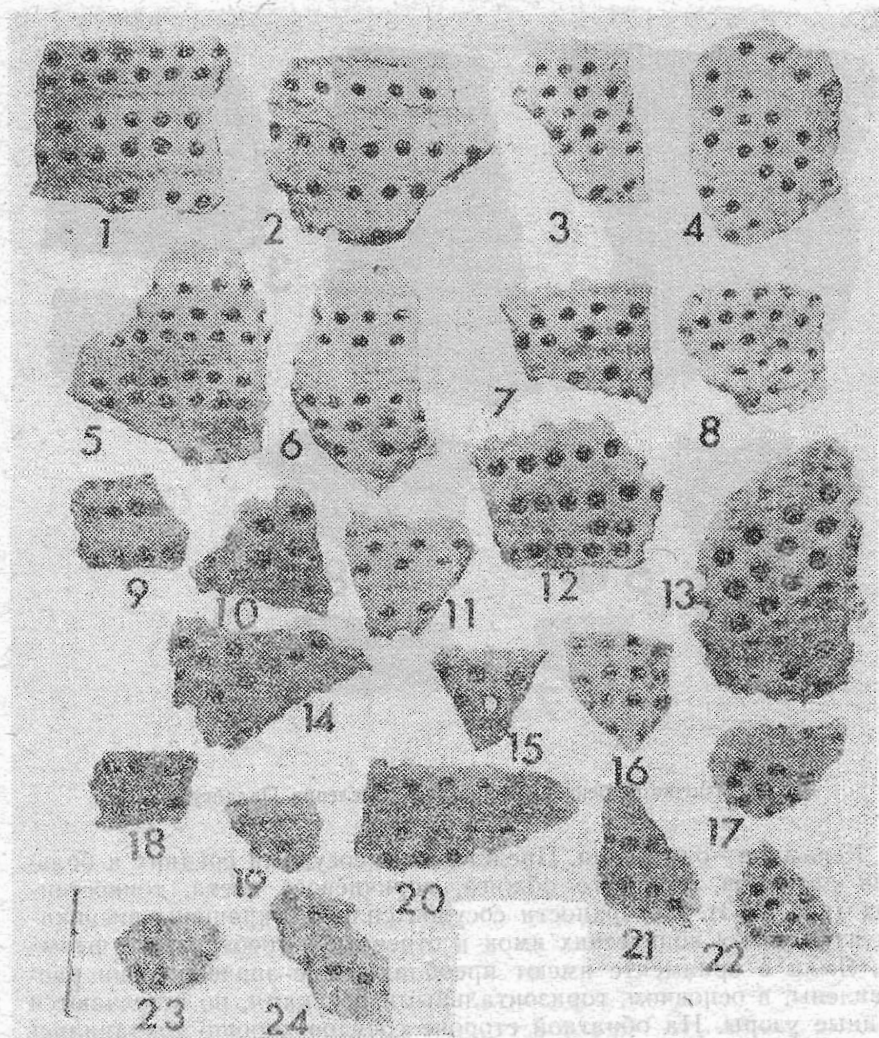

Рис. 2. Ямочно-гребенчатая керамика поселения Палайгуба VII

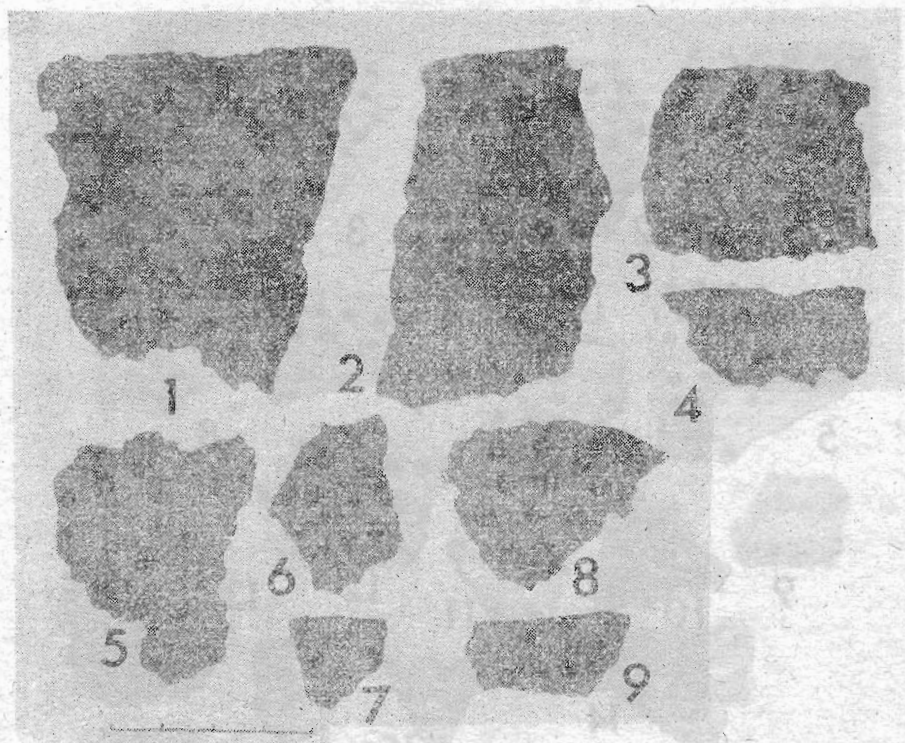

Рис. 3. Ямочно-гребенчатая керамика поселения Палайгуба VII

Керамика—однотипна. Представлена сосудами средних и больших размеров, хорошего обжига, коричневого цвета, тонкостенных (рис. 2, 3). Поверхности сосудов сплошь украшены рисунками из круглых конических ямок и отпечатков гребенчатого штампа. Ямки в орнаменте имеют преобладающее значение, они расставлены, в основном, горизонтальными поясами, но встречаются и иные узоры. На обратной стороне сосудов хорошо сохранились выпуклости — жемчужины от них. Поскольку других типов керамики нет, то однозначно можно отнести ее к наиболее ранней ямочно-гребенчатой керамике Карелии, а памятник — считать эталонным, содержащим чистый комплекс этой посуды.

Каменный инвентарь поселения Палайгуба VII беден. Он в основном представлен изделиями и отходами производства орудий из кварца и сланца. Из кварцевых отметим резцы, серию осколков со следами обработки, нуклеидный кусок и отщепы. Сланцевые

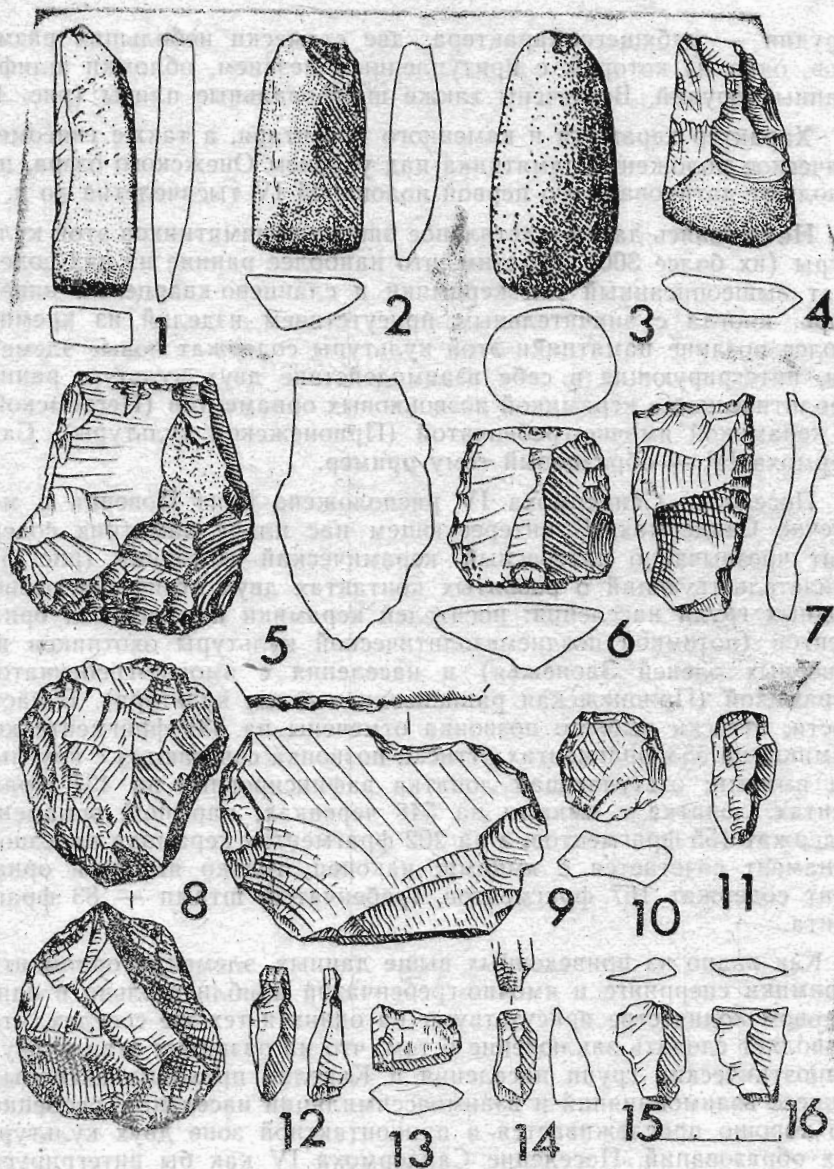

Рис. 4. Каменный инвентарь поселения Палайгуба VII:

1, 2, 4 — стамески; 5 — заготовка рубящего орудия; 3 — галька со следами работы;
 9 — скребло (сланец); 8 — нуклеус; 6, 7 — ножи; 10 — скребок (кремнь);
 11, 15 — резцы (кварц)

орудия — рубящего характера: две стамески небольших размеров, одна из которых с притупленным лезвием, обломки шлифованных орудий. Встречены также шлифовальные плиты (рис. 4).

Характер керамики и каменного инвентаря, а также гипсометрическое положение памятника над уровнем Онежского озера, позволяют датировать его первой половиной IV тысячелетия до н. э.

Не вдаваясь далее в детальное описание памятников этой культуры (их более 300), отметим, что наиболее ранние из них содержат вышеописанный тип керамики и сланцево-кварцевый инвентарь, иногда с значительным присутствием изделий из кремня. Более поздние памятники этой культуры содержат новые элементы, интегрирующие в себе взаимодействие двух культур: ранне-неолитической с керамикой позвонковых орнаментов (Перемской) и керамикой ямочно-гребенчатой (Прионежской культуры). Сандермоха IV — образцовый тому пример.

Поселение Сандермоха IV расположено близ Повенца в местечке Сандермох. В интересующем нас плане памятник содержит чрезвычайно интересный керамический материал (рис. 5), свидетельствующий о развитых контактах двух этнически разнородных групп населения: носителей керамики позвонковых орнаментов (потомков позднемезолитической культуры охотников на северных оленей Заонежья) и населения с ямочно-гребенчатой керамикой (Прионежская ранне-неолитическая культура). В частности, оттиски рыбьего позвонка отмечены на 531 фрагменте керамики, на 553 фрагментах оттиски позвонка сочетаются с круглыми ямками; отступающая лопатка зафиксирована на 437 фрагментах, лопатка с ямками на 548 черепках; нарезной орнамент содержат 155 фрагментов, а на 202 фрагментах керамики нарезной орнамент сочетается с ямками; наконец, только ямочный орнамент содержат 167 фрагментов, гребенчатый штамп — 83 фрагмента.

Как видно из приведенных выше данных, элементы орнамента керамики сперринге и ямочно-гребенчатой приблизительно в одинаковом количестве присутствуют на одних и тех же сосудах, что позволяет сделать заключение о том, что на развитых этапах двух разноэтнических групп населения в Карелии проходил активный процесс взаимовлияний и взаимоассимиляций населения, особенно это хорошо прослеживается в приконтактной зоне двух культурных образований. Поселение Сандермоха IV как бы интегрирует эти две культурные традиции в неолите Карелии.

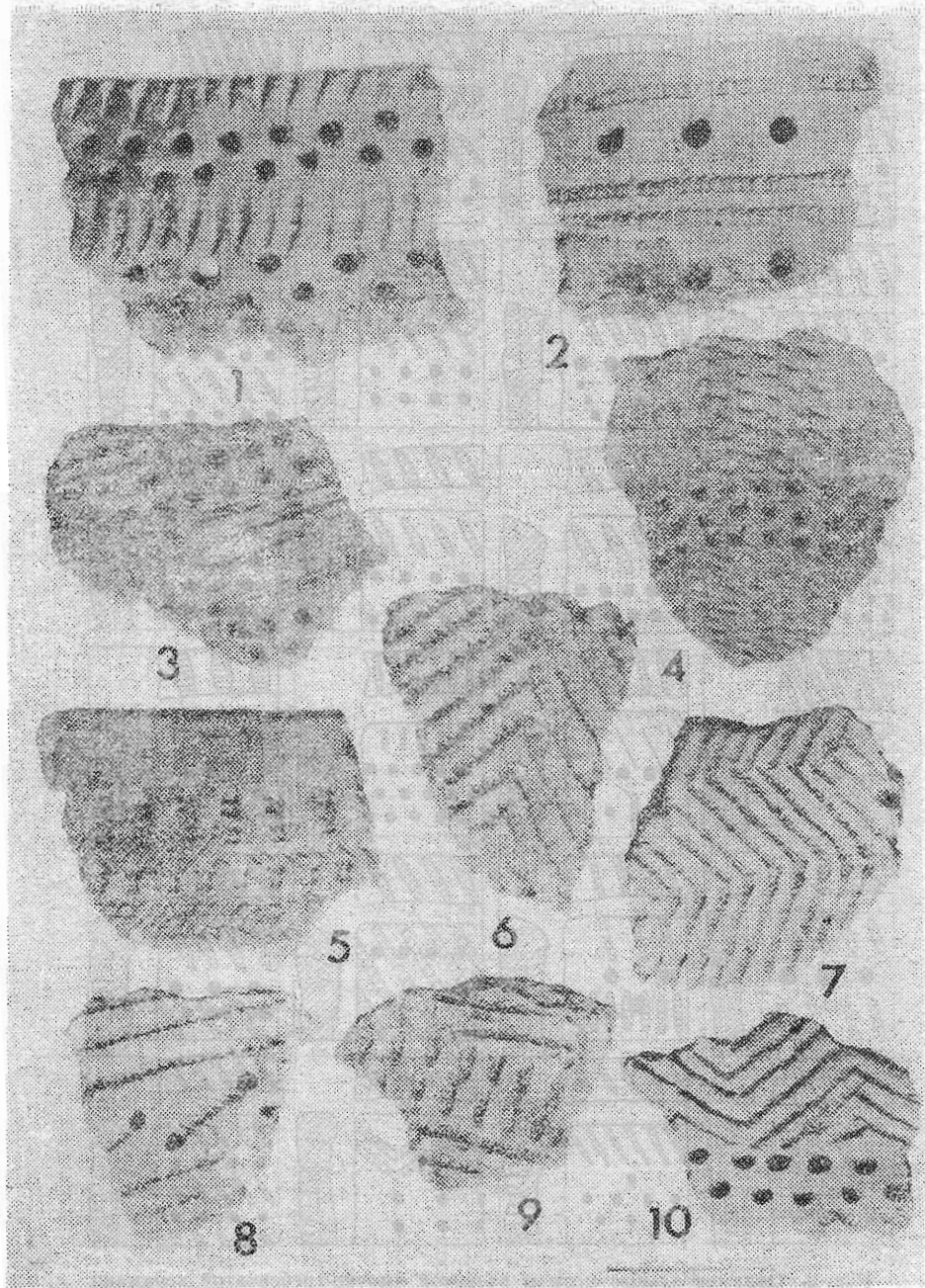

Рис. 5. Керамика поселения Сандермоха IV

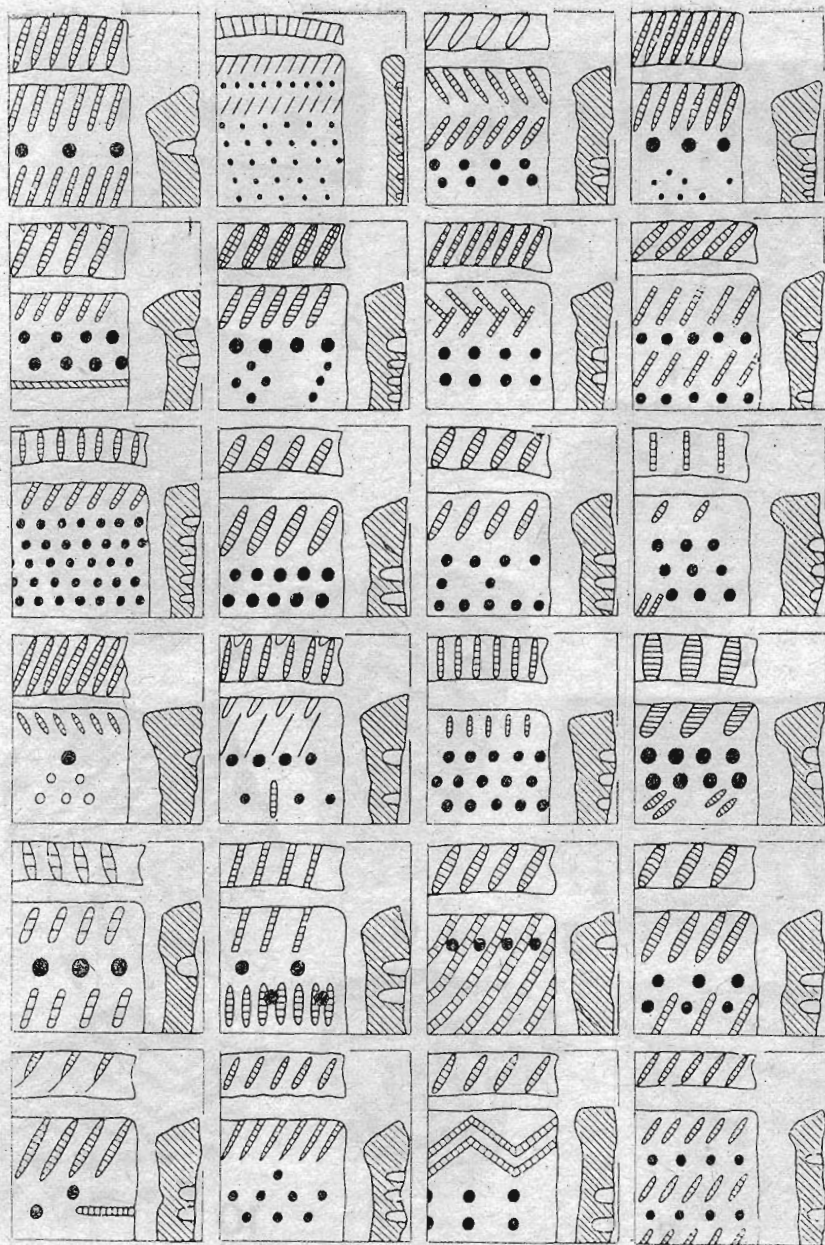

Рис. 6. Орнаментальные мотивы развитой ямочно-гребенчатой керамики

В дальнейшем ямочно-гребенчатая керамика получает широкое развитие среди населения лесной полосы Евразии, возникает конгломерат культур, достигших в позднем неолите наибольшего расцвета (рис. 6). Связи и контакты населения с ямочно-гребенчатой керамикой прослеживаются на широкой территории, включая Урал, Зауралье, юго-восточные и западные районы Европы. Именно в это время на границе некогда возникших двух разнокультурных этносов, в бурлящем котле событий, возникает новая культура ромбоямочной керамики. Но это была уже культура эпохи энеолита, получившая название Среднекарельской (Журавлев, 1992). В ее формировании приняло участие и население с гребенчатой керамикой, зародившейся в одном из районов Европейского Севера.

Конечно, этот процесс исторического развития носил сложный характер, проявлялся в многогранных связях и контактах, мощных культурных импульсах на значительные расстояния. Отдельные группы населения с ямочно-гребенчатой керамикой пропикали далеко на восток и юго-восток. Так, например, В. Т. Ковалева связывает население андреевской культуры с импульсом носителей ямочно-гребенчатой керамики из северо-западных областей (Ковалева, 1992).

Исследования последних лет подтверждают наличие двухсторонних контактов различного населения лесной и лесостепной полосы Евразии. Этот процесс был, конечно, сложнее, чем просто «челночковое» передвижение каких-либо племен в одном направлении или по нескольким. Он характеризовался сложным переплетением взаимодействий и связей, мощными импульсами, подчас на значительные расстояния, возникшими как в силу социально-экономических и культурных связей, так и различного рода катаклизмов, возникавших в разных районах Ойкумены, например, землетрясений (Журавлев, Лукашов, Экман, 1988).

В целом же Прионежская культура ямочно-гребенчатой керамики сыграла важную роль в формировании культур эпохи неолита и энеолита на широкой территории лесной полосы. И, в частности, на ее основе, как главном компоненте, возникла и развивалась в особый феномен северной Ойкумены Среднекарельская энеолитическая культура, а также конгломерат культурных образований на более южных и восточных территориях: льяловская, белевская, андреевская.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлев А. П., Экман И. М. Хронология Прионежской раннеэнеолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики // ТД Всесоюзного совещания «Геохронология четвертичного периода». М., 1989, с. 100.

Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. Л., 1966, с. 152—177.

Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок // ТД научной конференции по итогам работ за 1964 г. / Петрозаводск, 1965, с. 116—118. Журавлев А. П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок I // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 91—94.

Журавлев А. П. Поселение с керамикой льяловского типа в Заонежье // СА, № 1, 1986, с. 138—145.

Журавлев А. П. Среднекарельская энеолитическая культура // Миграции и связи древних племен лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла. Петрозаводск, 1992, стр. 75—82.

Ковалева В. Т. О миграциях племен с ямочно-гребенчатой керамикой в Зауралье. Доклад на VI полевом симпозиуме. Кизи, 17 августа 1992 г.

Журавлев А. П., Лукашов А. Д., Экман И. М. О послеледниковых землетрясениях в Карелии по археологическим и геолого-геоморфологическим данным. Петрозаводск, 1986, с. 58—62.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

Жилища неолитического поселения Вигайнаволок I

Поселение Вигайнаволок I расположено в 9 км юго-восточнее Петрозаводска на западном берегу Онежского озера, занимает площадь более 10 000 м². Исследовалось нами в 1964—66 гг. Общая площадь раскопок составила 2588 м² (рис. 7).

В процессе исследования памятника выявлено два слоя: неолитический нижний слой и верхний слой эпохи энеолита. Они были разделены мощной прослойкой намывного песка. Кроме того, верхний энеолитический слой был в свою очередь также разделен стерильной прослойкой на два слоя мощностью от 20 до 40 см каждый. Все это свидетельствует о неоднократном затоплении этого участка берега палеоводоёма в древности.

Материалы памятника частично опубликованы (Журавлев, 1964, 1972. Панкрушев, Журавлев, 1966). Данная статья обобщает сведения о неолитических жилищах, впервые раскопанных на раннеэнеолитических поселениях Карелии с ямочно-гребенчатой керамикой в столь большом количестве. Интересно, что неолитические жилища, затопленные водой и замываемые толстым слоем намывного песка, довольно четко сохранили контуры оснований, часто с перекрестиями в углах, хорошо прослеживавшихся по темному сгруппированным полосам сгнивших деревянных стен. Эти достаточно убедительные свидетельства срубного характера построек, позволяют считать, что капитальные деревянные жилища со срубами в Карелии существовали с эпохи позднего мезолита — раннего неолита. Думается, что многолетний спор среди исследователей о срубных жилищах эпохи мезолита — неолита на Европейском Севере, наконец-то, решен в пользу последних.

На территории неолитического поселения Вигайнаволок I зафиксированы 24 жилища. Из них раскопано 18 жилищ (рис. 7). Выявлены как одиночные постройки, так и комплексы жилых сооружений. Таковых два. В одном комплексе жилища соединялись между собой коридорообразными проходами, а в другом — посредством общих стенок, разделявших эти постройки. Внутри них выявлены очаги, места хозяйственной деятельности, найдены орудия труда и керамика. Выходы из них обозначены в виде коридоров, где зафиксированы также очаги и следы хозяйственной деятельности. Как уже указывалось выше, жилища представляли собой деревянные срубы, крышей, очевидно, служил накат из бревен в один или два ряда. Сверху он покрывался дерном или корой и засыпался землей. Благодаря наличию очагов в жилищах, углубленных основаниями в материк и соединенных коридорами, в холодное зимнее время хорошо сохранялось тепло. Можно предположить, что в неолитическом поселке Вигайнаволок I обитало не менее 250—300 человек.

Жилище № 1* выявлено на месте впадины размером 7х6 м и углубленной на 0,3—0,4 м в материковый песок. Остатки постройки в виде темногумусированного песка, залегали на глубине 1 м под слоем намывного песка мощностью 30—50 см. По краям от стенок сохранились гумусированные полосы толщиной до 40 см. В средней части постройки располагалась небольшая площадка из темного песка. На ней — кострище размерами 2х1,5 м с мощностью зольно-углистой прослойки 5—6 см. Коридорообразный выход направлен к берегу озера. В центре его располагалось еще одно кострище размером 2,5х1,3 м. Мощность углистой прослойки 20 см. Размеры жилища: 9х4 м. В углах четко фиксируются перекрестия от стенок. Находки: 81 фрагмент керамики, 3 обломка шлифовальных плит, обломок лидитового орудия, 3 осколка сланца.

* Неолитические жилища № 1—7 подробно опубликованы нами (1, с. 153—165), поэтому в данной статье приводятся их краткие сведения. Находки из всех жилищ помещены в специальную таблицу на стр. 18—19.

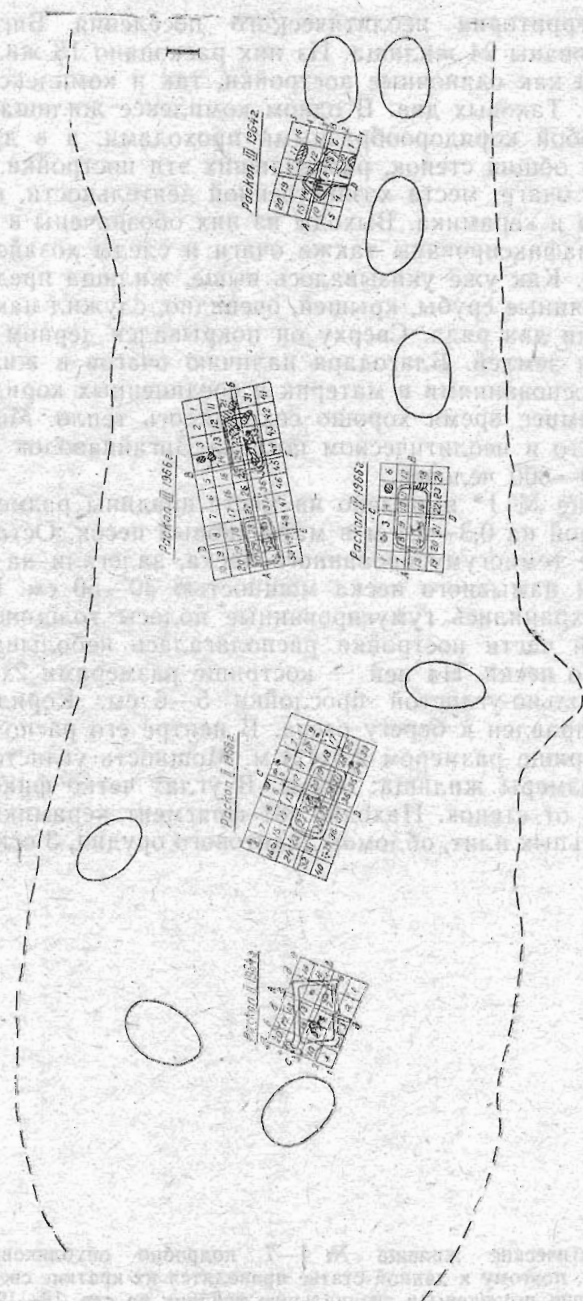
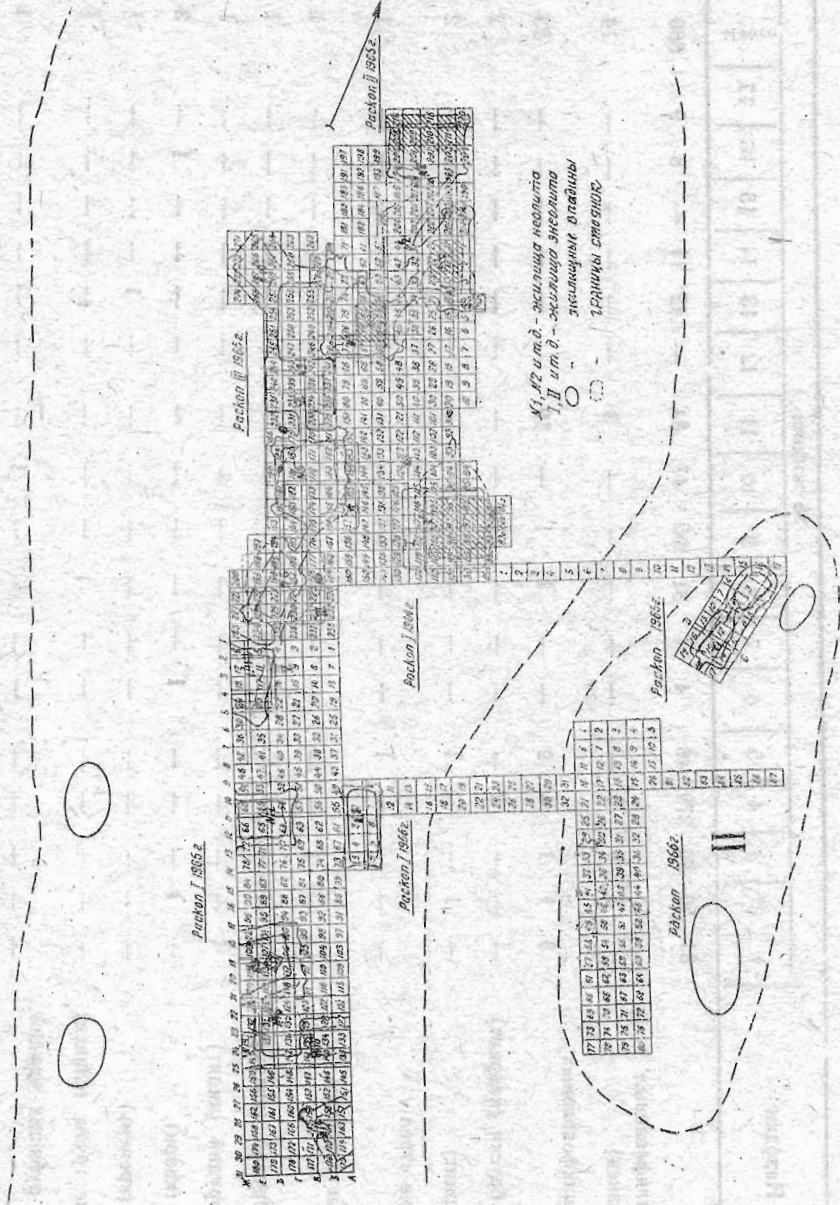

Рис. 7. План раскопов с жилищами на поселении Вигайнаволок I

К, Д, Е отд. - жилища молодых
 И, У, В - жилища молодежи
 О - жилищные впадины
 --- границы строения

Ракон I 1965г.

30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	101	102	103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119	120	121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135	136	137	138	139	140	141	142	143	144	145	146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175	176	177	178	179	180	181	182	183	184	185	186	187	188	189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200
----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Ракон I 1966г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Ракон I 1966г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Ракон 1966г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Ракон 1966г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Ракон 1966г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Находки	№ жилища																	Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	

Обломки рубящих орудий (сланец)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	5
Скребки (кремень)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	4
Скребки (сланец)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
«Диск» (песчаник)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Осколки: сланца	3	6	5	8	6	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	—	32
кварца	—	1	2	6	4	2	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	19
кремня	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1

Жилище № 2 примыкало с запада к жилищу № 1. Выявлено частично. Площадь его составляет около 28 м². В коридорообразном выходе располагалось небольшое кострище. Находки в жилище представлены орудиями из сланца и кварца и керамикой* (рис. 8, 9).

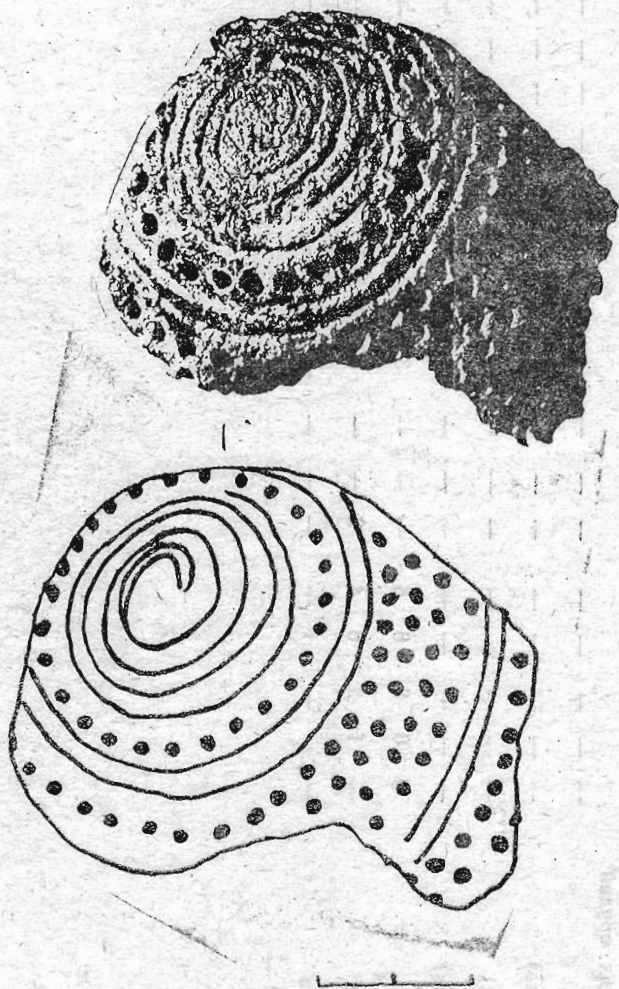

Рис. 8. Ямочно-гребенчатая керамика поселения Вигайнаволок I

* Находки керамики в жилищах представлены в таблицах с мелкими фрагментами.

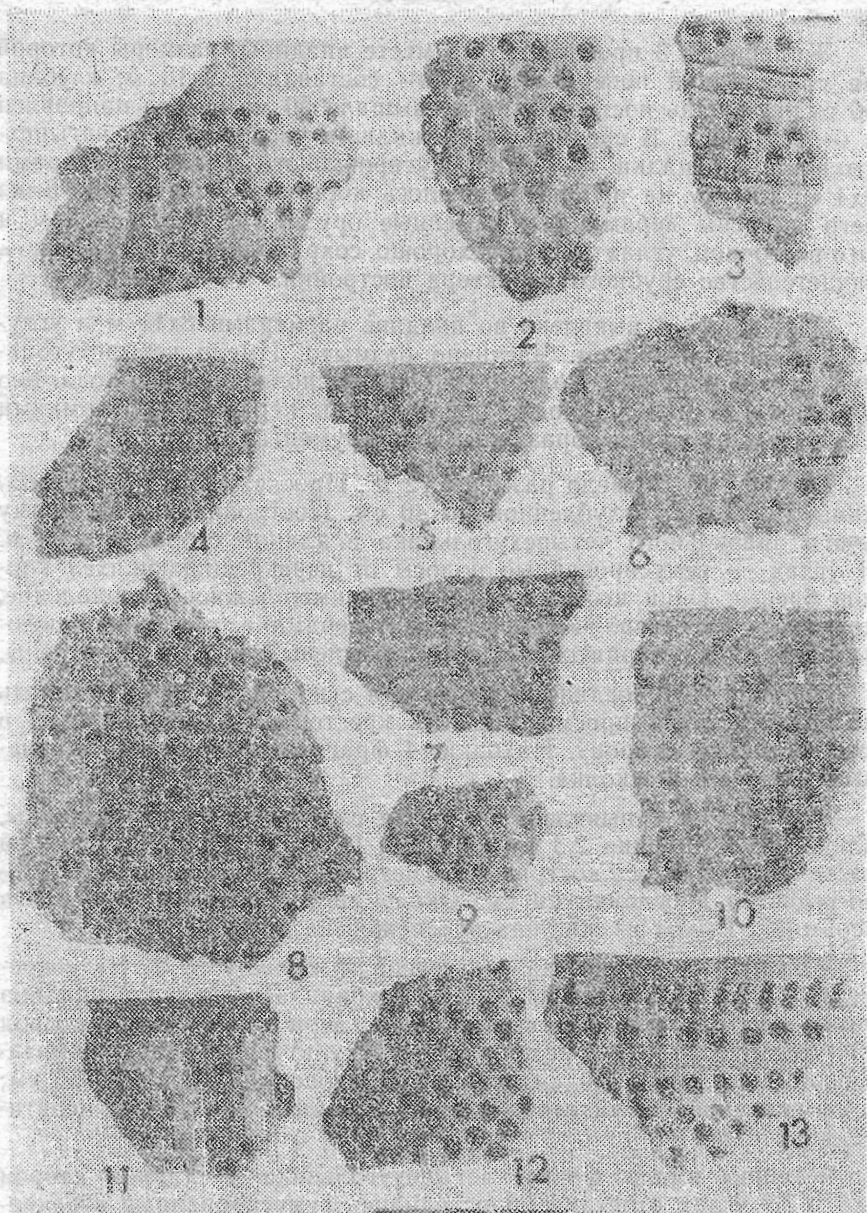

Рис. 9. Ямочно-гребенчатая керамика поселения Вигайлаволок I

Жилище № 3 прослежено на месте впадины, размеры которой на современной поверхности почвы составляли 9x10 м, глубина 50 см. Площадь постройки не превышала 50 м². Выход направлен к берегу озера. В средней части жилища располагалась четырехугольная площадка из темногогумусированного песка размерами 3x4 м. Сверху на ней располагалось кострище (2,2x1,6 м). Близ него найдены керамика и каменные орудия. В юго-западном и юго-восточном углах жилища хорошо сохранились перекрестия — свидетельство срубного характера постройки.

Жилище № 4 выявлено во впадине размерами 8x11 м и углубленной на 50—60 см. Частично размыто. Имело четырехугольную форму, площадь около 70 м². Очаг располагался у выхода. Его размеры 1,1x1,6 м. Находки представлены керамикой, обломками сланцевых орудий и абразивными инструментами.

Жилище № 5 имело размеры 72 м². Прослежено на месте впадины (9,5x8 м), углубленной до 40 см. Постройка имела форму почти правильного четырехугольника с длиной сторон 8 и 9 м. В углах — гумусированные полосы от перекрещивающихся концов бревен. Один выход из постройки имел южное направление, другой — на северо-запад. Находки: керамика, обломки шлифовальных плит, кварцитовая пила и кремневый наконечник стрелы.

Жилище № 6 соединялось с севера с жилищем № 5. Площадь 36 м². Отчетливо просматривались крестовины углов и выход в юго-восточную сторону. Находки: 4 фрагмента керамики, кварцевые нуклеус и 2 осколка.

Жилище № 7 выявлено на месте слабовыраженной впадины, длина его 5, ширина 2,3 м (площадь 11,5 м²). В северо-западной части располагалась кострище диаметром 0,7 м с мощностью зольно-углистой прослойки 20 см. Около него найдены 4 фрагмента керамики. Выход из жилища прослежен на восток.

Жилище № 8 примыкало с севера к жилищу № 2. На современной поверхности почвы от него сохранилась овальная впадина размерами 10x8 м. Ее стратиграфия: дерн 5 см; серый подзол 15—20 см; оранжевый песок (верхний культурный слой энеолитического поселения) 50 см; намывной слоистый песок 40—60 см; темногогумусированный песок жилищной линзы 15—20 см; подстилающий слой.

Жилище имело форму четырехугольника с длиной сторон 6x8 м. В углах отчетливо проследились гумусированные перекрестия. В северной части постройки располагалась площадка из темногогумусированного песка, площадью 24 м² — остатки деревянного настила. У выхода располагалось кострище, близ него найдена керамика, обломок шлифовальной плиты и рыболовный груз.

Жилище № 9 соединялось с юга с жилищем № 5, с севера к нему примыкало жилище № 10, полезная площадь которого составляла 48 м². В нем найдено 105 фрагментов керамики, обломок шлифовальной плиты, 3 осколка сланца, 2 кварца.

Жилище № 10 имело площадь 36 кв. м. С юга оно соединялось с жилищем № 9, с северо-востока — с жилищем № 3, которое завершало жилой комплекс западной окраины поселения Вигаинаволок I, где обитала, очевидно, родовая группа близких людей, связанных общими нитями происхождения.

Жилище № 11 соединялось с жилищем № 5. Раскопано частично. В углах хорошо сохранились перекрестия гумусовых полос. Общая площадь постройки составляет не более 45 м². Находки представлены керамикой и обломками шлифовальных плит.

Жилище № 12 расположено в 7 м юго-восточнее жилища № 11. На современной поверхности почвы от него сохранилось овальное углубление. Стратиграфия: дерн с подзолом 10—15 см; оранжевый песок (слой энеолитического поселения) 20—30 см; намывной слоистый песок до 40 см; гумусированный песок 15—25 см — остатки неолитического жилища. От его стен сохранились полосы гумусированного песка шириной до 1 м и толщиной 20—25 см. Западная стенка частично выходила за пределы раскопа. Общая площадь постройки составляла около 36 м². Имела форму прямоугольника с длиной сторон 6,2 м и 5,8 м. Из находок отметим кремневый скребок.

Жилища № 13, 14, 15, 16 составляли единый комплекс. От жилища № 13 сохранилось овальное углубление. Его следы прослежены на глубине 1,4 м в виде темногумусированной площадки с перекрестиями в углах — полуземлянка. Западная стенка выходила за пределы раскопа, южная — являлась общей для жилищ № 14 и № 16. Площадь описываемой постройки составляла не менее 60 м². В ней найдено 42 фрагмента керамики и кремневый нуклеус. Жилище № 14 вскрыто частично. Находок нет. Жилище № 15 имело площадь около 40 м². С северо-запада к нему присоединялось жилище № 13, с запада — жилище № 14, с юго-востока — жилище № 16. В восточной стенке — выход шириной 2,2 м. В жилище найдено 11 фрагментов керамики. Жилище № 16 соединялось с жилищем № 15. Раскопано частично (15 м²). Судя по вскрытой части, постройка имела форму прямоугольника. Восточная часть его оказалась за пределами раскопа. Единственная находка — кварцитовый «диск» с обработанными краями.

Жилище № 17 раскопано не полностью. Судя по вскрытой части, оно имело форму прямоугольника с длиной сторон 7 м. В юго-западном углу проследились гумусированные полосы в виде перекрестий. В жилище найдено 8 фрагментов керамики и кварцевый нуклеус.

Жилище № 18 имело длину 8 м и ширину 4 м. Общая площадь его составляла 32 м². Раскопки его были связаны с особыми сложностями. Грунтовые воды стояли достаточно высоко и уже на глубине 1,5 м из раскопа пришлось откачивать воду сначала насосом, потом ведрами. Тем не менее, жилищную линзу удалось проследить полностью. В жилище найдено 9 фрагментов керамики, кремневый наконечник стрелы и сланцевый скребок.

На поселении зафиксировано еще 6 неолитических жилищ, но, к сожалению, они остались не исследованными. Работы, связанные со строительством здесь нефтебазы, не позволили завершить полностью исследование памятника. Тем не менее, материалы, полученные за три года раскопок поселения, весьма интересны и многочисленны. Часть из них введена в науку, часть еще ждет своего исследователя. Данной статьей мы завершаем исследование неолитического поселения, но еще имеются огромные коллекции из поселения эпохи энеолита (верхний слой). Автор выражает надежду, что эти богатейшие материалы ему удастся опубликовать в ближайшее время.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок // ТД научной конференции по итогам работ за 1964 год. Петрозаводск, 1966, с. 116—118.

Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. Стоянка Вигайнаволок I // Новые памятники истории древней Карелии. Л., 1966, с. 152—177. Журавлев А. П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигайнаволок I // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 91—94.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

Применение данных естественно-научных дисциплин в археологических исследованиях Пегремы

В статье автор ставит цель кратко обобщить некоторые итоги комплексных исследований, проводимых в течение последних лет группой специалистов разных наук в Пегреме. В настоящее время эти работы находятся в стадии развития. Раскопано 26 памятников общей площадью более 4000 м², вскрыто 16 жилищ, 8 мастерских эпох мезолита — раннего металла, найдены клады сланцевых и кварцевых орудий, скопление сырья, сотни сосудов и каменных орудий, дендриты самородной меди и поделки из нее, а также предметы искусства, фаунистические остатки. Коллекции подвергнуты всестороннему археологическому изучению, исследованы методами естественных наук.

В полевых и лабораторных изысканиях наряду с археологами принимают участие физики, химики, геологи, палеогеографы из научных центров Москвы, Ленинграда, Тарту, Петрозаводска.

Опираясь на данные полученных результатов, исследователи получили новые представления о древней истории края. Этому способствовали, кроме чисто археологических исследований, в значительной степени, изучение палеогеографической и геологической ситуации района, проведение металлографических, спектрографических, химических, остеологических обследований образцов из древних поселений, а также палинологических и радиоуглеродных анализов.

Особое внимание уделяется поискам и изучению источников сырья. Вопрос сырьевых ресурсов древней экономики является одним из актуальных в археологической науке, поскольку изучение пород камня, служивших для изготовления орудий труда и охоты, а также степень трудности добычи сырья и превращения его в законченный продукт — позволяет раскрыть процесс трудовой деятельности человека во всей его полноте и разнообразии (Гурина, 1976).

Наличие или отсутствие пород камня, пригодных для изготовления орудий, в значительной степени определяло уровень развития индустрий и степень совершенства каменных орудий.

Убедительной иллюстрацией этого положения является каменный инвентарь из поселений Пегремы, где местные породы камня использовались для изготовления орудий во все времена от мезолита до раннего металла. Здесь же была открыта местная самородная медь.

Особенно богаты и разнообразны сланцевые орудия, давно ставшие объектом пристального внимания исследователей. При этом основное внимание уделялось изучению типов орудий, их функциональному назначению, технологии изготовления, типологии. В меньшей мере исследованы вопросы, связанные с изучением материала, из которого изготовлены орудия.

С целью восполнить этот пробел в Институте геологии КФ АН СССР была подвергнута петрографическому анализу серия сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы (Журавлев, 1979). Результаты изучения и их сравнение с соответствующими породами из Вегорукского и Мягрозерского месторождений сланцев и алевролитов показало идентичность их структуры, текстуры и минерального состава. Причем, сланцы и алевролиты типа Вегорукского и Мягрозерского встречаются только в Карелии, и район их распространения локализуется районом г. Кондопоги, Кондопожского полуострова, захватывая территории оз. Саидал, Кедрозера, Викшезера и восточного побережья Онежского озера (зал. Черга). На Заонежском полуострове они встречаются от оз. Ладмозера до Ламбасручья.

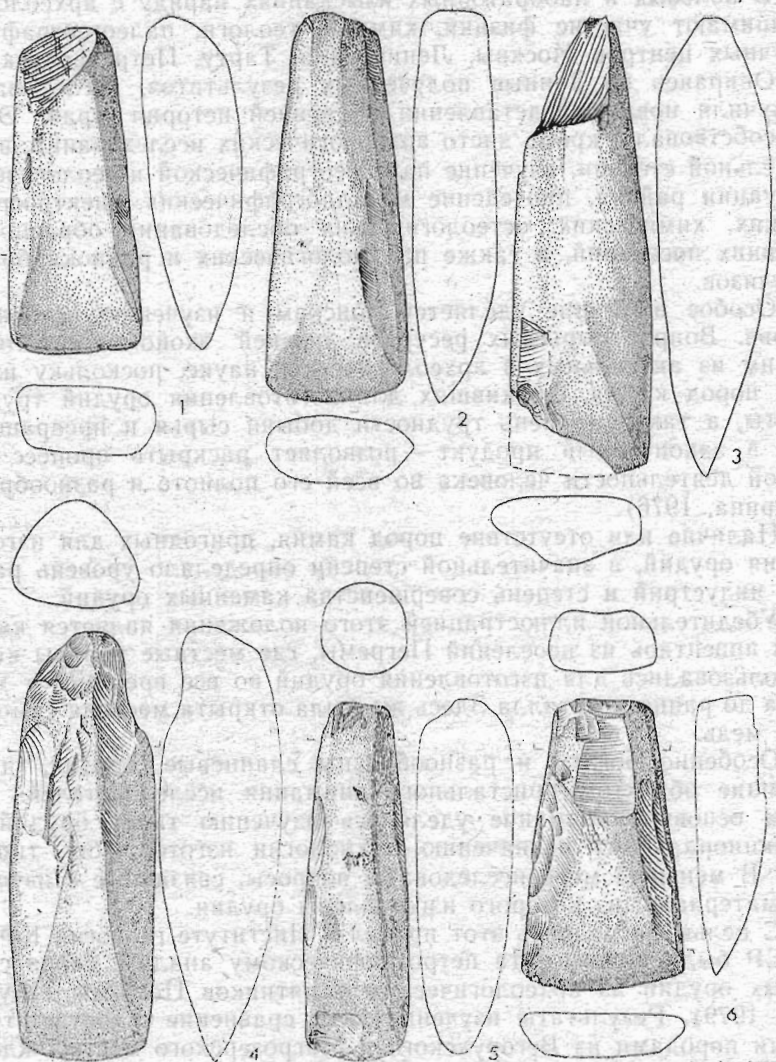

Рис. 10. Сланцевые топоры

Таким образом установлено, что орудия изготовлены из местного материала (рис. 10), имеющего широкое распространение в районе стоянок, и, в частности, у Ламбасручья и Мягрозера. Орудия сделаны из сланцев и алевролитов альбит-хлоритового и

кварц-альбит-хлоритового состава, имеющих преимущественное распространение среди вулканогенно-осадочных пород Суйсарьской свиты среднего протерозоя Южной Карелии.

Следовательно, мы можем достаточно обоснованно говорить о существовании в неолитическую и энеолитическую эпоху на территории южной Карелии центра по обработке сланца. Для этого центра было характерно: 1) своеобразие геолого-географической ситуации с богатой биомассой и наличием доступного высококачественного сырья, выходящего на поверхность. Разработка сланца производилась открытым способом; 2) наличие близ выходов сырья крупных поселений, мужское население которых занималось разработкой камня и изготовлением орудий; 3) следовательно, в энеолите в Заонежье развивалось горное дело, на поселениях отмечается высокоразвитая сланцевая индустрия; 4) сланец использовался не только для собственных нужд местного населения, но и для обмена с другими племенами.

Тот факт, что в мастерских Пегремы производилась доработка орудий, а также наличие кладов заготовок и сырья, орудий различной стадии обработки и большое число отходов производства, может свидетельствовать о развитии специализации отдельных членов рода и, по-видимому, целых коллективов энеолитического Заонежья по добыче каменного сырья и изготовлению из него орудий. В этих условиях создавались благоприятные предпосылки для начала разделения труда у энеолитических племен Севера при их особой специфике рыболовецко-охотничьего хозяйства.

До недавнего времени считалось общепризнанным мнение о том, что древние племена Карелии в связи с отсутствием здесь кремневых месторождений доставляли кремль обменным путем из Волго-Клязьминского междуречья, с территории Каргопольской культуры, а так же с Валдайской возвышенности, с Верхней Волги и других отдаленных территорий (Брюсов, 1940; Гурина, 1961; Панкрушев, 1978). Исходя из этого исследователи строили те или иные гипотезы, связанные с проникновением на северо-запад популяций из кремневых зон в разные эпохи. Вместе с тем, в геологической литературе имеются указания на то, что на южном берегу Онежского озера встречается кремль (Ковнурко, 1973). Встала задача найти его. С этой целью комплексная экспедиция Карельского филиала АН СССР с участием геологов и археолога провела обследование южного берега Онежского озера и долины реки Вытегры. Экспедиция ставила своей задачей выявление кремневых месторождений и возможность использования местного кремня древними племенами бассейна Онежского озера.

В ходе разведки сразу же были обнаружены крупные и различные местопоявления кремня (Журавлев, 1982). По реке Вытегре отмечен ряд местопоявлений, из которых наиболее существ-

венными являются: Александровское, Белоручейское, Девятинское, а на Онежском озере Южно-онежское (Кюршевское).

Таким образом, уже сам факт наличия местного кремня и визуальное сравнение кремневых орудий древних поселений бассейна Онежского озера и Водлозера с кремнем из вновь открытых месторождений давал серьезные основания предполагать возможность использования этого сырья древнейшим населением Карелии*. Но для того, чтобы сделать окончательный вывод, необходимо было установить идентичность материала научными методами. С этой целью для изучения структуры кремня и сравнения его с кремневыми орудиями древних поселений Карелии в Институте геологии КФ АН СССР было проведено петрографическое и палеонтологическое изучение конкреций из вышеописанных местопроявлений и кремневых орудий из стоянок бассейна Онежского озера. В настоящее время установлена петрографическая идентичность, а также идентичность палеонтологических остатков в кремневых орудиях энеолитических поселений Пегремы, мезолитической стоянки Муромское VII и др., и кремневых стяжений в известняках верхнего карбона реки Вытегры.

Особый интерес представляют орудия из черного кремнистого минерала, именуемого в большинстве описаний «роговиком». Заонежские «роговики» представляют собой местную породу шунгито-кремнистых сланцев (лидиты). Заонежские лидиты широко использовались древними племенами для изготовления орудий. Причем, лидитовая индустрия возникла в местных условиях и долгое время не подвергалась новациям. Особенно богат набор лидитовых наконечников. Формы и размеры их были, видимо, заимствованы от кремневых: листовидные, ромбические, чешковские, с усеченным основанием и т. д. Они обработаны плоской, пильчатой, крутой, мелкой ретушью иногда сколами, имели разнообразное применение. Использовались для охоты на крупных животных, мелких зверей, птицу. Для охоты на белку, например, применялись наконечники с искусственно притупленным острием. Встречены специализированные орудия охоты из этого минерала.

Таким образом, лидитовая охотничья индустрия, (рис. 11), открытая в бассейне Онежского озера по-новому характеризует самобытную локальную особенность развития племен региона в эпоху камня и раннего металла. Показательно, что находки лидитовых орудий в любом другом районе Европейского Севера можно уверенно связывать с заонежским импульсом, т. к. именно здесь расположены месторождения лидита.

* Местопроявления кремня обнаружены также археологической экспедицией музея «Кижы» в 1991—92 гг. на о. Кижы.

Изучение кварцевых индустрий древних поселений Заонежья неоспоримо свидетельствует о том, что во все времена население края использовало местные ресурсы, которыми изобилует район. Осмотр местности выявил многочисленные факты наличия кварца, как галечного, так и залегающего в коренных породах. На древних поселениях Заонежья в основном встречаются крупные куски кварца, нуклеусы из этого минерала, а также многочисленные отходы производства в виде осколков и отщепов, сопровождающиеся богатым и разнообразным набором орудий. Все свидетельствует о том, что население края использовало для орудий не галечный кварц, а сырье, добытое из коренных месторождений.

Наиболее подходящие породы этого сырья залегают в северо-восточной части этого полуострова. Здесь археологическими исследованиями выявлены жилы высококачественного кварца молочно-белого цвета, выходящие на поверхность. Обнаружены шахты, штольни, а также многочисленные отвалы, свидетельствующие о разновременных разработках кварца. И, в частности, наличие древних выработок подтверждают изделия из кварца и отходы их производства, а также ямочно-гребенчатая керамика, обнаруженная среди отвалов на Валгомозере. Культурный слой отсутствует. Не обнаружено следов древних поселений и поблизости от месторождения. Все наводит на мысль о том, что данный район представлял, видимо, в древности «нейтральную зону», где добывали высококачественный жильный кварц для изготовления орудий разные племена и в различное время, проживавшие на берегах Онежского озера. Идентичный кварц, в частности, обнаружен на стоянках в Пегреме, Ширыйнаволоке, Оровнаволоке, у Вытегры. Следовательно, район Заонежья являлся серьезной сырьевой базой на северо-западе в эпоху мезолита — раннего металла.

Наконец, о металлообработке. Исследование металла из энеолитических поселений с ромбоямочной керамикой, свидетельствует о зарождении металлообработки в Заонежье на базе местной самородной меди в III тысячелетии до н. э. (Журавлев, 1981). Тогда на территории Заонежья возник древнейший центр по обработке меди. Металл обрабатывался холодной ковкой. Эта технология прослежена на стоянках: Пегрема I, III, VII, Клим I, Вигаинаволок I, Сандермоха I, Оровнаволок № 9, Деревянное I.

Изучение металла со стоянок с асбестовой керамикой (Войнаволок XXIV, Кочнаволок II, Оровнаволок XVI), датированных II — началом I тысячелетия до н. э., дает основание считать, что к этому времени наметился переход к усложнению технологии — переплаву самородной меди и изготовлению из нее изделий с применением горячейковки, нагартковки, отжига.

Анализ предметов из выплавленной меди, обнаруженных на стоянках Залавруга IV, приводит к заключению о том, что насе-

ление обладало навыками более сложной технологии обработки металла: плавка, литье, ковка, нагартовка. Предметы датируются эпохой раннего железа (Журавлев, Девятова, Врублевская, 1981). На стоянках этого периода найдены тигли, литейные формы, льячки (Кудомо X, XI, Муромское III, Илекса V, Лахта II, Пичево и др.). Аксессуары древних металлургов свидетельствуют о развитой металлургии у племен, заселявших Карелию во второй половине I-го тысячелетия до н. э. — первой половине I-го тысячелетия нашей эры.

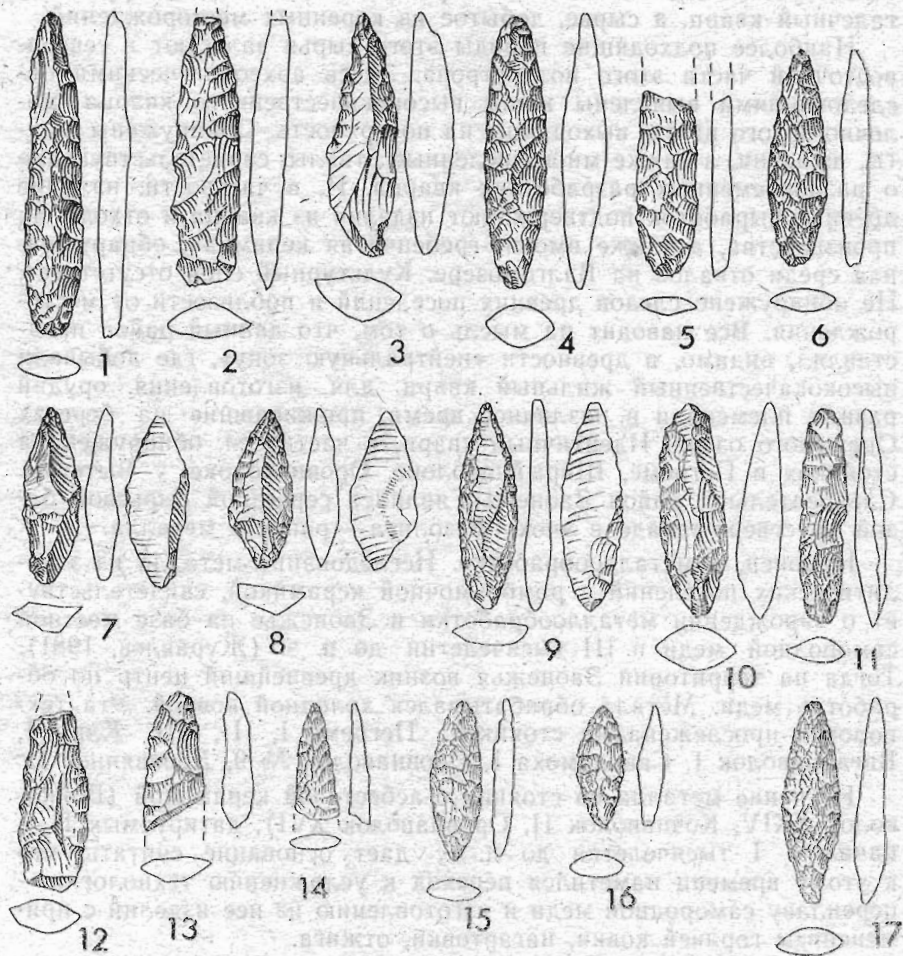
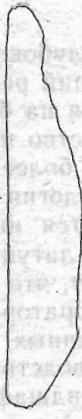

Рис. 11. Лидитовые наконечники

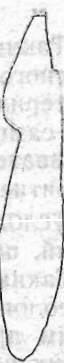
18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

Таким образом, результаты всестороннего и глубокого комплексного исследования металла из древних поселений региона характеризуют металлургию с момента ее зарождения на базе местной самородной меди. В дальнейшем это производство не угасает (Савватеев, 1984), а получает в местных условиях более широкое развитие в эпоху бронзы и раннего железа. Технология обработки усложняется. Увеличивается и дифференцируется инструментарий, появляются изделия и сплавы из бронзы и латуни.

Таким образом, из приведенного обзора явствует, что изучение археологического объекта в поле и находки в лаборатории с широким применением современных методов естественных и технических наук, изучение технологии и техники производства, сырья, определение абсолютной хронологии и древнего ландшафта в конечном счете раскрывает историзм изучаемого явления.

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н. Н. Древние кремнеобрабатывающие шахты на территории СССР. Л., 1976.

Журавлев А. П., Горлов В. И. Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы, СА, № 1, 1979.

Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, № 87, М.-Л., 1961.

Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. I, II. Л., 1978.

Савватеев Ю. А. Залавруга. Ч. I, II. 1977.

Журавлев А. П. Сырьевая база кремневых орудий бассейна Онежского озера. СА, № 1, 1982.

Ковнурко Г. М. Некоторые сведения о кремневых выходах на Северо-Западе РСФСР. МИА, 172, 1973.

Журавлев А. П. О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии. КСИА, № 142, 1975.

Журавлев А. П., Девятова Э. И., Врублевская Э. Л. Медные изделия стоянки Залавруга IV. СА, № 4, 1981.

Савватеев Ю. А. Некоторые итоги и особенности археологических исследований в 70-х гг. в Карелии. В кн.: Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984, с. 67.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

Печи для обжига глиняных сосудов эпохи энеолита в Пегреме

Печи открыты автором в 270 м к востоку от поселения Палайгуба II. Находятся в сосновом бору на ровной песчаной террасе, удаленной от воды на 200 м. Высота террасы не превышает 7—8 м над современным уровнем Онежского озера.

После сильного пожара 1988 года на значительном участке основного бора выгорела высокая трава, мелколесье, мох. На современной поверхности почвы обнажились валуны, а от упавших деревьев под их корнями обозначились пятна красной охры, выступающие угловатой формы камни. Здесь и был заложен раскоп площадью 12 м².

После снятия дерна и подзола на поверхности раскопа стало выявляться сооружение из камней средних размеров, положенных без связывающего раствора в определенную систему. Рядом находились обломки глиняного сопла. Поверхность первого горизонта представляла собой желтый песок с вкраплениями охристого песка красного цвета. В квадрате 1 выявилась подковообразная линза светлого песка, аналогичное пятно обозначилось на границе квадрата 1а и 2а. Его размеры 118x81 см, частично выходит за пределы раскопа. На восточной границе квадрата 2 и квадрата 3 выявился мощный слой угля. Остальные находки представлены обломками глиняного сопла. Они залегали скоплениями у северной и южной части сооружения. У северной стороны обозначилось кострище размерами 28x26 см. Около него найдены два фрагмента асбестовой керамики, кремневые скребло и нож.

При проходке второго горизонта выявились остатки еще трех кострищ. Вокруг каменного сооружения обозначилась подковообразная линза белого песка. Ее ширина 28—41 см. Линза как бы контурировала все сооружение, не замыкаясь в южной его части,

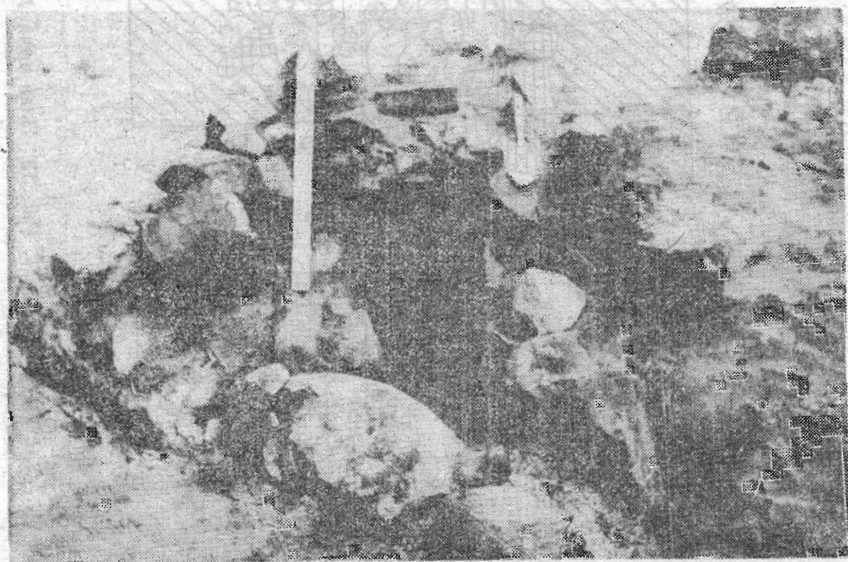

Рис. 12. Печь № 1 для обжигов сосудов

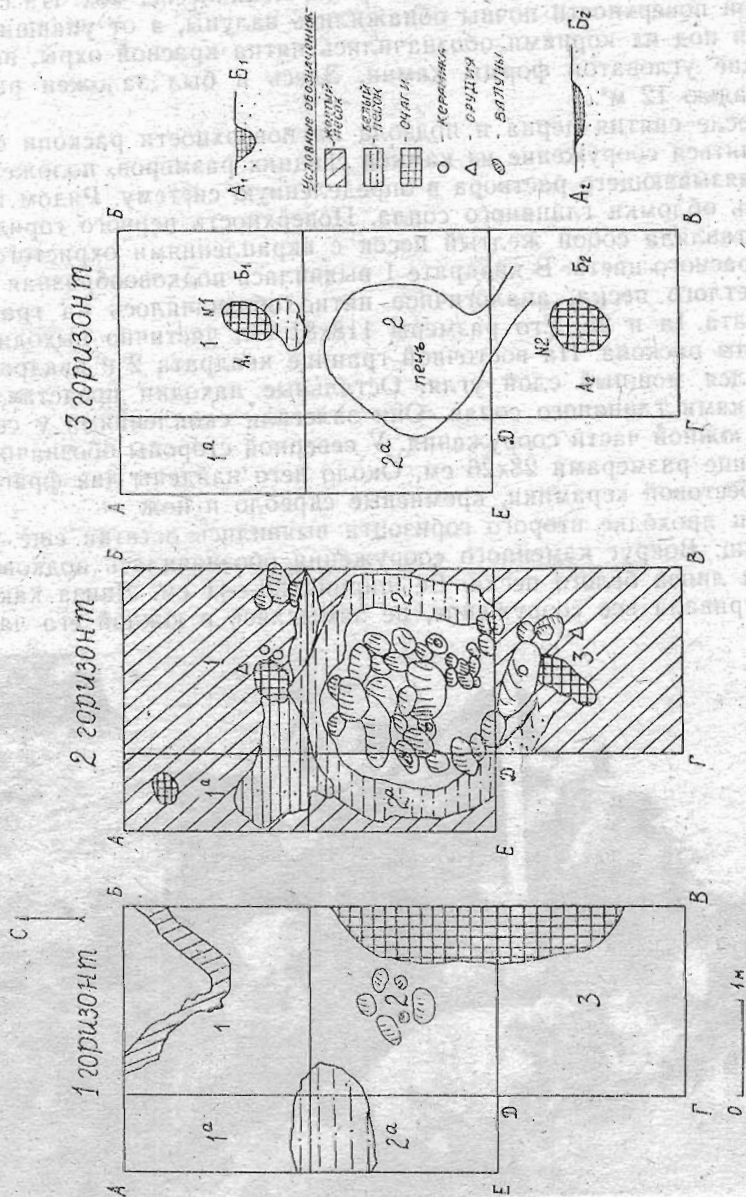

Рис. 13. План печи № 1 для обжигов сосудов

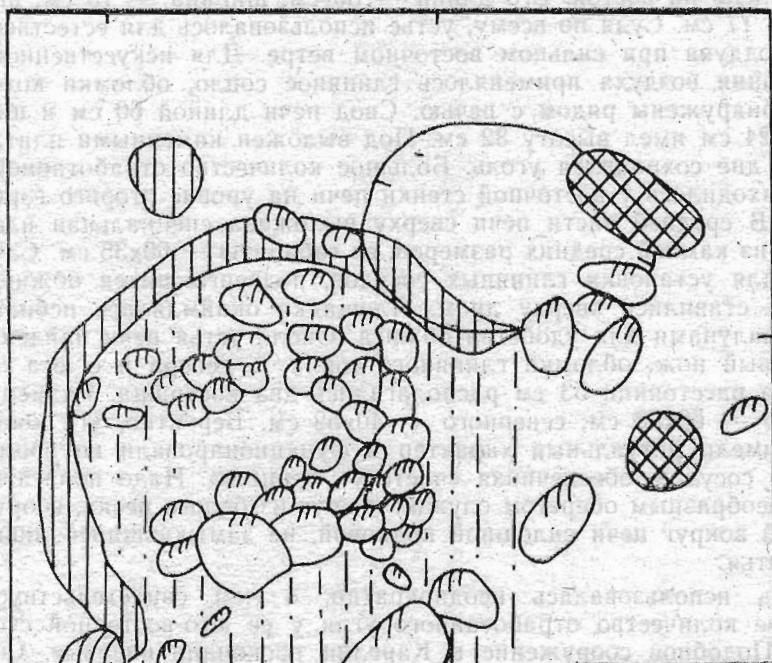
где находился вход в него. Он был сложен из валунов, на которых сохранились следы огня.

После зачистки второго горизонта сооружение выявилось полностью. Его длина 1,6 м, ширина 1,2 м, высота 0,35 м. (рис. 12, 13). Представляло собой печь, сложенную из 53 камней диаметром от 6х10 до 25х40 см. Ориентирована по направлению С—Ю, устье направлено на восток. Его длина — 30 см, ширина — 15 см, высота — 17 см. Судя по всему, устье использовалось для естественного поддува при сильном восточном ветре. Для искусственного нагнетания воздуха применялось глиняное сопло, обломки которого обнаружены рядом с печью. Свод печи длиной 60 см и шириной 24 см имел высоту 32 см. Под выложен каменными плитами, на дне сохранился уголь. Большое количество отработанного угля находилось у восточной стенки печи на уровне второго горизонта. В средней части печи сверху выложена специальная площадка из камней средних размеров, ее габариты — 60х35 см. Служила для установки глиняных сосудов, подвергавшихся обжигу. Сосуды ставились кверху дном. Площадка окаймлялась небольшими валунами для удобства обжига. Около устья печи найдены кремневый нож, обломки глиняного сопла. С севера и с юга от печи на расстоянии 53 см располагались два кострища. Размеры южного — 60х68 см, северного — 40х52 см. Вероятно, эти кострища имели ритуальный характер и функционировали во время обжига сосудов, обеспечивая «чистоту» процесса. Надо полагать, что своеобразным оберегом служил и круг из белого песка, сооруженный вокруг печи сплошной подковой, не замыкавшийся лишь у ее устья.

Печь использовалась неоднократно, о чем свидетельствует большое количество отработанного угля у ее юго-восточной стороны. Подобное сооружение в Карелии раскопано впервые. Согласно археологическому материалу оно датируется поздним энеолитом. Именно к этому времени относятся асбестовые сосуды коричневого цвета с примесью иголок или волокон асбеста к глиняному тесту и украшенные редкими оттисками гребенчатого штампа и редкими ямками. Аналогичная посуда раскопана на поселениях позднего энеолита Палайгуба II и Палайгуба X, которые датированы 3150 ± 100 и 2670 ± 120 годами.

Печь № 2 (рис. 14). Расположена в 60 м от печи № 1. Сложена из 86 камней размерами от 10х12 до 50х40 см, связанных между собой глиняной обмазкой. Размеры печи составляют 2,5х2 м, высота 0,5 м. Двухкамерная. Камера № 1 расположена в северо-западной части печи, устьем ориентирована на запад. Длина камеры — 1 м, ширина — 0,5 м, высота — 0,49 м. На дне ее — сильно прокаленный песок с зольно-углистой прослойкой 3—5 см. Камера частично разрушена корнями дерева, которое произрастает

↗ С

Условные обозначения:

- - красный песок
- - белый песок
- - глиняная обмазка
- - валуны
- - каменные орудия

0 2 м

Рис. 14. План печи № 2 для обжигов сосудов

изнутри печи. Девять камней отброшены в сторону. Камера № 2 расположена в юго-восточной части печи. Ее длина — 1,5 м, ширина — 0,49 м, высота — 0,51 м. На дне также расположена прослойка сильно прокаленного песка и зольно-углистый слой мощностью 5—7 см. Камера устьем ориентирована на юг. Изнутри ее также растет дерево, которое корнями разрушило частично печь. Восемь камней отброшены в сторону.

С востока от печи расположены три ярко-охристых пятна. С севера — яма диаметром 2 м и глубиной 0,6 м. У ее южной обочины лежат четыре крупных обожженных валуна. Вокруг печи на уровне второго горизонта залегает белый песок в виде подковообразной полосы, шириной 50—55 см, толщиной 1—1,5 см. В 1,5 м с северо-запада от печи расположено небольшое пятно такого же песка.

Судя по всему, белый песок, как и у печи № 1 следует связывать с ритуалом защиты печи от злых сил во время обжига сосудов. Это круг-оберег. Охристые пятна несут, впрочем, ту же функцию. Они расположены с юго-востока. Здесь же найдены сланцевый точильный брусок и яйцообразный валун со следами работы.

Сравнивая печь № 2 с печью № 1 следует отметить, что во второй присутствует глиняная обмазка. Она более совершенна. Сосуды были замурованы в камеры и после обжига охлаждались вместе с печью. Обжиг в них был более совершенным. Так, благодаря открытию и раскопкам в Пегреме двух печей удалось восстановить весь процесс древнего керамического производства, отдельные звенья которого до недавнего времени не были изучены, но вызывали интерес как в техническом отношении, так и с точки зрения идеологических представлений древних гончаров Заонежья, связанных с процессом изготовления глиняных сосудов в энеолите, где особое место уделялось обжигу, как святодействию, чуду, в результате которого мягкая пластическая глина неожиданно превращалась в твердый, звонкий сосуд. Процесс совершался в тайне и сопровождался соответствующими ритуалами, обеспечивающими «чистоту» обжига. Поговорка «не боги горшки обжигали» обретает особый смысл, дошедший до нас из глубокой древности.

А. И. КОРОЛЕВ

К вопросу о происхождении керамики имерского типа в Примокшанье

В первой половине 80-х годов, благодаря трудам В. П. Третьякова и А. А. Выборнова, в Примокшанье был выделен новый тип энеолитической керамики — имерский. Ими же был поставлен

вопрос о выделении имерской археологической культуры. Результаты работ были широко представлены в литературе (Третьяков, 1987, Выборнов, Третьяков, 1984), поэтому здесь нет необходимости подробно останавливаться на культурологической характеристике имерских материалов.

Поскольку среди других археологических источников для эпох неолита—энеолита керамика является наиболее ярким культуроопределяющим показателем (Фосс, 1952, с. 67, 77), в данной работе рассматривается именно керамический инвентарь энеолитических и неолитических стоянок. Анализ других свидетельств материальной культуры выходит за рамки темы данной работы.

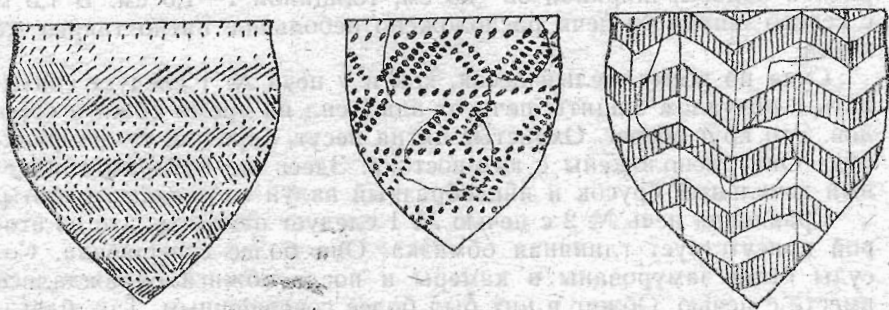

Рис. 15. Имерские сосуды поселения Новый Усад 4

Посуда имерского типа (рис. 15) изготавливалась от руки лопутным и ленточным способами, в качестве добавок в тесто использовались птичий помет и другие примеси. Сосуды желто-коричневатых оттенков имеют вытянутые, высокие пропорции с приостренным, либо небольшим плоским дном и несколько отогнутым наружу, либо прямым венчиком с наплывом на внутренней стороне. В системе орнаментации есть четкая закономерность соотношения различных элементов орнамента. Доминируют прочерченные линии до 70%; около 20% фрагментов содержат наколы и ямочные вдавления различных форм, нередко нанесенных в отступающей манере, примерно 10% орнаментировано коротким, в 2—5 зубцов гребенчатым штампом. Типичен орнаментальный пояс по венчику, выполненный одним из трех элементов.

В настоящее время ареал распространения имерских поселений включает в себя бассейн р. Мокши с поселениями Усад 4, Машкино 10, Скачки. В поречье р. Вад известны поселения Имерка 5, 6, 8, Ширингуши. На верхней Суре неподалеку от г. Пензы В. В. Ставицким исследовано поселение Грабово. На р. Оке подобная керамика известна по коллекции с Ибердусской стоянки (Мансуров, Бадер, 1974, с. 264, рис. 4).

Немаловажным видится то обстоятельство, что на Верхней Волге, в Поочье, на Средней Волге, где широко представлены памятники эпохи энеолита, имерские материалы не известны за исключением стоянки Ибердус, расположенной неподалеку от устья Мокши.

Таким образом, географически имерские поселения тяготеют к лесостепи, доходя до южной кромки лесов на севере, в поречье Оки. Хронологически имерские материалы синхронизируются с волосовскими. Об этом свидетельствует сходство кремневых орудий, наличие «гибридной» посуды, совместное залегание керамики на многослойных поселениях Новый Усад 4 (Королев, Третьяков, 1991) и Имерка 8.

Но основная зона распространения волосовских древностей приурочена к лесной зоне. Продвижение волосовского населения южнее, в лесостепь происходило в рамках ареалов пойменных лесов рек Мокши, Вада в Мордовии, Сока, Волги в Самарском Поволжье (Чесноковское (Бахарев, Овчинникова, 1991), Гундоровское (Васильев, 1990, с. 65—66), и Лебяжинское III поселение).

Граница отмеченных контактов волосовцев и имеркцев включает север лесостепной зоны на территории Мордовии. В остальном достаточно четко фиксируется разграничение их ареалов обитания.

В связи с выраженным своеобразием имерской керамики остро встал вопрос о происхождении её изготовителей. В. П. Третьяковым и А. А. Выборновым (Выборнов, Третьяков, 1984, с. 100) было высказано мнение о возможной связи имерского и неолитического камского, верхневолжского, либо среднедонского населения, оставившего материалы типа дронихи. Впоследствии В. П. Третьяков сделал предположение об автохтонном характере имеркцев (Третьяков, 1990, с. 149). Имеющийся в настоящее время фонд источников позволяет конкретизировать намеченные варианты решения этого вопроса и попытаться определить наиболее вероятное направление происхождения имерского населения.

Эпоха неолита рассматриваемого региона изучена по стоянкам Имерка I-A, II, III, IV, VI, VII, Подлесное III, IV, Подтодеево и другим. Выделяются два неолитических пласта: ранний — накольчатый и гребенчатый, поздний — ямочно-гребенчатый. Керамика первого содержит минимум признаков, которые можно было бы соотносить с имерской. Плотная тонкостенная керамика с примесью песка и шамота крайне редко украшалась прочерченными линиями. Здесь абсолютно преобладают наколы треугольной и овальной формы, нанесенные в «струйчатой» манере. Лишь отдельные, наиболее простые узоры: наклонные, горизонтальные, нанесенные под углом ряды наколов демонстрируют сходство с имерскими мотивами (рис. 16).

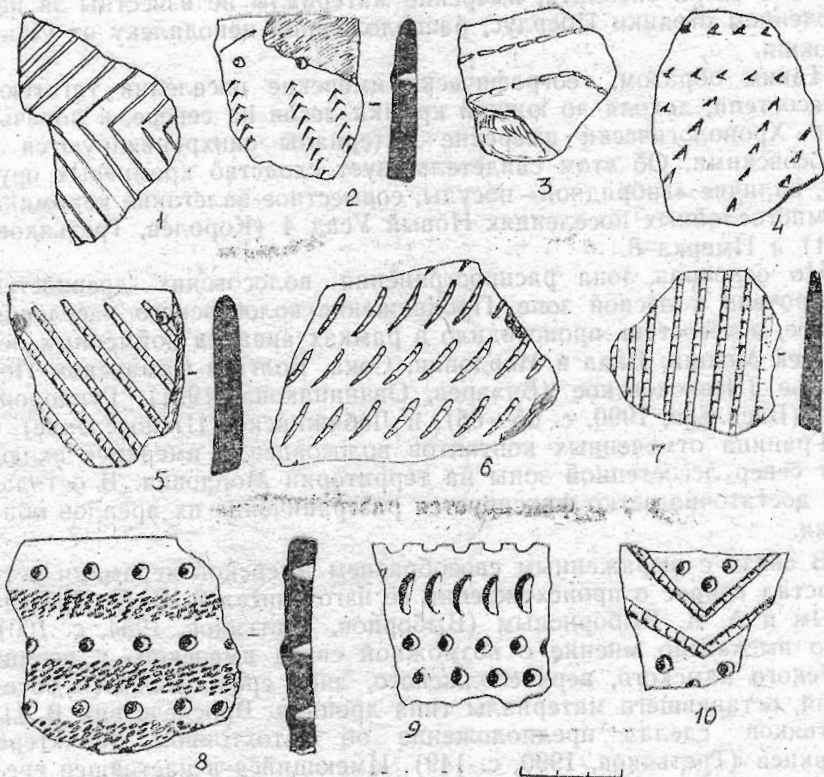

Рис. 16. Неолитическая накольчатая (1—4), гребенчатая (5—7), ямочно-гребенчатая (8—10) керамика с примосканских памятников

Крайне незначительная и степень сходства имерской и гребенчатой неолитической посуды региона. Она ограничивается применением короткого зубчатого штампа и некоторыми несложными рисунками. Судя по сохранившимся фрагментам, накольчатые и гребенчатые сосуды имели полуяйцевидную форму, значительно отличались от имерских.

По мнению специалистов неолитические накольчатые и гребенчатые комплексы являются разнокультурными (Третьяков, 1988, с. 19), в то время как в имерской керамике разделение на накольчатую, гребенчатую и прочерченную группы — условное, в рамках единого комплекса. Сравнительный анализ имерской и ямочно-

по-гребенчатой керамики показывает полное несовпадение в их технологии изготовления, формах сосудов и орнаментации.

Таким образом, приведенные выше обстоятельства не дают оснований для утверждения об автохтонном характере материалов имерского типа, поэтому точка зрения о местной неолитической основе имеркцев нуждается в дополнительной аргументации.

Признавая пришлый характер имерского населения в Приокшанье, отметим существование некоторых параллелей в материалах стоянок верхневолжской неолитической культуры. Верхневолжская керамика изготавливалась с добавлением шамота в тесто, позднее в качестве добавок были включены дресва и птичий помет (Цейтлин, 1988, с. 50—51). В орнаментации сосудов использованы такие элементы, как прочерченные линии, короткий зубчатый штамп, овальные наколы близкие имерским, мотивы «паркет», сетка, горизонтальная елочка, ряды наклонных прочерченных линий и оттисков гребенки. Но, прочерченная орнаментация присутствует в посуде раннего этапа развития культуры, составляя чуть более 2% от всей керамики и позже исчезает, замещаясь гребенчатым штампом (Цейтлин, 1991, с. 104—105). По мнению Д. А. Крайнова, верхневолжская керамика содержит значительное сходство с воловской, при сложении которой она явилась основным компонентом (Крайнов, 1981).

Время бытования верхневолжской культуры определено V — третьей четвертью IV тысячелетия до н. э. (Крайнов, 1978, с. 58), что далеко выходит за рамки существования имерских древностей. И если хронологический разрыв между верхневолжской и воловской культурами в какой-то степени восполнен протоволовским этапом, то переходные к имерским материалы пока не обнаружены.

На Средней Волге и в Нижнем Прикамье также отмечено использование накольчато-прочерченной техники орнаментации керамики на Кабы-Копрынской, Щербетской II, Лебединской II и других неолитических стоянках. По мнению А. Х. Халикова роль прочерченных линий в дальнейшем снижается, сохраняясь в очень незначительной степени на завершающем этапе неолита региона в посуде Старо-Мазиковских II и III, Хуторской стоянок (Халиков, 1969, с. 58). В то же время здесь возрастает роль гребенчатого штампа и процент венчиков с напыльвом. Другие специалисты придерживаются мнения о разнокультурном происхождении накольчатой и гребенчатой керамики и появление посуды с накольчато-прочерченным орнаментом относят ко времени развитого и позднего неолита (Габяшев, 1978, с. 76; Наговицин, 1988, с. 69).

Восточные районы Прикамья в неолитическую эпоху входили в зону влияния южно-уральского и зауральского населения, оказавшего влияние на формирование гаринско-борской культуры

(Денисов, Мельничук, 1986; Мельничук, Пономарева, 1984, с. 50—51).

Зауральские традиции в оформлении посуды полуденского и кошкинского этапов развития восточно-уральской культуры (Ковалева, 1988, с. 107) несколько напоминают имерские, прежде всего в формовке напыла на внутренней стороне венчиков, приостренные формы дниц, прочерченной орнаментации. Но различия здесь более существенны: напыль имеет совершенно другие формы, а накольчатый и прочерченный орнамент выполнялся обычно в струйчато-волнистой манере (Ковалева, 1989, рис. 1—3; 5—6), полностью отсутствующей в имерской керамике.

Весьма перспективным в плане решения проблемы генезиса имерцев является привлечение прочерченно-накольчато-гребенчатых материалов с поселения Дрониha на Среднем Битюге (Килейников, 1979). Выявленная здесь керамика содержит свыше 1/3 фрагментов с органическим и раковинными примесями. Сосуды—вытянутых пропорций, имеют прямые венчики и приостренные конические днища. В орнаментации характерно густое заполнение орнаментального поля, включая днища, иногда срезы венчиков. Венчики оформлялись пояском из ямок (Синюк, 1986, с. 109—111, рис. 25—27).

Стратиграфически более древней представляется накольчатая керамика, украшавшаяся наколами треугольной, скобковидной, трапецевидной, половальной формы.

Гребенчатая и прочерченная группы являются более поздними (Синюк, 1986, с. 100). Формы венчиков и дниц для гребенчатой керамики остаются традиционными, лишь на сосудах с обильной органической примесью появляются оттиски более крупного штампа. Орнаментальные мотивы, также достаточно просты (Синюк, 1986, с. 107). Наиболее выразительна здесь многочисленная группа сосудов, украшенных линейным орнаментом, целый ряд признаков которого находит аналогии в имерской керамике. Это выделение венчиков особым орнаментальным пояском, доминирование прочерченного орнамента при подчиненной роли наколов треугольной и трапецевидной формы и короткой гребенки, которые использовались, в основном, как разделители орнаментальных зон. Также как и на имерских сосудах срез венчика украшался часто не основным элементом орнамента. Объединяют их преобладание конических дниц и наличие плоских, преобладание органики в тесте имерской керамики и значительный (до 36%) процент в дронихинской.

Наконец, весьма схожи и орнаментальные мотивы: наклонные ряды прочерков, елочка со стеблем, горизонтальный и вертикальный зигзаг, заштрихованные треугольники, «паркет», вертикальные линии, сетка (Синюк, 1986, с. 108—110). Аналогична и техни-

ка прочерчивания — четкая, глубокая, только прямых линий (рис. 17). По наблюдениям А. Т. Синюка материалы типа дрони-хи располагаются, в основном, в левобережье Дона и представ-ляют собой поздний, пережиточный этап среднедонского неолита.

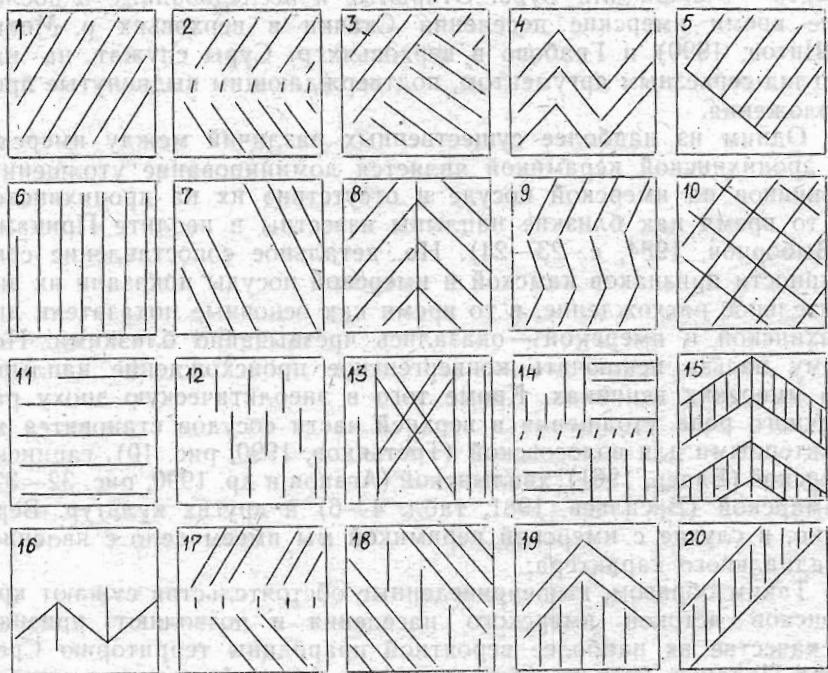

Рис. 17. Прочерченная орнаментация, характерная для дронихинской керамики (1—12); мотивы орнамента, отмеченные только на имерской керамике (13—20)

Археологические данные по эпохе неолита свидетельствуют о широком распространении на Среднем Дону носителей нижнедонской, среднестоговской, репинской культур, в результате чего сильно осложнилась этнокультурная ситуация региона (Синюк, 1980, с. 68—69). Следствием этого процесса могло быть появление синкретических материалов дронихинского типа и миграция части избыточного населения. Возможно, одним из направлений миграций было восточное. Так в Волгоградской области на р. Бузулук В. И. Ереминым были исследованы Староанинское и Козлиновское поселения, в керамике которых отмечены такие приме-си как раковины, трава и песок, а в орнаментации — использова-

ние линейного и накольчатого (скобковидной и треугольной формы) элементов (Еремин, 1989, с. 73—74; рис. 1—2; С. 83, рис. 9).

Меридианальное направление было возможно по гидросистемам рек Битюг — Цна — Мокша; Дон — Ворона — Мокша; Дон — Хопер — Мокша или Сура. Открытые и исследованные в последнее время имерские поселения Скачки в верховьях р. Мокши (Шитов, 1990) и Грабово в верховьях р. Суры служат на наш взгляд серьезным аргументом, подтверждающим выдвинутые предположения.

Одним из наиболее существенных различий между имерской и дронихинской керамикой является доминирование утолщенных венчиков на имерской посуде и отсутствие их на дронихинской, в то время как близкие напльвы известны в неолите Прикамья (Выборнов, 1984, с. 23—24). Но, детальное сопоставление совокупности признаков камской и имерской посуды показали их значительное расхождение, в то время как основные показатели дронихинской и имерской — оказались чрезвычайно близкими. Поэтому нельзя исключать конвергентное происхождение напльвов на имерских венчиках. Кроме того в энеолитическую эпоху различного рода утолщения в верхней части сосудов становятся характерными для волосовской (Третьяков, 1990, рис. 10), гаринско-борской (Бадер, 1961), хвальинской (Агапов и др. 1990, рис. 32—37), самарской (Васильев, 1981, табл. 4—6) и других культур. Вероятно, в случае с имерской керамикой мы имеем дело с явлением стадияльного характера.

Таким образом, вышеприведенные обстоятельства сужают круг поисков истоков имерского населения и позволяют признать в качестве их наиболее вероятной прародины территорию Среднего Подонья. Эти же обстоятельства, с одной стороны, подтверждают выводы А. Т. Синюка об участии среднедонского населения в сложении энеолитических культур севера (Синюк, 1986, с. 147—149), с другой стороны, объясняют их участие в формировании не волосовской, а имерской энеолитической культуры.

Изложенный взгляд на проблему происхождения имерской культуры носит во многом предварительный, дискуссионный характер, проверить который смогут дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Третьяков В. П. Поселение Имерка 5 — памятник эпохи неолита в Приокшанье // СА, 1987, № 1. Выборнов А. А., Третьяков В. П. Поселение Новый Усад 4 на Мокше // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Фоос М. Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА, № 24, М., 1952, С. 67, 77.

Мансуров А. А., Бадер О. Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология рязанской земли, М., 1974. С. 264, рис. 4.

Королев А. И., Третьяков В. П. Поселение Новый Усад 4 в Мордовии // Древности Восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991. С. 65, 67, рис. 7: 1—5.

Бахарев С. С., Обчинникова Н. В. Чесноковская стоянка на р. Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С. 79—80.

Васильев И. Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 65—66.

Третьяков В. П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Ленинград, 1999. С. 149.

Третьяков В. П. Неолит Суры и Мокши // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. С. 36—38; Выборнов А. А., Третьяков В. П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988. С. 19.

Цейтлин Ю. Б. К проблеме сосуществования неолитических культур Верхнего Поволжья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 50—51.

Цейтлин Ю. Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. М., 1991. С. 104—105.

Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. № 2. 1981.

Крайнов Д. А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА, Вып. 153. М., 1978. С. 58.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 58. Таблица Б.

Габяшев Р. С. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА, Вып. 153. М., 1978. С. 76; Наговицин Л. А. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 69.

Денисов В. П., Мельничук А. Ф. Памятники с накольчато-процеченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-борской культуры // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (тезисы докладов предстоящей областной конференции). Оренбург, 1986. С. 52—53; Мельничук А. Ф., Пономарева А. В. Неолитическая стоянка Чашкинское Озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984. С. 50—51.

Ковалева В. Т. Некоторые дискуссионные проблемы в изучении раннего неолита лесного Зауралья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 107.

Ковалева В. Т. Неолит лесного Зауралья. Свердловск, 1989. Рис. 1—3; 5—6.

Килейников В. В. Исследование неолитического поселения и могильника Дрониха на Среднем Битюге // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей школе. Воронеж, 1979.

Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 109—111. Рис. 25—27.

Синюк А. Т. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 68—69.

Еремин В. И. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 73—74 (Рис. 1—2. С. 83. Рис. 9).

Шитов В. Н. Энеолитическое поселение Скачки // Из истории области. Очерки красавцов. Пенза, 1990.

Выборнов А. А. Культурная принадлежность неолита Нижней Белой // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984. С. 23—24.

Третьяков В. П. Волосовские племена в Европейской части СССР в III—II тыс. до н. э. Ленинград, 1990. Рис. 10.

Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье, МИА, № 99. М., 1961.

Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990. Рис. 32—37.

Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. Табл. 4—6.

А. П. ЖУРАВЛЕВ, И. М. ЭКМАН,
А. А. ЛИЙВА

Особенности развития культур эпохи мезолита — раннего металла в бассейне Онежского озера

С использованием данных археологии, геологии, палеогеографии и радиоуглеродного датирования авторами рассматриваются взаимосвязанно основные этапы истории Онежского озера и древнего человека на протяжении эпохи мезолита — раннего металла. Здесь, в благоприятных природных условиях сформировались самобытные оригинальные культуры, не имевшие аналогов в Северной Европе. Стоянки располагались на озерных террасах.

Исследователи, занимавшиеся изучением развития Онежского озера в голоцене, по разному объясняли причины колебаний его уровня. Большинство из них (Марков и др., 1934; Земляков, 1936; Квасов, 1976; Панкрушев, 1978 и др.) основным фактором, влияющим на изменения береговых линий, считают неравномерное изостатическое поднятие Балтийского щита. Компенсационные движения, возникшие в результате снятия ледниковой нагрузки, приводили к перекосу озерной котловины и перемещению озерных масс к южным берегам. Ряд исследователей эти явления объясняют неотектоникой, вызвавшей дифференцированное перемещение отдельных блоков земной коры в пределах озерной котловины (Бискэ и др., 1971). Э. И. Девятова (1986) склонна объяснять колебания уровня Онежского озера в основном эвстатическими причинами.

В последние годы в Онежской котловине установлены многочисленные следы древних землетрясений, имевших место около 7200—7300, 4200 и 3000—2000 лет назад (Журавлев, Лукашов, Экман, Ильин, 1988). Они обнаружены в геологических и археологических объектах, представлены различными формами палеосейсмодислокаций. Авторы обосновывают положение, что проявившиеся на фоне изостатических движений — землетрясения, совместно определили особенности колебания уровня водоема в голоцене. Они влияли и на положение порога стока, регулировали миграцию древнего населения.

Наиболее ранние группы населения связываются с раннемезолитической культурой, уходящей корнями в позднепалеолитиче-

ские постсвидерские культуры охотников на мамонтов. Эти группы проникли на северо-восток в раннем голоцене. Население адаптировалось к местным природным условиям, освоило новые породы камня: сланец, кварц, лидит. На ранних этапах люди вели полукочевой образ жизни, охотясь в основном, на северных оленей. Позже определились оседлость, ведущая роль рыболовства. Находясь в относительной изолированности, это локальное образование—культура—представляло собой особый заонежский культурно-хронологический вариант мезолита Северной Европы (Журавлев, 1989), где сформировался антропологический тип населения с европеоидными чертами. Ему принадлежит приоритет создания Оленеостровского могильника на Южном Оленьем острове в Онежском озере.

По датировке мезолита Карелии высказаны различные точки зрения. Одни исследователи связывают ранний этап заселения этой территории с «арктическим палеолитом» (Земляков, 1937; Савватеев, 1977), другие датируют наиболее ранние памятники X тысячелетия до н. э. и относят их к раннему мезолиту (Панкрушев, 1978). Финальный мезолит датирован IV тысячелетием до н. э.

Эти выводы не были подкреплены результатами сопряженного применения комплекса методов, среди которых ведущее значение для археологии имеют хроно- и биостратиграфические, включая изотопное датирование. Они базировались, в основном, на постулате высотного расположения поселений над уровнем водоема. Считалось, что чем выше памятник расположен над уровнем Онежского озера, тем он древнее.

Вполне очевидно, что высотный метод датировок, сыгравший значительную роль на ранних этапах развития здесь археологической науки, в настоящее время не может удовлетворительно решить проблему датировок древних памятников. Необходимо применение методов смежных наук, проведение комплексных исследований.

Такие работы с участием специалистов естественных и физических наук ведутся на территории Карелии (Девятова, 1986; Журавлев и др., 1988 а, б; Журавлев, Экман, 1989). Получены данные, освещающие с новых позиций проблему датирования древних поселений разных эпох. На основании этих результатов авторы статьи предлагают существенно обновленную хронологическую шкалу мезолитических и более молодых поселений региона с учетом комплекса применяемых методов исследований. Радиоуглеродное датирование играет особенно важную роль при решении вопроса о возрасте археологических памятников. В настоящей работе использованы результаты свыше 100 датировок, в том числе по эпохе мезолита 21.

Из мезолитических поселений восточного побережья Онежского озера, размещенных к юго-востоку от устья р. Водлы, получены самые ранние даты: Бесов Нос VI — 8300 ± 80 (ТА—1454) лет, Кладовец VIII— 7760 ± 100 (ТА—1445), Муромское VII— 7940 ± 120 (ТА—1134) и др. Археологические, геологические и палеогеографические материалы не противоречат таким датировкам памятников, что позволяет сделать вывод о том, что заселение Карелии в голоцене произошло не позднее конца VIII тысячелетия до н. э. (с учетом Оленеостровского могильника). Среди памятников эпохи мезолита по составу преимущественно используемых древним населением горных пород установлены две группы: 1 — с кварцево-сланцевым инвентарем, 2 — с кремневым. Они характеризуют две параллельные линии развития культуры на всем протяжении мезолита Карелии. Первая культурная традиция, которой свойственно использование кварцево-сланцевых орудий (рис. 18), связана с потомками постсвидерских культур Западной Европы — европеоидами, проникшими в раннем голоцене далеко на северо-восток Европейского континента. Вторая культурная линия уходит корнями в Верхневолжский кремневый мезолит. Памятники этой традиции расположены в юго-восточной части Карелии и прилегающих к ней районах Вологодской и Архангельской областей.

Эти обе мезолитические культурные традиции развивались до середины V тысячелетия до н. э. Их финальные памятники характеризуются следующими датировками: Пегрема VIII — 7050 ± 150 (ТА—672) лет, Шелтозеро X — 6400 ± 80 (ТА—1308), Шелтозеро XI a — 6480 ± 70 (ТА—1312) и др.

Со второй половины V тысячелетия до н. э. на северном побережье Онежского озера, отличающимся чрезвычайно сильной изрезанностью береговой линии, возникла на базе кварцево-сланцевого мезолита, раннеолитическая культура Пегрема. Время ее зарождения хорошо датируется по очаговому углю из поселений Пегрема IX — 6510 ± 90 (ТА—1161) л. н. и Шеттима I — 6400 ± 150 (ТА—1552).

К этому времени местная позднемезолитическая культура уже достигла своего кульминационного развития. Прекращается охота на северного оленя. Благоприятные климатические условия голоценового оптимума, изобильная и разнообразная по видовому составу флора, водная и наземная фауна способствовали рыболовству, индивидуальной охоте и собирательству, а богатые местные источники минерального сырья — совершенствованию каменной индустрии. Существенно, что благодаря значительному понижению уровня воды Онежского озера, особенно в северной части его котловины, обнажились ленточные глины, которые с этого времени стали применяться для изготовления сосудов. Именно с этого хро-

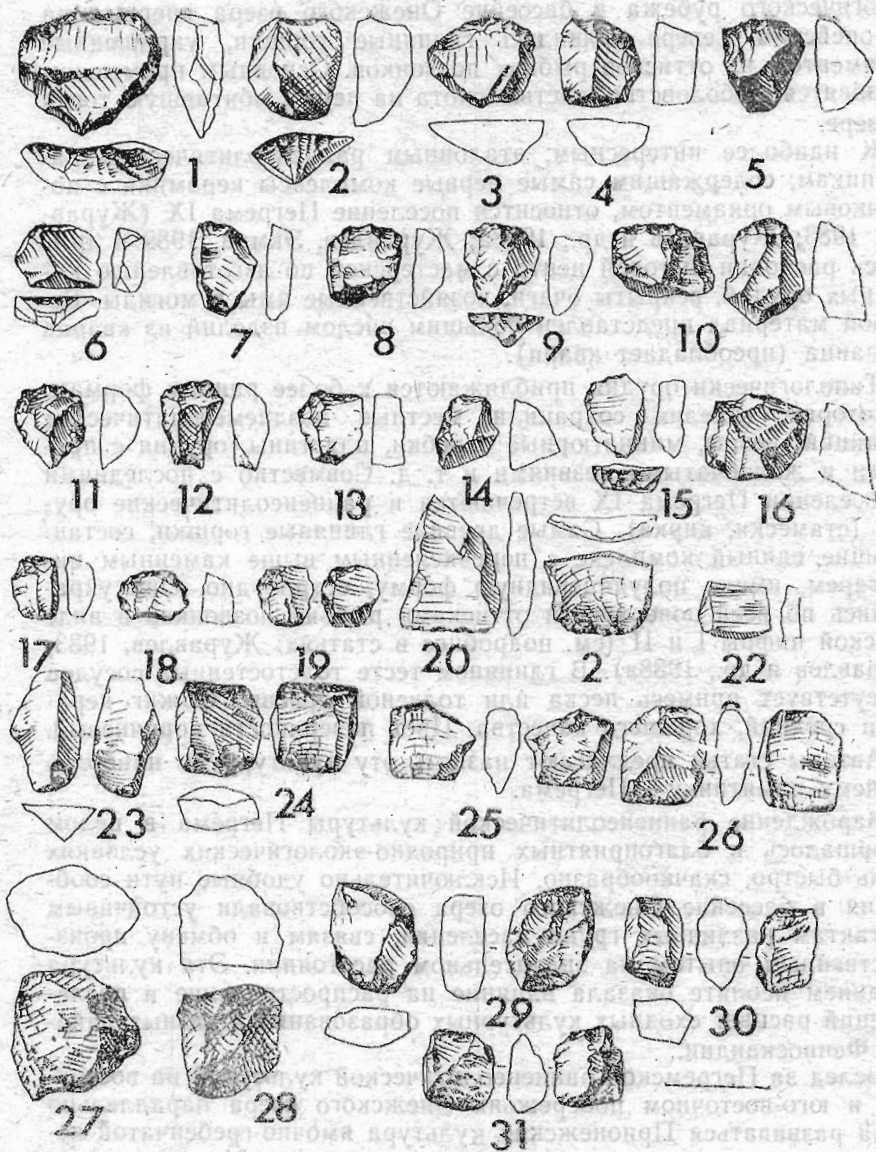

Рис. 18. Кварцевый инвентарь мезолитического поселения Петрема VIII.

(1—19 скребки; 20—26 долота; 27—31 нуклеусы)

нологического рубежа в бассейне Онежского озера впервые на Европейском Севере появились глиняные горшки, украшенные орнаментом из оттисков рыбьих позвонков. Основным промыслом становится рыболовство, частью охота на нерпу, обитавшую тогда в озере.

К наиболее интересным, эталонным раннеолитическим памятникам, содержащим самые первые комплексы керамики с позвонковым орнаментом, относится поселение Пегрема IX (Журавлев, 1983; Журавлев и др., 1988а; Журавлев, Экман, 1989 и др.). Здесь раскопан бытовой центр с мастерской по изготовлению каменных орудий, вскрыты очаги, хозяйственные ямы и могилы. Вещевой материал представлен большим числом изделий из кварца и сланца (преобладает кварц).

Типологически орудия приближаются к более ранним формам. Некоторые изделия сохранили местные позднемезолитические традиции: резцы, миниатюрные скребки, пластины, орудия с прямыми и желобчатыми лезвиями и т. д. Совместно с последними в поселении Пегрема IX встречаются и раннеолитические орудия (стамески, кирка). Самые древние глиняные горшки, составляющие единый комплекс с перечисленным выше каменным инвентарем, имели полуяйцевидную форму, острое дно. Они украшались по всей поверхности оттисками рыбьих позвонков в виде римской цифры I и II (см. подробнее в статьях: Журавлев, 1983; Журавлев и др., 1988а). В глиняном тесте толстостенных сосудов присутствует примесь песка или толченой дресвы. Обжиг керамики средний, хорошего качества. Цвет поверхности коричневый.

Авторы статьи предлагают назвать эту культуру по наиболее раннему памятнику — Пегрема.

Зарождение раннеолитической культуры Пегрема в целом совершалось в благоприятных природно-экологических условиях очень быстро, скачкообразно. Исключительно удобные пути сообщения в бассейне Онежского озера способствовали устойчивым контактам различных групп населения, связям и обмену производственным опытом на значительном расстоянии. Эта культура в раннем неолите оказала влияние на распространение и последующий расцвет сходных культурных образований в разных районах Фенноскандии.

Вслед за Пегремской раннеолитической культурой на восточном и юго-восточном побережьях Онежского озера параллельно стала развиваться Прионежская культура ямочно-гребенчатой керамики на основе позднемезолитических поселений с кремневым инвентарем (Водла V, Черная речка I и др.). Памятники этой культуры расположены также в Архангельской, Вологодской и Ленинградской областях, широко распространились к северу и западу на территории Карелии (Пегрема V, Палайгуба VII, Вигай-

наволок I — нижний горизонт, Пога I, Андозеро I и др.). Всего известно более 300 памятников.

Наиболее ранние из них сохранили в своей основе позднемезолитический облик каменного инвентаря, изготовленного из кремня, частью сланца и других пород. Керамика представлена крупными и средними по размерам сосудами полуяйцевидной формы, поверхности которых украшены круглыми коническими ямками и оттисками гребенчатого штампа.

Для самого раннего и длительного время существовавшего поселения Черная Речка I, содержащего типичную ямочно-гребенчатую керамику, получена серия радиоуглеродных дат: 6200 ± 100 (ТА—1634) лет, 5950 ± 100 (ТА—1648), 5800 ± 100 (ТА—1650) и 5500 ± 100 (ТА—1651). Таким образом, хронологические рамки раннего этапа развития этой культуры определяются концом V и первой половиной IV тысячелетий до н. э.

В орнаменте поверхностей поздних глиняных сосудов ямки сочетаются с оттисками рыбьих позвонков, отступающей лопаткой, веревочным штампом. Это свидетельствует о развитых контактах с племенами пегремской культуры, возникшей во второй половине V тысячелетия до н. э. на базе мезолитических поселений Заонежского культурного варианта.

Эти два разноэтнических пласта культур существовали какое-то время синхронно, взаимообогащаясь и ассимилируясь. В зоне их контакта во второй половине IV и начале III тысячелетий до н. э. на северо-западном побережье Онежского озера и Заонежье возникла средне-карельская энеолитическая культура ромбоямочной керамики. В ее сложении приняло участие также население с гребенчато-ямочной керамикой, зародившейся в одном из районов Европейского Севера.

В энеолите Карелии выделяется два длительных периода. Первый — Вигайнаволоцкий — связан с поселениями ромбоямочной керамики. Эти поселения возникли на основе культур сперрингс и ямочно-гребенчатой в конце IV — начале III тысячелетий. Эталонными памятниками являются Вигайнаволок I — верхний горизонт, Илекса I, Сухая водла II, Войнаволок IX и др. Всего известно их более 100.

Продолжают период памятники Пегремского этапа, представленные поселениями Пегрема I (рис. 19), II, III, VII, Деревянное I и др. Они существовали во второй половине III тысячелетия до н. э.

Второй период энеолита Карелии соотносится с поселениями асбестовой керамики. Среди исследователей нет единого мнения относительно места происхождения этой керамики и ее датирования. Новая трактовка проблемы предложена А. П. Журавлевым. На основании анализа коллекции посуды из 150 поселений с асбестовой керамикой им был сделан вывод о том, что она возникла

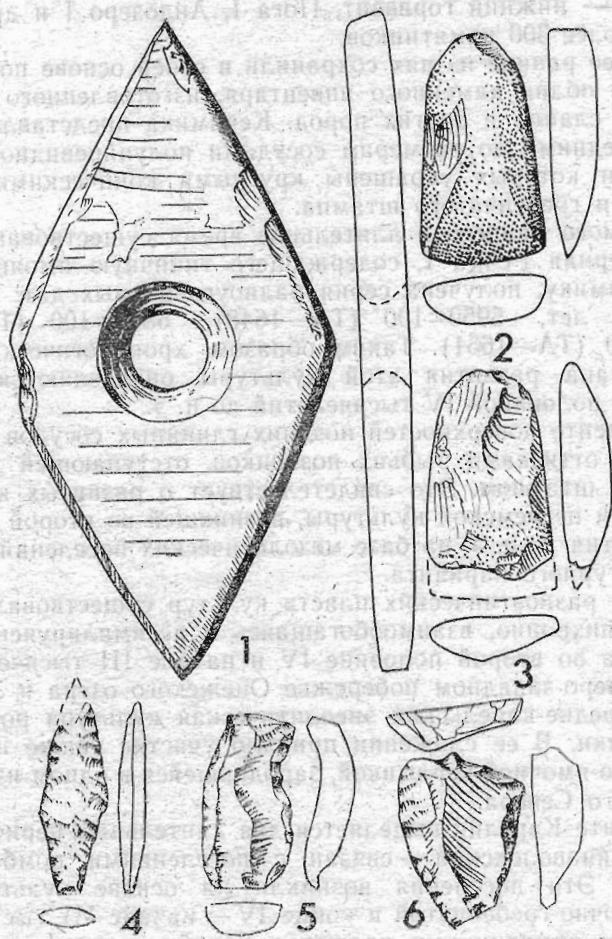

Рис. 19. Каменный инвентарь энеолитического поселения
Петрема I:

1 — яловец; 2, 3 — тесла (сланец); 4 — наконечник стрелы;
5 — нож; 6 — скребок (кремнь)

в эпоху энеолита ромбоямочной керамики и продолжала существовать все II тысячелетия до н. э.

Выделяется два этапа развития асбестовой керамики: Войнаволоцкий и Палайгубский (Журавлев, 1987). Ранний этап — Войнаволоцкий — характеризуется следующими радиоуглеродными

датировками из поселений с чистыми культурами: Войнаволок XXIV — 4250 ± 70 (ТА—820) лет, Войнаволок XXVII — 4410 ± 50 (ТА—1748), Челмужская Коса XXI — 3980 ± 90 (ТА—1783). Возрастной интервал раннего этапа развития асбестовой керамики оценивается второй половиной III — первой половиной II тысячелетий до н. э.

Поздний этап — Палайгубский — представлен радиоуглеродными датировками из поселений Палайгуба II — 3150 ± 100 (ТА—1007) и Оровнаволок XVI — 3050 ± 60 (ТА—829). Этот этап существовал во второй половине II тысячелетия до н. э., завершая энеолит асбестовой керамики Карелии.

В связи с решением вопроса происхождения асбестовой керамики большое значение имеют результаты комплексной экспедиции Карельского НЦ АН СССР, Института физики Земли АН СССР, Института Зоологии и Ботаники АН Эстонии, состоявшейся летом 1986 года. Были обнаружены местонахождения асбеста в четвертичных отложениях северной части Онежской котловины. В районах асбестовых местопоявлений расположены вышеперечисленные поселения с асбестовой керамикой. Согласно радиоуглеродным датировкам они частью относятся ко второй половине III тысячелетия до н. э. и являются наиболее ранними поселениями такого типа в Северной Европе. Край богат минеральными и биологическими ресурсами (Журавлев, 1992). Это дает основание считать его одним из древнейших центров производства асбестовой посуды на Европейском Севере.

ЛИТЕРАТУРА

Бискэ Г. С., Лак Г. Ц., Лукашов А. Д. и др. Строение и история котловины Онежского озера. // Петрозаводск: Карелия. 1971. 73 с.

Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). // Петрозаводск: Карелия. 1986. 110 с.

Журавлев А. П. Энеолит асбестовой керамики Карелии. // XVII Всесоюзная финноугорская конференция. Устинов: Ин-т языка, литературы, истории Коми ФАН СССР. 1987. С. 15—16.

Журавлев А. П. Сырьевая база Заонежья и влияние на особенности развития индустрии древних поселений Европейского Севера. // Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла. Петрозаводск, 1992. С. 61—75.

Журавлев А. П. Заонежский культурно-хронологический вариант мезолита Северной Европы. // Скандинавский сб. Т. XXXIII. Тарту: Тартуский ун-т. 1989. С. 121—135.

Журавлев А. П., Лукашов А. Д., Экман И. М., Ильин В. А. О послеледниковых землетрясениях в Карелии по археологическим и геолого-геоморфологическим данным. // Геология и петрология. Петрозаводск: Ин-т геологии Кар. ФАН СССР. 1988а. С. 58—62.

Журавлев А. П., Экман И. М., Лийва А. А. Хронология культуры эдерринге в бассейне Онежского озера и особенности природной среды, способствующей ее развитию. // Изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белоруссии. Таллин: Ин-т геологии АН ЭССР. 1988б. С. 69—76.

Журавлев А. П., Экман И. М. По следам землетрясения в Пегреме. // Природа. 1989. № 6. С. 27—30.

Земляков Б. Ф. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера. // Тр. Ин-та антропол., археол., этногр., АН СССР. 1936. Т. 9. С. 111—141.

Земляков Б. Ф. О современной трансгрессии Онежского озера. // Материалы по поднятию производительности сельскохозяйственных земель посредством мелиорации. Вып. 2. Гидротехн. сб. Л. 1937. С. 157—170.

Квасов Д. Д. Происхождение котловины Онежского озера. // Палеолимнология Онежского озера. Л.: Наука. 1976. С. 7—40.

Марков К. К., Горещкий В. С., Шляпина Е. В. О колебаниях уровня Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время. // Тр. Комиссии по изуч. четвертичн. периода. 1934. Вып. 4, № 1. Л. С. 71—129.

Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Мезолит. Л.: Наука. 1978. С. 26—52.

Савватеев Ю. А. Залавруга, Ч. 2. Л.: Наука. 1977. С. 313.

А. П. ЖУРАВЛЕВ, И. М. ЭКМАН

Новые поселения с асбестовой керамикой в северной Карелии

К настоящему времени на территории Карелии открыто свыше 300 археологических памятников с асбестовой керамикой. Установлено, что эта прогрессивная технология изготовления глиняной посуды первоначально зародилась в окрестностях Онежского озера на базе раннеэнеолитических гребенчато-ямочной и ромбоямочной культур, известных источников сырья (Журавлев и др., 1989). Первое знакомство древнего населения с асбестом и его полезными свойствами скорее всего могло совершиться на северном и северо-восточном побережьях этого великого озера, Заонежском полуострове, островах Повенецкого залива и Заонежского пролива. Эти районы Онежской котловины изобилуют коренными и россыпными проявлениями асбеста.

Первичные источники асбеста локализованы в метасоматически измененных верхнеэтулийских карбонатных породах нижнего протерозоя, представленным доломитами, доломитизированными алевролитами и аргиллитами (Геология Карелии, 1987). Они участвуют здесь в строении крупной геологической структуры — Онежской мульды, с которой в существенной степени совпадают границы северной части котловины озера, с характерной для него изрезанностью береговой линии. В целом мульда сложена комплексом метаморфизованных осадочных, осадочно-вулканогенных и магматических пород нижнего протерозоя, в том числе с участием таких уникальных как шунгиты и лидиты. Особенно широкое распространение в пределах мульды асбестосодержащие карбонатные имеют на северо-восточном побережье Онежского озера

в районе между Повенцом и Пяльмой на дне Повенецкого залива и Заонежского пролива.

Однако, коренные местонахождения асбеста, по-видимому, были практически недоступны к использованию древним человеком, так как на суше они почти повсеместно перекрыты толщей четвертичных отложений, мощность которых здесь достигает местами 30—50 м. Обнажения асбестосодержащих пород, как например, в долине р. Пяльма, в рассматриваемом регионе встречается редко.

Но в результате выпахаивающей деятельности последнего материкового ледника большие объемы пород Онежской мульды, в том числе и карбонатных с асбестом, были разрушены и вынесены из ложа в виде разноразмерной обломочной массы, включенной в основном в нижний мореносодержащий горизонт двигавшегося ледникового тела. Отложившиеся затем в разных динамических условиях основные морены, обогащенные местным гравийно-валунным материалом, участвовали в формировании ее поверхностного покрова, включавшего и участки локальных морен. В процессе образования моренного покрова был создан и современный гляцигенный рельеф региона, в том числе и выделяемые здесь краевые гряды невской стадии оледенения. В этап таяния ледника в результате деятельности талых вод совершилось также частичное переотложение обломочного материала из моренообразующего льда и накопление водно-ледниковых отложений, слагающих довольно многочисленные озовые гряды и флювиогляциальные дельты, которые располагаются как на суше, так и в акватории озера. Гляциальные формы рельефа, оказавшиеся в зоне активной волноприбойной деятельности голоценовых уровней Онежского озера, подвергались нередко сильному размыву с образованием песчаных и галечно-валунных пляжей и абразионных поверхностей. Крупнообломочный материал в них представлен в существенной степени местными породами, несущими и асбестовую минерализацию.

По нашему убеждению первое знакомство с асбестом древнего населения побережья северной части Онежского озера, основным видом промысла которого было рыболовство, состоялось при осмотре береговых гравийно-галечно-валунных скоплений с целью сбора каменного материала для изготовления орудий труда, рыболовных грузел и других хозяйственных надобностей. Объектами осмотра могли быть крупнообломочные отложения разного генетического типа, в том числе и ледниковые (морена), но в той или иной степени подработанные озерной абразией, определившей их выход на дневную поверхность.

Валуны с асбестом несомненно привлекали внимание любознательного древнего человека. Это мелкозернистые породы фиолетово-серого или даже красновато-коричневого цвета, на фоне ко-

торого отчетливо выделяются линзо- и гнездообразные скопления, нередко светло-серого или серого, иногда с перламутровым блеском, волокнистого минерала, легко расщепляющегося на тонкие волокна. Такие валуны хорошо выделяются на фоне обломков другого состава и с иной текстурой.

В пользу этих выводов свидетельствуют и результаты проведенного нами летом 1987 года эксперимента по поискам асбесто-содержащих валунов на островах Заонежского пролива, где геолого-геоморфологическая обстановка в целом является типичной для региона. Подтвердилась высокая эффективность опознания рудных валунов в таких условиях. Особенно перспективными участками для находок валунов с асбестом были «свежие» абразивные уступы, выработанные в краевых грядах, озах, флювиогляциальных дельтах, и прилегающие к ним полосы галечно-валунных пляжей у современной береговой линии озера.

Специальными лабораторными исследованиями установлено, что асбест из местоявлений побережья северной части Онежского озера тождественен по составу сырью, использовавшемуся в качестве примеси к глиняному тесту сосудов этого региона (Журавлев и др., 1989). Следует отметить, что наиболее интересные памятники энеолита с асбестовой керамикой (Войнаволок XXIV, XXVII, Вигайнаволок II, Палайгуба II и др.) размещаются в районах с более богатыми источниками асбестового сырья. Несомненно разрыв во времени между первыми находками асбеста в береговых обнажениях и познанием его полезных свойств, использованием этого минерала в практике: в начале хозяйственной деятельности, а затем и в примитивной металлургии. Весь комплекс природных и археологических материалов свидетельствует в пользу о том, что рассматриваемый регион мог быть в Северной Европе древнейшим центром быстро развивавшейся и богатой культуры асбестовой керамики.

Наиболее ранние памятники с такой керамикой, как уже указывалось выше, открыты в бассейне Онежского озера (Журавлев, 1992).

Новые интересные памятники с асбестовой керамикой, наряду с поселениями других археологических эпох, были открыты и исследованы в 1987—1989 гг. А. П. Журавлевым у границы центральной и северной Карелии, преимущественно в пределах юго-западной части Беломорского административного района республики (Журавлев, 1989). Они встречаются на побережьях и островах нескольких близко расположенных озер, среди которых самым крупным является оз. Тунгудское. Оз. Тунгудское, в истоке из него р. Тунгуда, подпружена лесосплавной плотиной, вызвавшей подъем зеркала воды не менее чем на 1—2 м по сравнению с его естественным уровнем. В результате этого антропогенного воздействия совершается разрушение некоторых археологических поселений. К Тун-

гудской группе относятся также памятники этой эпохи в районе озер Березово и Серноярви. Пространственно более изолированное положение от этой группы занимают памятники с асбестовой керамикой на побережье оз. Боярское, расположенного в северо-восточной части Муезерского района.

Все эти памятники по своему географическому положению тяготеют уже к северной Карелии, размещаясь в бассейне Белого моря, с которым они связаны Кемской (оз. Боярское) и Выгозерской озерно-речными системами. Всестороннее изучение этого куста поселений Беломорского бассейна и сравнение полученных материалов с богатой культурными традициями эпохи асбестовой керамики в Онегоозерском центре имеет большое научное значение. Они позволят решить многие проблемы, связанные как с возможным выявлением новых центров рассматриваемой культуры и их развития, так и установлением путей миграций и взаимовлияния разных вариантов культуры, в том числе и известных на территории Финляндии. Применение радиоизотопного датирования в комплексе с другими методами исследований является обязательным условием успешного решения научных задач в археологии.

Ниже в качестве новейших археологических открытий этапа энеолита с асбестовой керамикой и ценных в научном отношении объектов С¹⁴ датирования представляется в кратком виде некоторые поселения Тунгудского куста и содержащаяся в них материальная культура.

К крупнейшим поселениям относится Тунгудское VI (рис. 20), расположенное на острове в районе пролива, где озеро озовой грядой субмеридионального простираения разделяется на два больших плеса. Раскопки поселения были проведены на площади 84 кв. м. В ее пределы вошли две жилищных впадины. Одна из них имела размеры 4,8x3,6=17,3 кв. м (площадь) и среднюю глубину 0,5 м. Вторая западина, в значительной степени разрушенная со стороны озера в результате абразии, имела более крупные размеры, но сохранилась лишь на площади 7,8x3,2=25 кв. м. Установлена следующая стратиграфия слоев в пределах жилищной впадины (сверху вниз): 1 — дерн, серый подзол, общей мощностью 3—5 см; 2 — культурный слой — песок желтый с красным и коричневыми оттенками, пятнистый, мощностью от 12 до 25 см; 3 — подстилающий слой — песок желтый с мелкой галькой.

Жилище № 1 располагалось на месте первой западины, имело почти квадратную форму в плане (4,4x4=17,6 м²) с выходом на юго-восток. Коридор имел длину 2,1 м, ширину — 1,2 м. Внутри жилища у выхода располагался очаг (размеры 48x47 см), в котором мощность зольно-углистой линзы составляла 0,3 м. Близ очага найдены фрагмент асбестовой керамики и обломок ретушированного кремневого орудия. С северо-восточной стороны первое

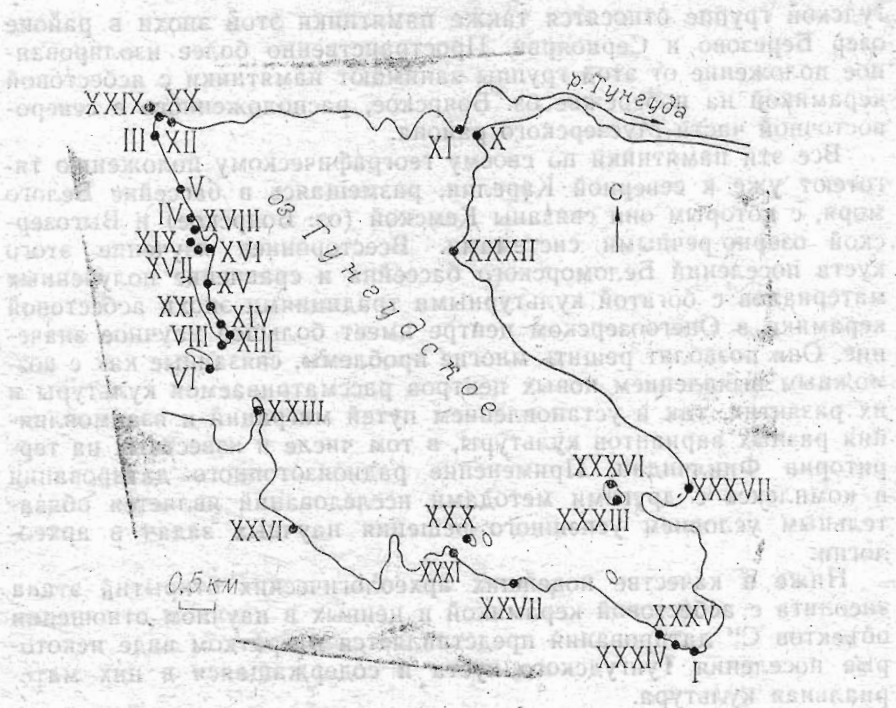

Рис. 20. Карта археологических памятников на побережье и островах оз. Тунгудское (юго-западная часть Беломорского района Карелии).

жилище соединялось с другим коридором длиной 1,5 м и шириной 1,5 м. Внутри прохода у стен лежали два валуна размерами в пределах 38—60 см в диаметре. У северной стенки жилища № 1 находился удлиненный валун длиной 51 см и шириной 21 см.

Жилище № 2, как отмечалось уже выше, на значительной площади разрушено. Судя по ее сохранившейся части, постройка имела форму прямоугольника, длина которого составляла 7,2 м. Ширина неразмытой части жилища около 2,4 м. Выход открывался на юго-восток. Длина коридора была 2 м, ширина 1,1 м. У начала выхода размещался очаг (размеры 68x38 см), в котором мощность зольно-углистой линзы достигает 0,4 м. В жилище найдено кремневое скребло. С юго-западной стороны оно соединялось коридором с первой постройкой. Между выходами из жилищ с южной стороны находится куча выброшенного при рытье жилищной ямы желтого песка с галькой. Отвалы такого же песка отмечаются к северу от жилища № 1 и у западной стенки жилища № 2. Обе постройки, судя по археологическому материалу, датируются энеолитом.

За пределами жилищ времени энеолита выявлен культурный слой более древнего, уже мезолитического поселения, который был прорезан жилищами, которые относятся к рассматриваемой культуре асбестовой керамики.

Поселение Тунгудское ХХХ расположено на небольшом острове в юго-восточной части озера (рис. 20). Современные его размеры, после превращения озера в водохранилище, составляют: длина 50 м, ширина 30 м. В юго-западной части островка обнаружен культурный слой, представленный желтым песком с красноватым оттенком, мощностью до 41 см. Сверху он перекрыт серым подзолом и довольно толстым слоем дерна (до 5—10 см). Стоянка почти повсеместно подстилается скальными породами. Это поселение также размывается озером при сильных ветрах. Особенно интенсивно процессы происходят в местах, где ближе к урезу воды прерываются скальные выходы. Подстилающим слоем здесь служит светло-желтый рыхлый мелкозернистый песок, который легко вымывается в результате волнового воздействия, приводя к сползанию и обрушению культурного слоя в зону активной абразии. Сохранившаяся площадь памятника не превышает 300 м².

Раскопки проведены в юго-западной половине, оставшейся от разрушения, площади поселения. Найдено 17 фрагментов энеолитической ямочно-гребенчатой керамики, изготовленной с использованием характерного для эпохи глиняного теста с растительной примесью, а также 2 фрагмента асбестовой керамики. Инвентарь из кварца включает два обломка со следами обработки, шесть долотовидных орудий, девять скребков, пластинчатый отщеп, восемь ножевидных пластин, два отбойника, резец, осколки орудий и кварца со следами обработки. Среди орудий из кремня обнаружены один наконечник стрелы и три его обломка (рис. 21: 2, 3), скребок и два ножа. Сланцевый инвентарь представлен двумя обломками шлифованного орудия и одним обломком проколки. Отмечены также два фрагмента кварцитовой шлифовальной плиты и три обломка плиты из песчаника. Большинство находок сосредоточены близ разрушенного очага, который был сложен из семи камней. Размер очага 140x85 см. Отходы производства представлены 71 осколком кварца и 2 обломками кремня. Обнаружено 13 мелких фрагментов керамики. Стоянка по материальной культуре датируется эпохой энеолита.

Поселение Серноярви II расположено на озовой гряде. Исследована северо-восточная часть памятника. Выявлено большое скопление красной охры (хранилище) без находок каменного инвентаря и керамики. Обнаружена также яма площадью 80x45 см и глубиной 41 см. Она на всю глубину заполнена красной охрой с включениями гумусного вещества и угля. В яме и близ нее найдены энеолитическая ямочно-гребенчатая керамика и фрагменты посуды с примесью асбеста. Среди находок здесь обнаружены так-

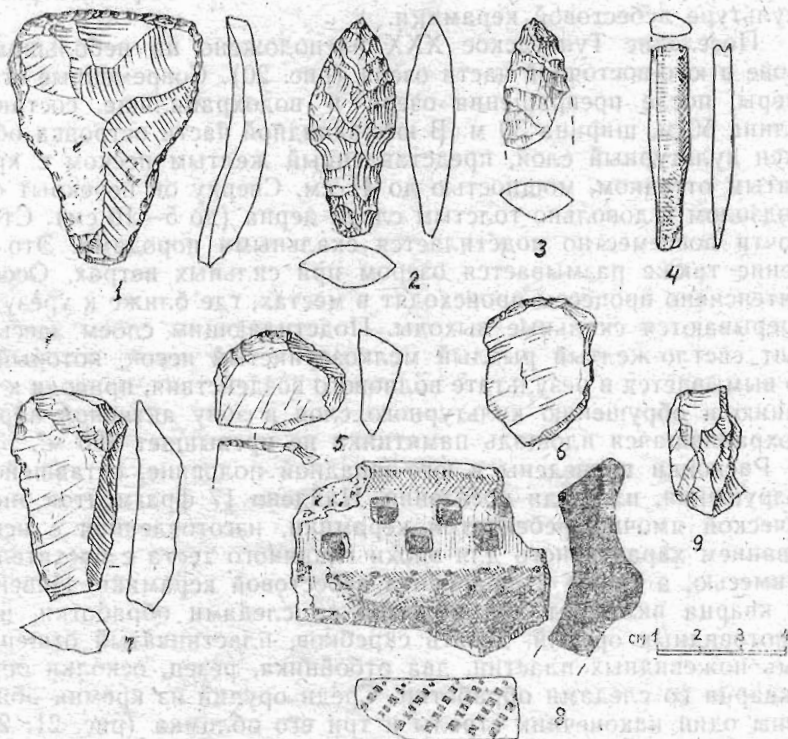

Рис. 21. Археологический материал из поселений энеолита района оз. Тунгудское и других близлежащих озер:

- 1, 6, 7 — кремневые скребки (Тунгуда VI); 2 — кремневый наконечник стрелы (Тунгуда XXX); 3 — обломок кремневого наконечника стрелы (там же); 4 — обломок шиферного наконечника стрелы (Серноярви II); 5 — кварцевый скребок (Тунгуда XXXII); 8 — фрагмент венчика сосуда с валиком (Серноярви II); 9 — кварцевое долото (Тунгуда XXXI).

же кварцевый скребок, кусок сланца со следами обработки, кремневый наконечник стрелы и пластина. Типология этих материалов характеризует памятник, относящийся к времени энеолита.

Особый интерес представляет находка фрагмента ромбоямочной керамики, представленная обломком венчика от сосуда (рис. 21: 8). На его внешней стороне ниже венчика наклеплен валик. Фрагмент керамики имеет хороший обжиг и коричневый цвет, в глиняном тесте использовалась примесь мелкого песка. Это первая находка сосуда с валиком в энеолитической керамике Каре-

ли. Она свидетельствует о культурных контактах энеолитического населения Северной Карелии с племенами Балтийско-Финляндского региона, а также с населением Волосовской, Гаринско-борской и других культур лесостепного энеолита.

ЛИТЕРАТУРА

- Геология Карелии // Л., Наука, 1987. 291 с.
- Журавлев А. П. Среднекарельская энеолитическая культура // Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла. Петрозаводск. 1992. с. 75—82.
- Журавлев А. П. Исследования в средней Карелии // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 15—16.
- Журавлев А. П., Экман И. М., Божко А. М., Лийва А. А. Хронология позднеэнеолитической культуры асбестовой керамики Восточной Фенноскандии и экологические условия эпохи // Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белоруссии (Тезисы VIII изотопно-геохим. совещания Прибалтийских республик и ЭССР). Вильнюс, 1989. С. 35—36.

Г. И. ЗАЙЦЕВА, Г. ПОССНЕРТ, В. И. ТИМОФЕЕВ

Первые «акселерированные» радиоуглеродные даты для неолитической керамики Восточной Прибалтики

В данной статье рассматриваются результаты «акселерированного» радиоуглеродного датирования, полученные для неолитической керамики торфяникового поселения Цедмар (Серово) Д, расположенного в Озерском районе Калининградской области. Новый, еще только входящий в археологические исследования метод «акселерированного» (с применением ускорительной техники) радиоуглеродного датирования дает в руки исследователей принципиально новые возможности.

Как известно, каждое радиоуглеродное определение датирует не непосредственно комплекс археологических находок, а лишь конкретный образец органического вещества, степень связи которого с археологическим материалом может быть различной. Так, с полной определенностью, связанными с археологическими материалами являются, по Х. Ватерболку (Waterbolk, 1971) лишь датировки, выполненные по образцам, представляющим собой непосредственно артефакты, изделия с четкой культурной атрибуцией (например, деревянные или костяные—роговые орудия), все остальные образцы связываются с типологически определенными комплексами находок лишь с большей или меньшей вероятностью и в зависимости от конкретных условий залегания. Можно говорить, видимо, об определенной методике интерпретации радиоуглеродных датировок археологических памятников (Тимофеев, 1981).

Открытие методики акселерированного радиоуглеродного датирования позволило использовать в качестве датирующего ма-

териала «пищевой нагар», сохраняющийся при благоприятных условиях залегания, на внутренней поверхности фрагментов сосудов. Значение подобных дат трудно переоценить — появилась возможность прямого определения возраста наиболее массового и наиболее четко диагностируемого в отношении культурной атрибуции материала — керамики. Подобные датировки относятся непосредственно ко времени использования сосудов, фактически датируя смерть животного или растительного организма, наступившую, по крайней мере в абсолютном большинстве случаев, непосредственно перед использованием этого органического вещества для приготовления пищи, т. е. различие между датой смерти организма, вещество которого образовало датированный образец, и датой существования поселения, практически отсутствует или столь мало, что им можно пренебречь*.

Метод ускорительной техники — новый метод, который начал развиваться в последнее десятилетие и очень быстро вошел в практику датирования, завоевав признание исследователей. Метод позволяет датировать образцы весом в десятые доли миллиграмма по сравнению с 3—10 г, требуемыми для традиционного метода, т. е. позволяет уменьшать вес датируемого образца в 1000 раз.

Не вдаваясь в подробное описание, следует сказать, что принцип датирования одинаков с традиционным, но отличие заключается в том, что при использовании ускорительной техники возможен непосредственный подсчет ионов радиоуглерода, а также и соотношение C-12/C-13, что позволяет более точно определить концентрацию радиоуглерода в образце, при этом исключена неопределенность значения периода полураспада C-14. Однако он требует исключительно сложного аппаратного оформления, что доступно лишь лабораториям, занимающимся проблемами ядерной физики.

Химическая подготовка образцов для определения аналогична применимой ранее и заключается в последовательной обработке кислотно-щелочными растворами. При щелочной обработке в данном случае есть возможность датировать две фракции — нерастворимую и растворимую в щелочи. В последнем случае после подкисления щелочного раствора выделяется осадок. Поскольку количества его незначительны, то в традиционном методе его трудно использовать для датирования.

Близкие значения радиоуглеродного возраста обеих фракций свидетельствуют о том, что и щелочерастворимые продукты скорее всего являются продуктами распада органического вещества образца в процессе его залегания в слое.

* Хотя теоретически из этого правила возможны исключения. Например, сохраняющиеся в условиях вечной мерзлоты на севере Сибири туши мамонтов до настоящего времени в принципе пригодны для употребления в пищу.

Для исследования керамики в отечественной практике этот метод используется впервые.

Комплексы цедмарского типа (Timofeev, 1991) происходят с неолитических памятников ограниченной части Юго-Восточной Прибалтики. Для керамических материалов характерно сочетание двух основных технологических групп: 1) с примесью в керамическом тесте мелкотолченых раковин и растительных остатков и 2) с примесью толченого гранита — дресвы или песка, иногда с добавлением некоторого количества органической примеси (минеральная примесь). Возможно и более дробное подразделение (Guminski, Fiedorczuk, 1990), однако данные две группы являются основными — примеси толченых раковин и минеральные в тесте одного сосуда никогда не совмещаются. Подобное сочетание примесей не является обычным для неолитических комплексов лесной полосы Восточной Европы, где, как принято считать, керамика каждого отдельного периода характеризуется в той или иной мере однородным типом примеси и часто смешанные коллекции керамики расчленяются именно исходя из характера примеси.

Для керамики нарвской неолитической культуры, распространенной на территории прибалтийских государств (Латвии, Эстонии, частично Литвы), на севере Белоруссии и на северо-западе России (Timofeev, 1988) характерна керамика с примесью в тесте толченых раковин и растительности. Этот тип примеси существовал в районах длительного переживания нарвской культуры (Литва, Западная Латвия) вплоть до распространения шнуровой керамики. Минеральная примесь в тесте сосудов Восточной Прибалтики появилась, в основном, в развитом неолите, вместе с приходом гребенчато-ямочной керамики (с территории, более вероятно, Финляндии и частично, возможно, Карелии). Для керамики древнейшей неолитической культуры Западной Прибалтики — культуры Эртебёлле — минеральная примесь была характерна с самого начала, так же как и для наследующей культуры Эртебёлле на юге Швеции, Дании, Севере Германии и севере Польши северной группы культуры воронковидных кубков. Сочетание обоих типов примесей в материалах неолитических памятников Юго-Восточной Прибалтики (Тимофеев, 1980) может объясняться промежуточным географическим положением данной территории. В то же время, реальное сосуществование различных технологических групп керамики могло быть подтверждено лишь непосредственным датированием фрагментов сосудов. Ранее полученные даты C-14 давали довольно широкие рамки для хронологии культурных слоев, позволяя, в принципе, рассматривать технологические группы керамики и как неодновременные.

Для непосредственного датирования были избраны фрагменты неолитической керамики и одного из эталонных памятников цед-

марского типа — поселения Цедмар (Серово) Д. На данном памятнике в 1960—1980-е гг. была исследована площадь свыше 800 кв. м (около 40 кв. м — М. М. Долухановым, совместно с В. И. Тимофеевым, в 1969 г. (Долуханов, Тимофеев, Левковская, 1975), свыше 750 кв. м. — В. И. Тимофеевым в 1974—88 гг. (кроме того, обширные площади были несистематично раскопаны здесь любителем — К. Штади в период 1905—1914 гг., когда упоминания об этом, впоследствии широкоизвестном памятнике, впервые появились в литературе (Stadie, 1921). В обширной коллекции (материалы из раскопок К. Штади в основном, за исключением небольшой коллекции хранящихся в музее г. Ольштын, Польша, были утрачены) представлены, кроме фрагментов нескольких сот неолитических сосудов, изделия из кости, рога, камня, а также янтаря. В эталонах, наиболее однородных материалах, полученных работами 1970-х гг. (Тимофеев, 1980), представлены фрагменты 120—130 сосудов, из которых около 1/3 составляла керамика 1 группы — с раковинной и органической примесью, преобладала же керамика с минеральной примесью. Процент керамики с минеральной примесью в материалах Цедмара Д выше, чем в других памятниках цедмарского типа. Многократные полевые наблюдения фиксируют залегание керамики обеих технологических групп в идентичных стратиграфических условиях, в тонком слое песка, находящемся, на участках с наиболее четкой стратиграфией, на глубине около 1 метра и перекрытом озерно-болотными отложениями (торфом и сапропелем — гиттией). Несомненно, аккумуляция слоя песка произошла в течение определенного периода времени, кроме того, судя по данным спорово-пыльцевого анализа, имел место некоторый временной разрыв между седиментацией песка и вышележащих озерно-болотных отложений. В 1988 г. была существенно уточнена стратиграфическая колонка поселения: на обширном вскрытом участке зафиксированы два периода обитания, причем в основном более поздний, представленный немногочисленными и типологически невыразительными находками, связывался с остатками деревянных конструкций (платформы?) залегающих на поверхности слоя песка и в самой верхней его части. В материке были обнаружены остатки массивных, вертикально впущенных деревянных столбов, синхронных деревянным конструкциям и, скорее всего, составлявших с ними единое целое. Большая серия радиоуглеродных определений, полученная для поселения, в том числе для наиболее четко стратифицированных участков, четко подразделяется на две группы датировок: 1) даты интервала 5200—4800 лет тому назад, полученные по образцам, происходящим из основного культурного слоя*

* Все приводимые здесь даты С-14 даны в значении «лет тому назад» т. е. от 1950 г., согласно международным стандартам и без введения калибровок по дендрохронологическим данным.

и 2) даты деревянных конструкций с поверхности слоя песка, остатков столбов, вертикально впущенных в материк, а также отдельные даты образцов с участков стратиграфически нерасчлененного культурного слоя (табл. 1), в целом даты этой группы приходится на интервал 4300—3900 лет тому назад.

Таблица I

Радиоуглеродные датировки неолитического поселения Цедмар Д
(лет тому назад)

4990 ± 45, ЛЕ-3173, древесина.
5090 ± 50, ЛЕ-3174, древесина.
5170 ± 70, ЛЕ-3176, древесный уголь.
4880 ± 50, ЛЕ-3179, древесина.
5150 ± 100, ЛЕ-3175, древесный уголь.
5070 ± 150, ЛЕ-3924, гиттия ¹ .
4890 ± 100, ЛЕ-3926, гиттия ² .
5640 ± 300, ЛЕ-3921, орудие из рога благородного оленя.
4240 ± 90, ЛЕ-1176, древесный уголь.
4180 ± 50, ЛЕ-848, древесный уголь.
3870 ± ЛЕ-3925, древесный уголь.
4020 ± 80, ЛЕ-1181, древесина ³ .
4350 ± 80, ТА-1173, древесина ³ .
3890 ± 60, ЛЕ-3168, древесина ⁴ .
4300 ± 40, ЛЕ-3169, древесина ⁴ .
4250 ± 40, ЛЕ-3171, древесина ⁴ .
4210 ± 45, ЛЕ-3170, древесина ⁵ .
4170 ± 45, ЛЕ-3177, древесина ⁵ .
4120 ± 100, ЛЕ-3992, древесина ³ .

1 — образцы из тонких линз озерно-болотных отложений, на отдельных участках непосредственно перекрывающих неолитические находки.

2 — тонкий горизонт озерно-болотных отложений, на отдельных участках перекрывающий неолитический культурный слой.

3 — даты получены по древесине заостренного кола, впущенного в материк в западной части поселения.

4 — древесина столбов, вертикально впущенных в материк.

5 — образцы представляют собой части деревянных конструкций («платформы?»), горизонтально залегающих на поверхности слоя песка и в его верхней части.

В принципе, возможны два пути объяснения и интерпретации данных группы датировок: 1) более поздняя группа дат относится к короткому финальному эпизоду заселения памятника, соответ-

ствующего времени сооружения деревянных конструкций (платформы?) в восточной части поселения. На кратковременность этого эпизода указывает, в частности, тот факт, что стратиграфически с деревянными конструкциями связывается очень небольшое количество находок. 2) Более традиционный путь объяснения состоял бы в рассмотрении существующих технологических групп неолитической керамики Цедмара Д в качестве групп хронологических. В этом случае керамика группы I, более сходная с древнейшей неолитической керамикой Восточной Прибалтики 2 керамикой нарвского типа, для которой очень характерны примесь толченой раковины и органики в тесте, рассматривалась бы как древнейшая и связывалась бы с более ранней группой дат С-14, а керамика с минеральной примесью — соответственно с более поздней группой дат. Непосредственно решение данной задачи было дано средствами акселерированного радиоуглеродного датирования. Для датирования были отобраны выразительные фрагменты керамики обеих групп с хорошо выраженным слоем «пищевого нагара»* на внутренней поверхности. Датирование было осуществлено в радиоуглеродной лаборатории университета Уппсала (Швеция), под руководством Г. Посснерта. Ниже мы приводим описание датированных фрагментов керамики и полученные радиоуглеродные даты.

Керамика I группы (с примесью мелко толченой раковины и растительной примесью в тесте).

Ua — 2375, 5180 ± 100 (нерастворимая фракция).

Ua — 2376, 5120 ± 100 (растворимая фракция).

Фрагмент стенки сосуда, толщиной 9 мм, — со следами расчесов поверхности.

Ua — 2377, 5030 ± 100 (нерастворимая фракция).

Ua — 2378, 4950 ± 90 (растворимая фракция).

Фрагмент стенки сосуда — с органической примесью в тесте, при небольшом добавлении мелкозернистого песка. Толщина стенки — 8 мм, заглаженные следы расчесов поверхности, следы ornamentации в виде мелких, поверхностных ямчатых вдавлений.

Ua — 2379, 4840 ± 100 (нерастворимая фракция).

Ua — 2380, 5100 ± 100 (растворимая фракция).

* Для определения состава пищевого нагара с внутренней поверхности фрагментов сосудов Цедмара Д в ИИМК РАН был использован метод тонкослойной хроматографии аминокислот. На хроматограмме отмечено пять окрашенных пятен, соответствующих пяти типам белка. Одно из пятен было идентифицировано как животного или рыбного происхождения (возможно, рыбий клей) и одно — растительного происхождения. В остальных случаях качественный анализ аминокислот показал присутствие аминокислот присущих веществам как животного, так и растительного происхождения (хроматографическое исследование было произведено Е. Ю. Медниковой).

Фрагмент придонной части сосуда, толщина стенки 14 мм, — растительная примесь в тесте, видимо с добавлением небольшого количества мелкотолченых раковин.

Керамика II группы (с минеральной примесью в тесте).

Ca — 2381, 4810 ± 100 (нерастворимая фракция).

Ca — 2382, 5230 ± 100 (растворимая фракция).

Фрагмент стенки с примесью дресвы (толщина 11 мм) и небольшим добавлением органической примеси в тесте. Следы расчесов поверхности, орнаментация в виде широких, углубленных линий. Скорее всего, фрагмент относится к реконструированному крупному сосуду с узким плоским дном, украшенному вертикальными углубленными линиями и крупными ямчатыми вдавлениями, размещенными по верхней части тулова короткими вертикальными рядами.

Ca — 2383, 5360 ± 100 (нерастворимая фракция).

Ca — 2384, 5280 ± 80 (растворимая фракция).

Фрагмент профилированной части тулова сосуда с примесью в тесте крупнозернистого песка. Толщина 8 мм.

Полученные результаты не поддерживают традиционный путь объяснения технологически различных групп керамики их неодновременностью и указывают на синхронность (в пределах статистической ошибки радиоуглеродных дат) бытования обеих групп неолитической керамики, что хорошо соответствует и стратиграфическим наблюдениям. Очевидно, совместное бытование керамики с разными типами примесей в тесте является одной из характерных особенностей неолитических памятников цедмарского типа, как и было в свое время отмечено одним из авторов данной статьи (Тимофеев, 1980). Вместе с тем, встает вопрос; не имело ли данное явление более широкого распространения и всегда ли правомерно традиционное рассмотрение технологически различных групп неолитической керамики, обнаруженных в пределах одного памятника, как неодновременных. Не исключено, что более широкое применение данных акселерированного радиоуглеродного датирования поставит нас перед необходимостью пересмотра схем развития неолитических керамических комплексов определенных территорий. Для района, где впервые были получены серийные акселерированные даты C-14 по неолитической керамике (памятники культуры ямочной керамики средней Швеции) в значительной степени не подтвердили существовавшую схему относительной хронологии памятников культуры ямочной керамики, показав синхронность бытования орнаментальных стилей, ранее считавшихся образующими хронологическую последовательность (Segeberg а. о., 1991). Несомненно, важной сферой применения данных акселерированного радиоуглеродного датирования является разработка хронологии культур и комплексов, для которых в силу

особенностей условий залегания или по другим причинам отсутствуют образцы древесного угля и других материалов в количестве, достаточном для надежного «обычного» радиоуглеродного датирования (напр. неманская культура Белоруссии и Литвы, верхнеднепровская неолитическая культура, ранние комплексы типичной гребенчато-ямочной керамики Восточной Прибалтики и др.). Пока, кроме результатов, приведенных в данной статье, серия акселерированных дат С-14 в лесной полосе Восточной Европы получена лишь для знаменитого Оленеостровского могильника Карелии, подтверждая его позднемезолитический возраст (Douglas Price, Jacobs, 1990).

ЛИТЕРАТУРА

Тимофеев В. И., 1980. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики. Автореферат кандидатской диссертации. Л.

Тимофеев В. И., 1981. К вопросу о методике интерпретации радиоуглеродных датировок памятников каменного века. В сб.: Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии. Тезисы регионального совещания. Тарту.

Douglas Price T., Jacobs K., 1990. Olenij ostrov: first radiocarbon dates from a major Mesolithic cemetery in Karelia, USSR. *Antiquity*, vol. 64, № 245.

Guninski W., Fiedorczuk J., 1990. Dudka I. A stone age peat-bog site in North-Eastern Poland. *Acta Archaeologica 1989 (1990)*, vol. 60.

Segeberg A., Possnert G., Archeni us B., Liden K., 1991. Ceramic chronology in view ¹⁴C datings. *Laborativ Arkeologi*, 5. Stockholm.

Stadie K., 1921. Die Steinzeitdorfer der Zedmar. *Bezenberger Festschrift*. Göttingen.

Timofeev V. I., 1988. On the problem of the Early Neolithic of the East Baltic area. *Acta Archaeologica 1987 (1988)*, v. 58.

Timofeev V. I., 1991. Neolithic sites of the Zedmar type in the Southeast Baltic area. In: *Regions and Reflections. In honour of Märta Strömberg*. Lund.

Waterbolk H. T., 1971. Working with Radiocarbon Dates. In: *Actes du VIII-eme Congres international des Sciences prehistoriques et protohistoriques*. Beograd.

И. В. МЕЛЬНИКОВ

К изучению погребального культа на территории Карелии в эпоху камня — раннего металла

Погребальный культ, то есть «совокупность религиозных обрядов, относящихся к умершему, и связанных с этими обрядами верований», — явление широко распространенное, входящее в качестве составляющего компонента практически во все традиционные религии (Токарев, 1990, с. 153). Вопрос о времени его возникновения является дискуссионным. Однако, имеются весьма

веские суждения, позволяющие констатировать существование погребальной практики уже в палеолитическое время (Окладников, 1952). Так или иначе, сейчас как будто не оспаривается тезис о существовании погребального культа в мезо-неолитическое и более позднее время. Исходя из этого, мы можем априорно полагать, что погребальный культ существовал на территории Карелии изначально, с момента заселения людьми, то есть с эпохи мезолита.

Подобного рода суждения высказывались и в археологической литературе, где в той или иной степени затрагивались вопросы изучения древнейшей религии на территории Карелии. В этом отношении особую ценность представляет известный труд Н. Н. Гуриной, посвященный Оленеостровскому могильнику, одна из глав которого содержит реконструкцию религиозных верований (Гурина, 1956, с. 228—247). Это пожалуй лучшее, имеющееся в настоящий момент, исследование в данной области научного знания относящееся к северо-западному региону России. Высказанные Н. Н. Гуриной идеи и по сей день представляются чрезвычайно интересными и перспективными. Это прежде всего суждения, касающиеся круга воззрений связанных с переводом умершего в «иной» мир, идеи о части, как ритуальном заместителе целого, ритуальном использовании охры, ряд интересных наблюдений связанных с остатками обрядовых действий при совершении захоронения. В работе выдвигается идея о существовании почитания животных (лось, медведь, змея), культе предков, о связи «мира мертвых» с водным пространством и т. д.

Остальная литература представляет интерес как источник, содержащий определенный фактический материал. Сюда прежде всего нужно отнести работы Г. А. Панкрушева (Панкрушев, 1978, 1978а), отдельные сведения об исследованиях древних погребений можно почерпнуть в работах А. П. Журавлева, Ю. В. Титова и П. Э. Песонен (Журавлев, 1975, 1983, 1991, 1992; Титов, 1974, Песонен, 1977, 1986). В одной из наших статей предпринимается попытка комплексного рассмотрения могильников и одиночных погребений эпохи камня — раннего металла, на предмет выявления особенностей, присущих погребальным памятникам этого периода, определений характера и направленности изменения погребальной обрядности (Мельников, 1993). Корпус привлекавшихся источников включал материалы исследований 4-х могильников мезолита, 6-ти неолита, 2-х относящихся к раннему металлу, а также нескольких одиночных погребений. Из сформулированных выводов, в контексте данной работы, интерес представляют выделенные структурообразующие элементы погребальных комплексов, которые составляют устойчивый набор в памятниках фактически всех эпох, различаясь лишь по степени присутствия в то или иное время. К ним

относятся тип захоронения, количество погребений в могильнике, приуроченность погребальных памятников Карелии к водоемам, особенности погребального сооружения, тип расположения умершего в погребальном сооружении, нахождение отдельных погребений внутри могильников, ориентация их по сторонам горизонта, присутствие в погребениях охры, наличие парных и групповых погребений, присутствие в погребениях сопровождающего инвентаря, его фрагментация, сопутствие погребениям так называемых «ритуальных ям», «жертвенных кострищ», а также каменных кладок. Именно данные элементы, по нашему мнению, должны рассматриваться в качестве исходных, отправных позиций при реконструкции погребального культа бытовавшего на территории Карелии в указанное время.

Реконструкция древней религии по археологическим материалам — проблема чрезвычайно сложная, требующая для своего разрешения особого подхода, разработки специальной методики. Данный вопрос в археологической и религиоведческой литературе подымался неоднократно (см. например: Дмитриева, 1991, Кабо, 1991). Не вдаваясь в подробное рассмотрение имеющихся мнений, обратим внимание на широкое распространение и решительное утверждение тезиса о необходимости привлечения этнографических аналогов для «расшифровки» немых свидетельств древней истории, то есть для интерпретации археологических памятников культового характера. Причем аналоги эти должны относиться к обществам «со сходным уровнем приобретения жизненных средств» (Першиц, 1979, с. 33), или же генетически связанным с реконструируемым (Першиц, 1979, с. 31—42; Кабо, 1979, 63—79). Их выявление, определение степени адекватности реконструируемому явлению — вопрос особый, который нуждается в специальном развернутом рассмотрении. В данной работе мы не будем пытаться его решить, также как мы не собираемся претендовать на создание завершенной систематической реконструкции погребального культа в древней Карелии. Мы видим свою задачу куда скромнее: попытаться наметить подходы к решению проблемы реконструкции погребального культа на территории Карелии в рассматриваемый период времени, за счет выявления форм сходных приведенным выше элементам, их первичной интерпретации.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении материалы о погребальных памятниках Карелии периода мезолит — ранний металл позволяют констатировать наличие у населения, проживавшего здесь в данное время, погребального культа. На это указывают выделенные нами элементы, составляющие погребальные комплексы рассматриваемых памятников, существование которых, как целостной системы, было возможно лишь при условии определенной регламентации обрядовых действий, несомненно рели-

гиозного характера. Рассмотрим, что может представлять из себя данный погребальный культ, как составной элемент в целостной системе традиционных религиозных верований. Особое значение имеет вычленение в его практике тех элементов, которые возникли в результате действий сакрального характера, а также действий, не являвшихся регламентированными и не имевших какой-либо иррациональной смысловой нагрузки.

Во всех имеющихся памятниках присутствует единый тип захоронения — ингумация. Надо полагать, что он является основным, если не единственным, в погребальной практике древнего населения Карелии. Вместе с тем, мы не можем исключить возможность существования и иных типов захоронений. Прямых археологических свидетельств на этот счет нет, однако косвенные данные имеются. В частности, Н. Н. Гурниа обращала внимание на очень малое количество захоронений детей в Оленеостровском могильнике. Он не содержит ни одного погребения детей, умерших в возрасте до одного года, то есть когда детская смертность должна быть наивысшей. Число детей более старшего возраста, среди погребенных в могильнике, также незначительно. Н. Н. Гурниа высказала предположение о существовании особого обряда погребения детей, например, воздушного захоронения в дуплах деревьев (Гурниа, 1956, с. 47—49). Известно, что подобная практика была широко распространена среди традиционных культур Северной Евразии. Так, например, кеты хоронили младенцев в дуплах деревьев (Алексеев, 1967, с. 196); ненцы — в деревянных люльках, которые подвешивали на деревьях или на палки, вертикально воткнутые в землю (Грачева, 1980б, с. 144—148); нганасаны — в гробу, устанавливавшемся на деревянных шестах над поверхностью земли (Грачева, 1980а, с. 148—151); эвенки — в деревянной колоде, которую подвешивали на дерево (Туголуков, 1980, с. 165—177); обские угры хоронили маленьких детей в дуплах деревьев, завернув предварительно в бересту (Соколова, 1980, с. 125—143); также погребали младенцев селькупы (Прокофьева, 1977, с. 69); в гробу, но на дереве — удэгейцы (Лебедев, 1980, с. 154—158). Как видно, данное явление является универсальным в рассматриваемом регионе. Также широко распространено воздушное захоронение взрослых — на помосте (лабазе) или просто на поверхности земли. Оно применялось у тех же кетов, нганасанов, эвенков, обских угров, селькупов и прочих народов. Существует даже мнение, что захоронение в дупле дерева и на лабазе являются вариантами общего особого воздушного типа погребения умерших, который сложился в специфических условиях таежной зоны. Сохранившиеся до этнографической современности данные формы погребений, являются реликтами древнего, видимо имевшего широкое распространение, типа погребаль-

ной практики (Алексеевко, 1967, с. 209). Так что, гипотеза о существовании на территории Карелии в рассматриваемое время наряду с обрядом ингумации, обрядов воздушного захоронения (по крайней мере для маленьких детей) представляется достаточно обоснованной.

Упомянутые выше могильники существенно варьируют по числу входящих в их состав погребений. Наряду с такими крупными, как Оленеостровский и Сандермоха, имеются несколько памятников с меньшим числом погребений (Сямозерский II—15, Черная Губа — 8, Коштомуш — 15, Нижняя Колонжа — 41), а также совсем небольшие группы — от 2 до 5 могил (Сямозерский I, Шелтозерский III, Оровнаволоок V, Пегрема IX и другие). Имеются также и одиночные захоронения. Возможно отчасти данное явление объясняется разной степенью полевой изученности данных памятников. Однако, надо иметь в виду и другое объяснение этому факту, которое имеется в этнографической науке. Известно, что размеры кладбища находятся в прямой зависимости от степени подвижности оставившего его коллектива. У многих народов Севера, ведущих подвижный образ жизни (в частности, кетов, иганасанов, эвенков), постоянных мест захоронений вообще не было (Алексеевко, 1967, с. 198; 1980, с. 161—164; Грачева, 1980а, с. 150—151; 1983, с. 95, 110; Попова, 1981, с. 199). Их погребения были разбросаны на больших пространствах либо отдельно, либо небольшими скоплениями. Подобные явления имели место и у саамов, чей хозяйственный уклад был связан с сезонными перекочевками (Елисеев, 1895, с. 73)*. Степень оседлости населения Карелии в рассматриваемое время была различной. Видимо это обстоятельство также наложило отпечаток на размеры могильников в разные периоды времени. Данное предположение необходимо будет проверить после разработки внутренней хронологии отдельных археологических эпох на территории Карелии, осуществления соответствующей ей реконструкции хозяйственного уклада населения, а также получения серии абсолютных датировок погребальных памятников. Кроме того, необходимо иметь в виду и сезонный характер жизни древних, с которым связаны многочисленные стойбища видимо населявшиеся лишь в течение промыслового сезона. Возможно погребальная практика в условиях проживания на промысловом поселении могла отличаться от практики захоронений в условиях зимних стационарных поселений.

* В контексте данной работы саамский этнос представляет особый интерес. Это обуславливается существующим мнением, согласно которому регион Карелии входит в состав территории, на которой происходил процесс формирования этой народности (см. например: Папкрузев, 1978, с. 91—92; 1980, с. 148—159).

Все погребальные памятники Карелии так или иначе территориально связаны с водоемами. Особенно показателен в этом отношении Оленеостровский могильник, расположенный на небольшом острове Онежского озера. Конечно, данный факт может быть объяснен исходя из общих особенностей расположения археологических памятников данного периода времени, которые все связаны с водоемами. Вместе с тем, то особое место, которое занимала вода, водная стихия в религиозных представлениях многих народов позволяет предполагать и иное объяснение этому явлению. До этнографической современности у многих прибалтийско-финских народов сохранились представления о воде, как об особой сакральной силе, которая может оказывать влияние на деятельность человека, обладать большими магическими свойствами. Почитание водной стихии четко представлено в промысловом культе, образ воды антропоморфизируется во многих концепциях мироздания (Байбурий, 1988, с. 31; Логинов, 1988, с. 67; Сурхаско, 1976, с. 157; Алексеенко, 1977, с. 32). Фольклорная традиция также дает интересные материалы по данному вопросу: в прибалтийско-финской среде широко распространен образ огненной реки мертвых — Туонелы, которую умерший должен пересечь на пути в загробный мир. Подобные представления сохранялись, например, у вепсов до недавнего прошлого (Строгальщикова, 1986, с. 71). Что касается расположения кладбищ «за водой» (то есть на островах, полуостровах), то это и сейчас практикуется во многих старых карельских деревнях (Сурхаско, 1985, с. 89). Конечно, приведенные факты не позволяют делать каких-либо однозначных выводов о специфике расположения погребальных памятников Карелии мезолита — раннего металла, однако их надо иметь в виду при рассмотрении данного вопроса.

Выше говорилось, что в рассматриваемых погребальных памятниках умершие были похоронены согласно обрядам ингумации. Погребальные сооружения всех захоронений во многом сходны. Их размеры свидетельствуют, что могильные ямы соответствовали росту умерших. Варьирует глубина могил: минимальная 10—15 см, максимальная редко превышает 50 см. Это существенная вариация, поскольку захоронения на глубине 10—15 см по сути являются поверхностными — умерших лишь засыпали землей (или закладывали ветвями, дерном и т. п.). Возможно это связано с зимними условиями захоронения или отсутствием трудоспособных людей, которые могли бы вырыть более глубокую яму (например, в условиях голодовок, моров). Форма могил — овальная или подчетырехугольная — наиболее естественная при погребении в вытянутом положении. Видимо форма могил также относится к числу нерегламентированных ритуальных элементов. Подымался в литературе вопрос и о внешних признаках погребений (Гури-

на, 1956, с. 49—50). Видимо, они имели место, с большей уверенностью это можно говорить в отношении поверхностных погребений, а также погребений с каменными кладками на могилах. Кроме того, в таких крупных памятниках как Оленеостровский и Саудермоха, при отсутствии внешних признаков обязательно должно было иметься множество могил, разрушенных поздними захоронениями. Однако, этого почти нет. Так что какие-то надмогильные знаки (или сооружения) там существовали.

Тип труположения известен только для Оленеостровского могильника: абсолютное преобладание вытянутого на спине — то есть, в наиболее естественном для ингумации виде. Два иных типа положения — вытянутый на боку (который, в основном, встречается в парных и тройных погребениях), а также скорченный на боку скорее также имеют прагматическое объяснение — видимо размеры могильных ям обусловили целесообразность такого расположения погребаемых. По всей видимости, размещение умерших в могиле имело регламентированный характер, не несло иррациональной смысловой нагрузки. Исключение видимо составляют четыре вертикальных захоронения Оленеостровского могильника. Они принадлежат разным по полу и возрасту людям, из чего можно полагать, что в основе их лежит не поло-возрастная градация общества, а особый социальный статус, который имели погребенные таким образом люди. Не исключено также, что данный обряд захоронения обусловлен спецификой смерти, которая их постигла. Так или иначе, данные захоронения — чрезвычайно необычное явление в погребальной практике, аналогов ему в других памятниках нет.

Расположение отдельных могил внутри могильников свидетельствует об отсутствии здесь какой-либо системы. Имеющиеся в некоторых памятниках скопления погребений, скорее связаны с хронологическими причинами. В большинстве могильников, ввиду малого числа погребений, данный вопрос вообще не имеет смысла.

Во всех могильниках, за исключением Оленеостровского, отсутствует какая-либо единая система в ориентации могил по сторонам горизонта. Очевидно ориентирование погребений также не являлось регламентированным действием. Оленеостровский могильник, в этом отношении, представляет собой непонятное исключение. Существует мнение, что преобладание восточной ориентации умерших по сторонам горизонта связано со спецификой мировоззрения древних оленеостровцев (Гурина, 1956, с. 234). В этом случае надо будет признать, что их представления существенно отличались от аналогичных воззрений ближайшего этнокультурного окружения. Нельзя конечно исключать и иное объяснение данному факту. Например, могли иметь место какие-либо

надмогильные сооружения или знаки, которые определили доминирование восточной ориентации погребенных. Более приближенно решить эту проблему, по нашему мнению, сейчас не представляется возможным.

Следующий элемент, характерный для всех погребальных памятников Карелии эпохи камня — раннего металла, — присутствие в могилах красной охры. Степень интенсивности ее в разных погребениях различна. Это показательно на примере Оленеостровского могильника, где в каждой поло-возрастной группе погребенных есть захоронения с разной степенью засыпки охрой: от интенсивной до слабой (Гурина, 1956, с. 265—390). Это, видимо, свидетельствует об отсутствии регламентации данного элемента обряда, очевидно интенсивность засыпки определялась произвольно при совершении захоронения. Вместе с тем, сакральность этих действий представляется очевидной. Причем об их устойчивости и актуальности в погребальном культе свидетельствует широта распространения данного явления — фактически вся лесная зона Евразии. Семантика использования охры однозначно не определена, существуют мнения об ее применении как сакрального заместителя крови, огня и т. д. (Гурина, 1956, с. 230). В этнографии известны аналоги данному явлению. В частности, у эвенков существовал обычай обмазывать покойника, внутренности гроба, погребальное сооружение охрой, которая при этом символизировала кровь (Василевич, 1969, с. 240; Мазин, 1984, с. 63). В этом же значении она применялась и в иных обрядах. В прибалтийско-финской среде известно использование охры как оберега (Косменко, 1984, с. 42). Не исключено, что данная традиция является своеобразной реликтовой формой обряда, некогда широко распространенного во всей лесной зоне Европы.

Наряду с одиночными погребениями в могильниках Карелии есть парные и тройные захоронения. Это явление зафиксировано в Оленеостровском могильнике, причем, какой-либо системы в половозрастном составе данных погребений там не прослеживается. Очевидно такие погребения были связаны с одновременностью смерти, которая постигла этих людей. Их значительно меньшее количество по сравнению с одиночными погребениями свидетельствует о том, что данный способ захоронения не был основным, практиковался в случае необходимости (то есть одновременности смерти). Пожалуй только немногочисленные захоронения детей и стариков, позволяют предполагать иное. Из приведенных Н. Н. Гуриной сведений следует, что абсолютное большинство детских погребений парные, большинство старческих парных захоронений совершены с женщинами возмужалого возраста. Возможно, эти особенности несут какую-то семантическую нагрузку. Аналоги

парных погребений известны в прибалтийско-финской среде, например, у карелов и саамов (Шаскольский, 1957, с. 214—221; Елисеев, 1895, с. 73).

Вероятно, определенную смысловую нагрузку несут и впускные погребения, то есть преднамеренные захоронения, совершаемые в могильную яму, в которой уже был погребен человек. Надо полагать, что семантика упомянутых парных, тройных и впускных погребений группируется вокруг каких-то общих идей, возможно связанных с представлениями о «переходе» умершего в иное сущностное состояние.

В большинстве рассмотренных погребений присутствует сопровождающий инвентарь. Типологически он весьма разнообразен. В нем присутствуют фактически все типы вещей, используемых людьми в хозяйственно-бытовой деятельности. В разных погребениях количество и состав инвентаря варьируют. Отчасти это объясняется полом и возрастом погребенного, что хорошо прослеживается на примере Оленеостровского могильника. Видимо в могилу преимущественно клали те вещи, с которыми умерший при жизни имел дело. Однако и в рамках единых половозрастных групп, количество и состав инвентаря также варьируют: от одного—двух до нескольких сотен. Данное обстоятельство свидетельствует, что количество и состав инвентаря не были строго регламентированы и определялись применительно к каждому конкретному случаю захоронения. В погребениях Оленеостровского могильника содержалось большое количество украшений — подвесок из зубов животных. Очевидно они были нашиты на одежду (Гурина, 1956, с. 134—149). Этот факт позволяет предполагать, что умершие обряжались в специальную погребальную одежду, на которую и нашивались данные украшения. Аналоги этому широко распространены среди многих народов Севера. Специальная погребальная одежда (иногда в ее качестве выступала лучшая праздничная одежда), существовала, например, у кетов, ненцев, иганасанов, обских угров, всех прибалтийско-финских народов (Алексеев, 1967, с. 196; Грачева, 1980а, с. 144—148; Грачева, 1983, с. 78; Соколова, 1980, с. 126—130; Строгальщикова, 1986, с. 69 и др.).

Указанные элементы погребальной обрядности (сопровождающий инвентарь, погребальная одежда) являются универсальными элементами во всех традиционных религиях северных областей Евразии. Помимо указанных выше, они присутствуют и у других народов Севера. Семантика данных действий группируется вокруг представлений о некоем «мире», куда попадает умерший (или его внетелесная субстанция «душа») после смерти. Само бытие человека определяется состоянием этой жизненной субстанции, оставление ею тела приводит к смерти. Таким образом,

смерть рассматривается как переход из одного состояния в другое, а сам погребальный обряд входил в число так называемых обрядов перехода, наряду с родильным, свадебным или более архаичным явлением — поло-возрастными инициациями. Причем, в представлениях многих народов (в том числе и упоминавшихся выше) мир мертвых был абсолютно аналогичен миру живых, отсюда и вытекала такая форма ритуальных действий, как сопровождение умершего предметами, которые ему были необходимы при жизни, а также обряжение в специальную (лучшую) одежду. Подчеркнем еще раз, что, в общем, данный круг обрядовых действий и представлений — явление универсальное, а следовательно присутствие упомянутых элементов в погребальных памятниках Карелии рассматриваемого периода, позволяет высказывать суждение о существовании здесь именно этой группы воззрений.

С представлениями о «загробном мире» связан еще один оригинальный обычай зафиксированный этнографами у многих народов мира. Это — фрагментация вещей, входящих в состав инвентаря, а также одежды, в которую облачали умершего. Такие воззрения имелись и у представителей упомянутой выше группы народов Севера (Алексеевко, 1967, с. 196; 1980, с. 159—165; Грачева, 1980а, с. 144—148; Хомич, 1977, с. 24 и др.). В трансформированном виде элементы этого обычая прослеживаются и у современных прибалтийско-финских народов — карелов, вепсов и др. (Сурхаско, 1985, с. 80). Семантика данного обычая являлась предметом теоретического рассмотрения (Косарев, 1985, с. 74—76). Высказано мнение, что фрагментация вещей — это один из способов «перевода» их в «загробный мир». Так, например, у тех же обских угров существовало представление, что вещь умирала, лишь тогда, когда нарушалась ее внешняя форма (Кулемзип, 1984, с. 134). В этом свете можно рассматривать особенность, ярко выраженную во всех практически погребальных памятниках Карелии эпохи камня — раннего металла — это наличие большого числа фрагментированных изделий, обломков орудий, фрагментов керамики, отходов производства, которые входят в состав сопровождающего инвентаря. Вероятно семантика данных действий группируется вокруг указанной системы представлений.

Многим из рассмотренных погребений сопутствуют так называемые «ритуальные ямки» — углубления в дне могильных ям или в непосредственной близости от них. Они как правило содержали охру, различные предметы, иногда — маломощные зольно-углистые линзы, кальцинированные косточки животных. Видимо в этом и состоит их обрядовое предназначение, как своеобразных «хранилищ» предметов, сопровождающих умершего. Особенности их типологии видимо не определяются какой-то семантической нагрузкой. В быту ямы являлись наиболее распространенным ви-

дом хранилищ. Поэтому их применение в погребальном ритуале, в аналогичных целях представляется наиболее естественным.

Среди рассмотренных погребальных памятников имеются могилы с устроенными на них каменными кладками или просто положенными на них валунами. Эти действия не были распространенными, они осуществлялись лишь в отношении отдельных захоронений. Причем камни укладывались не сплошным слоем, а в виде отдельных валунов по краям могилы или непосредственно на ней. По нашему мнению, есть все основания предполагать, что данные действия имели ритуальный характер (хотя количество уложенных валунов, а также особенности образовавшейся кладки, очевидно, не были регламентированы). То, что камни уложены преднамеренно, в большинстве случаев можно утверждать с абсолютной уверенностью. Кроме того, традиция обкладывания могилы камнями известна в прибалтийско-финской этнической среде, особенно у саамов, где каменные кучи над могилами являлись наиболее распространенным видом погребальных сооружений (Елисеев, 1895, с. 73; Харузин, 1890, с. 319). В контексте выявления возможной семантики данного явления интерес представляет традиция, зафиксированная этнографами у обских угров и некоторых прибалтийско-финских народов. В их погребальной практике камни использовались как обереги, которые должны были предохранить людей от нежелательных последствий, вызванных действиями «души» умершего или его самого (Соколова, 1980, с. 125—143; Строгальщикова, 1986, с. 67, 72). В основе данных представлений лежит страх перед умершим, а именно представления о том, что он (или его «душа») после смерти могут посещать живых, оказывать на них воздействие (как отрицательное, так и положительное), могут увести с собой «душу» живого человека, после чего последний может умереть. Подобные представления также являются универсальными, они широко встречаются у народов северных областей Евразии. Система оберегательных мер против нежелательных последствий от действий умершего, у разных народов была очень разнообразной, но их основа — страх перед умершим — у всех была единой. В качестве оберегов использовались и камни, причем по-разному: и в виде положенных на могилу валунов, и в виде маленького камушка брошенного в след траурной процессии. Надо сказать, что данный обряд совершался по отношению далеко не ко всем умершим, а только к тем, от которых могли ожидать каких-либо неприятностей. Не исключено, что данная традиция, является реликтом представлений, отражение которых мы сейчас фиксируем, рассматривая погребальные памятники эпохи камня — раннего металла.

Очень часто погребениям сопутствуют зольно-углистые липы, традиционно называемые «жертвенные кострища». В могильниках Карелии их зафиксировано два типа: 1) большие кострища с мощным зольно-углистым слоем (могильники Сямозерский I, II); 2) более распространенные маленькие кострища с маломощным зольно-углистым слоем. Часто в них находят кальцинированные косточки животных, фрагменты различных предметов. Очевидно, они имеют ритуальное назначение. Аналогии им усмотреть не трудно. Ритуальные действия, связанные с разжиганием костров около могил, зафиксированы фактически у всех упомянутых выше народов. В трансформированном виде такая традиция сохранялась на территории Карелии до недавнего прошлого (Строгальщикова, 1986, с. 77; Сурхаско, 1985, с. 110). У кетов, ненцев, иганасанов, эвенков, некоторых других народов Сибири и Севера данные ритуальные действия, после разжигания костров около могилы в момент похорон, включали «кормление» огня (в костер бросали какие-либо предметы, пищу), иногда здесь же убивали жертвенное животное (обычно оленя), которое варилось на огне, после чего особым порядком поедалось (Алексеев, 1967, с. 194; 1980, с. 154—165; Грачева, 1980а, с. 144—148; Грачева, 1980, с. 148—151; 1983, с. 94 и др.). Как правило, огонь разводили в момент похорон, однако иногда данные действия совершались и при последующих посещениях захоронений. Семантика их группируется вокруг представлений о большой сакральной силе огня, которые имелись у всех вышеназванных народов. Сакральность огня проявлялась прежде всего в его мощной охранительной силе, что хорошо видно на примере традиции многих прибалтийско-финских народов, у которых огонь присутствует во всех обрядах перехода. Возможно эти представления восходят к практике почитания огня как одной из главных семейных (или родовых) святынь, следы которого опять-таки фиксируются у многих народов Севера и вступают в виде почитания домашнего очага, часто антропоморфизирующегося в женском облике (Алексеев, 1967, с. 179; Анисимов, 1958, с. 81; Васильевич, 1969, с. 220; Кулемзин, 1984, с. 56 и др.). Все это позволяет рассматривать «жертвенные кострища», как возможные проявления системы представлений об огне — охранителе, семейной или родовой святыне, использовавшейся в этом значении во всех обрядах перехода, в целях охранения людей от возможных несчастий. Существование в могильниках Карелии двух типов кострищ (больших и малых) свидетельствует об их разном ритуальном использовании. Одни, очевидно, зажигались чаще, другие — реже, видимо, один раз. Однако их сакральные функции вряд ли выходили за рамки вышеприведенных представлений. Разница, видимо, состояла в том, что одни из них были направлены на почитание данного конкретного

умершего и зажигались один раз в момент похорон, другие — на почитание группы умерших (родовой или семейной), которые были погребены в данном могильнике или его части. Естественно, они зажигались неоднократно — каждый раз при совершении новых захоронений, при отправлении поминальных и иных обрядов. Напомню, что большие кострища пока обнаружены только в могильниках Сязозерский I, II. Возможно это свидетельствует о локальных особенностях погребальной практики, ее отличии в этом регионе Карелии.

Таковы наши подходы к исследованию в области реконструкции погребального культа на территории Карелии в эпоху камня — раннего металла. Построение развернутой, системной реконструкции, по нашему мнению, должно быть обусловлено развитием выделенных в данной работе положений.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. — Л., 1967, — 262 с.

Алексеев Е. А. Культуры у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX века). — Л., 1977, (Сборник МАЭ № 37), с. 29—65.

Алексеев Е. А. Кеты // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). — М., 1980, с. 159—164.

Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении. (Проблемы происхождения религиозных верований). — М.—Л., 1958, — 235 с.

Байбурин А. К., Логинов К. К. Обрядность русских Заонежья при строительстве нового дома // Обряды и верования народов Карелии. — Петрозаводск, 1988, с. 26—36.

Василевич Г. М. Эвенки. — Л., 1969, — 304 с.

Грачева Г. Н. Нганасаны // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). — М., 1980, с. 148—151.

Грачева Г. Н. Ненцы // Там же, 1980а, с. 144—148.

Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX — начала XX века). — Л., 1983, — 173 с.

Гурина Н. П. Оленеостровский могильник // МИА, 1956, № 47. — 430 с.

Дмитриева Т. Н. К проблеме поиска метода реконструкции древних верований // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. — СПб., 1991, с. 3—11.

Елисеев А. В. По белу свету. — т. 2, СПб., 1894.

Журавлев А. П. Работы Карельского музея // Археологические открытия 1975 года. — М., 1976. — с. 14.

Журавлев А. П. Раннеолитическое поселение Пегрема IX // СА, 1983, № 1, с. 271—277.

Журавлев А. П. Исследования в Карелии // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Ижевск, 1991. — с. 10—12.

Журавлев А. П. Изучение культового комплекса «Пегрема 40» // Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла. — Петрозаводск, 1992. — С. 16—27.

Кабо В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. — М., 1979, с. 60—107.

Кабо В. Р. Религия палеолитического человека: возможности ее реконструкции // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. — СПб., 1991, с. 45—51.

Косарев М. Ф., Косарев В. Ф. О семантике некоторых деталей древней погребальной обрядности // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. — Томск, 1985, с. 74—76.

Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. — Л., 1984, — 200 с.

Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. — Томск, 1984, — 191 с.

Лебедев В. В. Селькупы // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). — М., 1980, с. 154—159.

Логинов К. К. Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. — Петрозаводск, 1988, с. 64—77.

Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. — Новосибирск, 1984. — 201 с.

Мельников И. В. О погребальных памятниках древней Карелии // Неолитические памятники Северо-Запада Европейской части России. — Петрозаводск, 1993, (в печати).

Окладников А. П. О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры // СЭ, 1952, № 3, с. 159—180.

Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. — т. 1, Л., 1978, — 136 с.

Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. — т. 2, Л., 1978а, — 164 с.

Панкрушев Г. А. Происхождение карел. (По археологическим данным). // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. — Петрозаводск, 1980, с. 148—159.

Першиц А. И. Этнография как источник первобытноисторической реконструкции // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. — М., 1979, с. 26—42.

Песonen П. Э. О двух древних поселениях в низовье реки Нива // СА, 1977, № 1, с. 126—138.

Песonen П. Э. Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. — Петрозаводск, 1986, с. 37—80.

Попова У. Г. Эвены Магаданской области. — М., 1981, — 304 с.

Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культуры тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. — Л., 1977, с. 66—79.

Соколова З. П. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). — М., 1980, с. 125—143.

Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. — Петрозаводск, 1986, с. 33—49.

Сурхаско Ю. Ю. Религиозно-магические элементы карельской свадьбы // Этнография Карелии. — Петрозаводск, 1976, с. 137—179.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX — начало XX века. — Л., 1985, — 172 с.

Титов Ю. В. О культуре племен с асбестовой керамикой // Скандинавский сборник. — т. 19, Таллин, 1974, с. 134—153.

Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, — 622 с.

Туголуков В. А. Юкагиры // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). — М., 1980, с. 199—202.

Харузин Н. Н. Русские лопари. — М., 1890, — 472 с.

Хомич Л. В. Религиозные культы у ненцев // Сборник МАЭ, № 33, Л., 1977, с. 5—28.

Шаскольский И. П. К изучению первобытных верований карел // Ежегодник музея истории религии и атеизма. — т. I, М.—Л., 1957, с.214—221.

И. С. МАНЮХИН, М. М. ШАХНОВИЧ

Культовые комплексы древних саам на территории Северной Карелии

Данная статья представляет собой первое краткое информационное сообщение о крупных культовых комплексах на территории Северной Карелии*, предположительно связанных с древнесаамским населением. Это два беломорских святилища на островах Кузова, открытые во второй половине 60-х годов экспедицией Карельского государственного краеведческого музея под руководством И. М. Мулло (Мулло, 1984) и два объекта на г. Кивакка в Лоухском и г. Воттовара в Муезерском районах Республики Карелия, обнаруженные в 1991—1992 годах (рис. 22). Указанные памятники расположены на достаточно высоких (от 82 м до 499 м над уровнем моря), доминирующих над окружающей местностью скалистых вершинах. Каждый из них состоит из нескольких сотен каменных сложений, которые можно подразделить на следующие типы: большие валуны—сейды, поставленные на маленькие камни—«ножки», иногда с несколькими камнями — «головками» паверху; каменные кучи; вертикально установленные валуны и плиты; выложенные из камней овалы. Расположение сложений в святилищах подчинено стремлению приурочить их к наиболее высоким точкам рельефа—краям тектонических разломов, горным склонам с широким обзором местности и хорошим восприятием самих культовых камней со стороны.

Святилища на островах в Белом море находятся на равных, с плавным уклоном к северу скальных вершинах островов Русский и Немецкий Кузов. На Русском Кузове отмечено 366 сложений на площади в 6 га, на Немецком Кузове — 324 на поверхности в 7 га. Северную границу памятников отмечают огромные валуны, с других сторон святилища ограничены склонами вершин. В наиболее возвышенных частях памятников находятся каменные насыпи, которые лучше сохранились на Русском Кузове. Есть основания полагать, что данные кучи занимают в святилище особое место, являясь как бы структурным центром памятника. Возмож-

* Интереснейший культовый комплекс открыт и исследуется А. П. Журавлевым в Пегреме и на о. Колгостров в Заонежье (Журавлев, 1992).

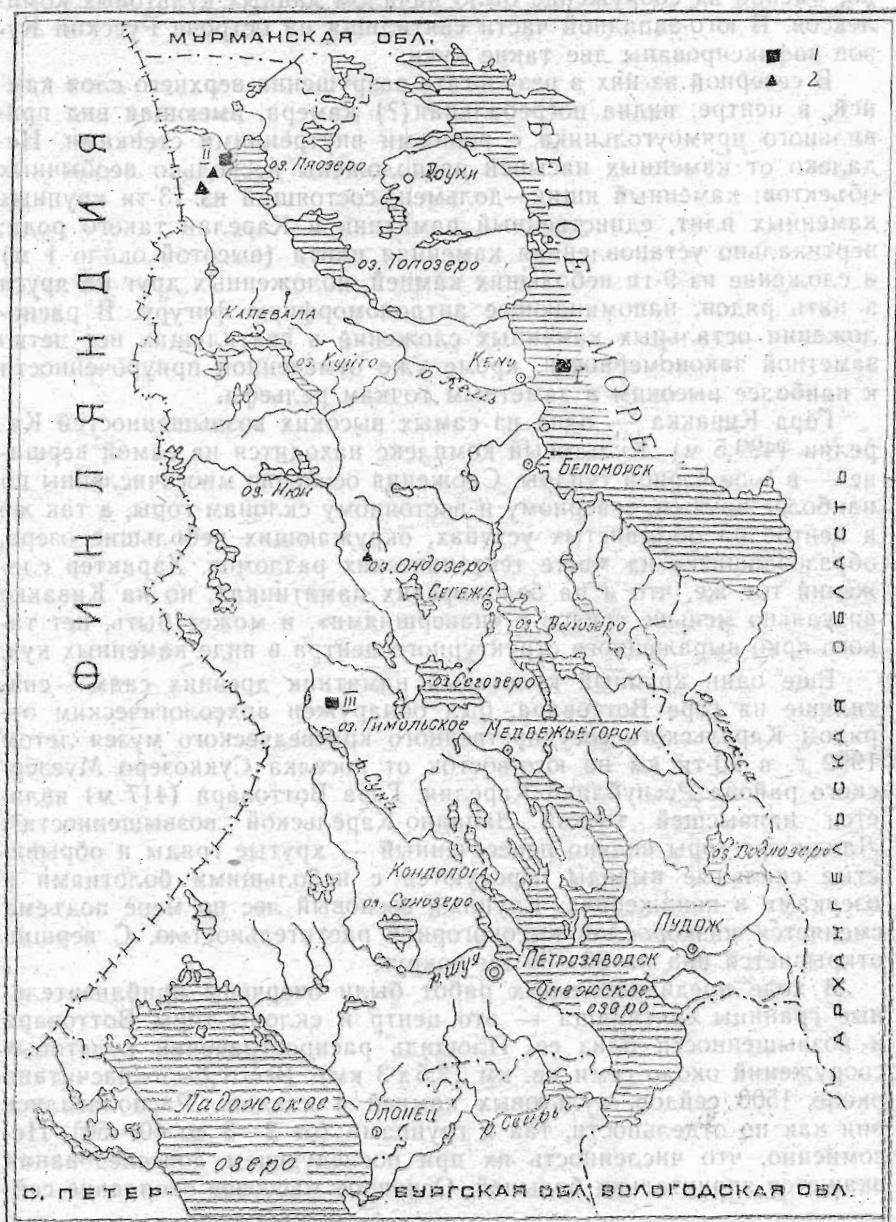

Рис. 22. Культурные комплексы на территории северной Карелии:

1 — культурный комплекс; 2 — индивидуальный сейд.

1 — Острова Русский и Немецкий Куаова; II — гора Киввакка; III — гора Востоваре.

но, именно их сооружение было началом данных культовых комплексов. В юго-западной части святилища на острове Русский Кузов зафиксированы две такие кучи.

В северной из них в результате разрушения верхнего слоя камней, в центре, видна погребальная (?) камера, имеющая вид правильного прямоугольника с ровными внутренними стенками. Недалеко от каменных насыпей расположены несколько необычных объектов: каменный ящик—дольмен, состоящий из 13-ти крупных каменных плит, единственный памятник в Карелии такого рода; вертикально установленная каменная плита (высотой около 1 м) и сложение из 9-ти небольших камней, положенных друг на друга в пять рядов, напоминающее антропоморфную фигуру. В расположении остальных каменных сложений в святилищах нет четко заметной закономерности, кроме уже отмеченной приуроченности к наиболее высоким и заметным точкам рельефа.

Гора Кивакка — одна из самых высоких возвышенностей Карелии (499,5 м). Культовый комплекс находится на самой вершине — в зоне черной тундры. Сложения особенно многочисленны по наиболее крутым, северному и восточному склонам горы, а так же в центре на обрывистых уступах, окружающих небольшие озера, образовавшиеся на месте тектонических разломов. Характер сложений тот же, что и на беломорских памятниках, но на Кивакке визуально меньше сейдов с «навершиями», и может быть, нет такого ярко выраженного структурного центра в виде каменных куч.

Еще один крупный культовый памятник древних саам — святилище на горе Воттовара, был обнаружен археологическим отрядом Карельского государственного краеведческого музея летом 1992 г. в 20-ти км на юго-восток от поселка Суккозеро Муезерского района Республики Карелия. Гора Воттовара (417 м) является наивысшей точкой Западно-Карельской возвышенности*. Ландшафт горы сильно пересеченный — крутые гряды и обрывистые скальные выходы чередуются с небольшими болотцами и озерками в понижениях. Крупный сосновый лес по мере подъема сменяется низкорослой высокогорной растительностью. С вершин открывается вид на 20—30 км вокруг.

В ходе предварительных работ были очерчены приблизительные границы святилища — это центр и склоны горы Воттовара и возвышенности близ ее. Площадь распространения культовых сооружений около семи кв. км (2,5 x 3 км). Всего было насчитано около 1500 сейдов, культовых камней и кладок. Располагались они как по отдельности, так и группами (от 2—3 до 40—50). Несомненно, что численность их при последующем доисследовании окажется значительно большей. Основное массовое скопление сей-

* Культовый комплекс был обнаружен экспедицией КГКМ по сообщению С. Симоняна.

дов находится на скальных выходах вокруг заболоченного озера в 150 м на юго-запад от тригометрического знака на вершине горы. Фактически вся территория, примыкающая к данному водоему плотно насыщена группами сейдов. По мере удаления от центра горы количество культовых камней идет на убыль.

Предварительно можно выявить некоторую закономерность в их нахождении. Во-первых, культовые сооружения всегда располагаются на скальных уступах, берегов палеоводоемов, ныне небольших болот или озер, или же на вершинах круто обрывающихся горных склонов, что отмечалось и для ранее описанных объектов. Во-вторых, неотъемлемым признаком культового камня на данном святилище является нахождение его на каменистом участке поверхности без дернового покрова.

Описывая сейды на горе Воттовара можно отметить широту границ их размеров: от $0,3 \times 0,2 \times 0,2$ м до $2 \times 1,5 \times 1,5$ м. Сейды или установлены на «ножки» и имеют положенные поверх камни или данные признаки отсутствуют.

Главным вопросом при изучении культовых комплексов является проблема их датирования, позволившая бы связать их с определенной археологической культурой или культурами. Пока по этому поводу можно высказать лишь некоторые общие соображения. Факты поклонения лопарей культовым камням-сейдам на Кольском полуострове зафиксированы еще в начале XX века (Вице, 1912). Таким образом, культовые комплексы могли функционировать так долго, как долго на этой территории проживали саамы. Период функционирования святилищ на островах Кузова, скорее всего, ограничен временем возникновения и становления находившегося рядом Соловецкого монастыря (XV—XVI вв.). Для культового комплекса Воттовары верхней границей существования так же является эпоха позднего средневековья, когда лопари под давлением иноэтнического населения покинули территорию Западной Карелии. Можно предположить, что находясь территориально значительно южнее, оно и свою деятельность закончило раньше других святилищ. В районе озер Пяозеро и Паанаярви, где находится гора Кикакка, саамы проживали до конца XIX—начала XX века, и вполне вероятно, что какие-то пережитки старых культов могли сохраниться у них вплоть до указанного времени. Возникновение святилищ вряд ли относится ко времени ранее I тысячелетия до н. э. Отдельные сложения и скопления культовых камней на островах Кузова идентичны сложениям расположенным на очень низких террасах островов (2—3 м). Таким образом, на этой высоте они могли быть установлены не ранее эпохи железа—средневековья, когда уровень воды сравнялся с современным. Найденные на Кузовах поселения эпохи неолита—раннего металла занимают 8—16 метровые террасы. На наш взгляд, культовые комплексы, не мо-

гут быть так же старше беломорских петроглифов, которые датируются не позднее II тысячелетия до н. э. В святилище на г. Кивакка был найден кварцевый отщеп со следами работы, в комплексе на острове Немецкий Кузов—скребок и несколько отщепов из кремня. Данные единичные находки, возможно, связаны с культурными комплексами, но использовать их при датировании достаточно сложно.

Этнографические сведения и особенности природного окружения вокруг святилищ, а также нахождение их близ сезонных миграционных путей северного оленя или мест обитания морских животных позволяют связывать их сооружение и функционирование с промысловой магией.

ЛИТЕРАТУРА:

Муло И. М. Памятники древней культуры на Кузовых островах. — В кн. Археология и археография Беломорья. Архангельск, 1984. с. 52—81.

Журавлев А. П. Изучение культового комплекса Пегрема — 40//Миграции и связи древних племен лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла / Петрозаводск, 1992—с. 27—33. Он же: Звонковая Щельга, там же—с. 16—27.

Визе В. Лопарские сейды. — В кн. Известия архангельского общества изучения Русского Севера № 9. Архангельск, 1912 г., с. 395—401.

И. Е. КЛЕМАНСКАЯ

КАТАЛОГ РАБОТ А. П. ЖУРАВЛЕВА (1964—93 гг.)

В 1993 году исполняется 30 лет научной деятельности А. П. Журавлева, члена союза ученых России, кандидата наук, зав. отделом археологии «Пегрема» музея—заповедника «Киж», автора более 350 научных и научно-популярных работ и монографий, посвященных истории, культуре, искусству, экономике, верованиям древних народов Северной Европы. Открыл ряд археологических культур, древнейший в Европе центр по обработке самородной меди в Заонежье и уникальный археологический комплекс Пегрема. Применил новый метод изучения древних орнаментов круговыми развертками. Впервые на Европейском Севере открыл и изучил по археологическим данным катастрофическое пегремское землетрясение 2200 г. до н. э. Является создателем археологического музея в КИЦ РАН и автором идеи и проекта культурно-исторического центра «Пегрема» в Заонежье.

Несмотря на массу трудностей и преград сам же воплощает эту идею в жизнь. С этой целью по его инициативе в музее-заповеднике «Киж» создан отдел археологии «Пегрема», задачей которого является изучение, охрана, популяризация и музеефикация уникального археологического комплекса Пегрема; он же является инициатором создания акционерного общества закрытого типа научно-производственной фирмы «Пегрема». Цель его — создание

инфраструктуры, способствующей возрождению Пегремы, Заонежья. По инициативе А. П. Журавлева на базе полевого симпозиума по изучению первобытной археологии Восточной Европы и Урала создано археологическое общество «Пегрема», которое координирует комплексные археологические исследования на северо-западе, в перспективе на базе этого общества планируется создание международного независимого координационного совета по защите докторских диссертаций.

Предлагаемый каталог включает работы А. П. Журавлева с 1964 по 1993 годы: научные статьи, научные доклады, научные отчеты, научно-популярные статьи, литературу о нем. Всего 442 работы*.

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

1. Книги

1. Комплексная охрана природно-исторических ландшафтов бассейна Онежского озера. — Петрозаводск, 1988.
2. Пегрема (поселения эпохи энеолита). — Петрозаводск, 1991.
3. Природный парк «Заонежский». — Петрозаводск, 1992.
4. Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла. — Петрозаводск, 1992.
5. Кузнечья древней Пегремы. — Петрозаводск, 1993.
6. Сокровища Муромского заказника. — Петрозаводск, 1993.
7. Заонежье (эпоха камня — раннего металла). — (В печати).

2. Научные статьи

1. О некоторых результатах археологической разведки побережья Северной Двины // Сб. тез. докл. 10-й Всесоюзной археол. студ. конф.-М., 1964. — с. 1—2.
2. Стоянка Вигайнаволоок // Науч. конф. по итогам работ за 1964 г.: Май, 1965. Секция ист. наук Сокр. тез. докл. — Петрозаводск, 1965. — с. 116—118.
3. Новые археологические памятники на берегу оз. Водлозера и р. Водлы // Науч. конф. по итогам работ за 1965 г.: Май, 1966. Секция ист. наук. Сокр. тез. докл. Петрозаводск, 1966. — с. 113—115.
4. Стоянка Вигайнаволоок / соавт. Панкрушев Г. А. // Новые памятники истории древней Карелии: Археолог. сб. — М; Л., 1966. — с. 152—177.
5. Карельская экспедиция / соавт. Г. А. Панкрушев, Ю. В. Титов, А. В. Анпилов // Археологические открытия. 1966 года. — М., 1967. — с. 7—9.
6. Раскопки у Водлозера / соавт. Г. А. Панкрушев, В. Ф. Федорчук // Археологические открытия 1967 года. — М., 1968. — с. 3—5.
7. Школьное краеведение и археология / опыт школ республики // По новым программам: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. по проблеме «Перестройка учебно-воспитательной работы пед. института в связи с переходом школ на новые программы обучения». — Петрозаводск, 1970 — с. 611—613.
8. Новый центр древнейшей металлургии меди в СССР и его сырьевая база // Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исслед. 1971 года. — М., 1972. — с. 45—46.

* В каталог не включены многочисленные выступления А. П. Журавлева по карельскому телевидению (в основном программа «Наследники»), союзному телевидению (программа «Маяк»), а также сотни лекций, прочитанных перед студентами, школьниками, населением Карелии. Частично эти сведения можно получить из его личного фонда, хранящегося в ЦГА Карелии, который насчитывает около 100 томов и уникальный фотоархив, также в архиве КНИ РАН и архиве Института археологии РАН.

9. Исследования в Приозовье и Белгородской области / Соавт. Л. Я. Крижевская, И. В. Гаврилова // Археологические открытия 1971 года. — М., 1972 — с. 118—119.

10. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Вигаинаволок I // Археологические исследования в Карелии. — Л., — с. 91—94.

11. Раскопки в Карелии // Археологические открытия 1971 года. — М., — 1972. — с. 15—16.

12. Исследования памятников Карелии / соавт. В. Г. Миронов, Ю. И. Глаголев // Археологические открытия 1972 года. — М., — с. 12—13.

13. Раскопки в Пегреме // Археологические открытия 1973 года. — М., —

13. Раскопки в Пегреме // Археологические открытия 1973 года. — М., — с. 9.

14. Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I // Сов. археология. — 1973. — № 1. — с. 243—249.

15. Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии // Сов. археология. — 1974. — № 3. — с. 242—246.

16. О древнейших орнаментах Заонежья // Вопросы Сов. финно-угроведения: Археология, литературовед., этнограф., фольклор. / тезисы докл. и сообщ. / — Петрозаводск 1974 — с. 9—10.

17. Новое о древнейшем центре обработки меди в Заонежье / по данным археологии и естественных наук // там же — с. 10—11.

18. Исследование энеолита в Карелии // Археологические открытия 1973 года. — М., 1974 — с. 10—11.

19. О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии // Краткие сообщ. Ин-та археологии. — М., 1975. — Вып. 142. — с. 31—38.

20. Работы на Онежском озере / соавт. Г. В. Фофанова, К. Л. Янитс, А. А. Лийва // Археологические открытия 1974 года. — М., 1975. — с. 15.

21. Обследования медных рудников Заонежья // Археологические открытия 1974 года. — М., 1975. — с. 14.

22. К изучению орнамента на ямочно-гребенчатой керамике // Сов. археология. — 1976. — № 2. — с. 219—226.

23. Древнейшая металлообработка меди в Карелии / по данным археологии и естественных наук / соавт. Э. Л. Врублевская, А. А. Лийва, В. И. Горлов, Э. С. Васильева // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. науч. сб. — Петрозаводск. 1976. Вып. 2. — с. 183—203.

24. Об орнаменте сосуда на стоянке Пегрема II // Сов. археология. — 1976. — № 3. — с. 303—308.

25. Работы Карельского музея // Археологические открытия 1975 года. — М., 1976. — с. 14—15.

26. Разведка в Заонежье // Археологические открытия 1975 года. — М., 1976. с. 15—16.

27. Изучение орнамента ямочно-гребенчатой керамики методом круговых разверток // Учен. зап. Тарт. ун-та. — Тарту, 1976. — Вып. 2 (382). — с. 45—57.

28. Металлургия древней Пегремы // Природа. — 1976. — № 12. — с. 126—127.

29. О ромбо-ямочном орнаменте северных финноугров // VII Всесоюз. конф. по изуч. истории, экономики, языку, литературы Сканд. стран и Финляндии: Тез. докл. — М.-Л., — Т. I. — с. 158—161.

30. К изучению энеолита Карелии // Сов. археология. — 1977 — № 3. — с. 267—274.

31. Энеолит Карелии: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. — Петрозаводск, 1977 — с. 20 с. — Библиогр.: с. 17—20.

32. Исследования в Пегреме / соавт. Э. И. Девятова // Археологические открытия 1976 года. — М., 1977. с. — 13—14.

33. Энеолитическое время в Карелии // Скандинавский сб. — Таллинн, 1977, с. 121—140.

34. Ранний этап металлообработки в Карелии / соавт. Э. Л. Врублевская // Сов. археология. — 1978. — № 1. — с. 154—165.

35. Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы // Сов. археология. — 1979. — № 1. — с. 245—248.

36. Энеолитический этап в Карельской археологической культуре и проблема его датировки // Памятники первобытной культуры: Сб. ст. — М., 1979. — с. 82—86. (Краткие сообщ. Института археологии АН СССР; вып. 157).

37. Металлообработка у древних финноугорских племен эпохи энеолита // Вопросы финно-угроведения: Этнография; Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угровед. — Сыктывкар, 1979. — 42. — с. 76—77.

38. Комплексное изучение энеолита Карелии / соавт. Э. Л. Врублевская, Э. И. Девятова, А. А. Лийва, В. И. Горлов, Э. С. Васильева // VIII Всесоюз. конф. по изуч. истории, экономике, языку, литературы Сканд. стран и Финляндии: Тез. докл. — Петрозаводск, 1979 — с. 196—198.

39. Исследования в Карелии // Археологические открытия 1978 года. — М., 1979. — с. 9.

40. К истории металлургии в Карелии / соавт. Г. М. Коваленко // К истории малых народов Европ. Севера СССР. — Петрозаводск, 1979. — с. 23—28.

41. О датировке археологических памятников Пегремы / соавт. Лийва А. А. // Геохронология четвертичного периода. — М., 1980 — с. 40—44.

42. Вегорукское Линнавуори // Археологические открытия 1979 года. — М., 1980. — с. 8.

43. Первые металлурги Карелии. Знание — Сила — 1981. — № 1. — с. 37.

44. Медные изделия стоянки Залаврута IV // Сов. археология. — 1981, № 4. — с. 247—250 (соавт. Э. И. Девятова, Э. Л. Врублевская).

45. Раскопки в Костомукше и на Онежском озере // Археологические открытия 1980 года. — М., 1981. — с. 11—12.

46. Сырьевая база кремневых орудий бассейна Онежского озера // Сов. археология. — 1982. — № 1. — с. 204—207.

47. Центр обработки сланца в эпоху неолита на Европейском Севере // IX Всесоюз. конф. по изуч. истории, экономики, яз. и лит. Сканд. стран и Финляндии: Тез. докл. — Тарту, 1982. — Т. I. — с. 181—182.

48. Илекса I // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. — Петрозаводск, 1982. — с. 108—118.

49. Глиняная фигурка водолавающей птицы на стоянке Илекса I // Сов. археология. — 1982. — № 4. — с. 216.

50. Раннеэнеолитическое поселение Пегрема IX // Сов. археология. — 1983. — № 1. — с. 271—277.

51. Мезолитическое поселение Пегрема VIII в Карелии // Исследования по мезолиту и неолиту СССР. — Л., 1983. — с. 39—44.

52. Раскопки в Пегреме // Археологические открытия 1981 года. — М., 1983. — с. 14.

53. Датировка поселений мезолита — раннего металла в Умьской губе Онежского озера // Сов. археология. — 1984. — № 4. — с. 119—126.

54. Данные естественнонаучных дисциплин в археологических исследованиях Пегремы // Тез. докл. совещ.: «Комплексные методы в изучении истории и древнейших времен до наших дней». — М., 1984. — с. 93—94.

55. Раскопки в Пегреме // Археологические открытия 1983 года. — М., 1985. — с. 10—11.

56. Поселение с керамикой льяловского типа в Заонежье // Сов. археология. — 1986. — № 1. — с. 138—145.

57. Раскопки в Заонежье // Археологические открытия 1984 года. — М., 1986. — с. 7—8.

58. Заонежский культурно-хронологический вариант мезолита Финско-караельский // X Всесоюз. конф. по изуч. истории, экономики, яз. и литерат. Сканд. стран и Финляндии: Тез. докл. — М., 1986. — с. 208—210.

59. О древнейшем земледелии в Карелии по данным хроно- и биостратиграфических исследований / соавт. И. М. Экман // Геология докембрия Центральной и Южной Карелии: Оперативно-информ. материалы за 1985 год. — Петрозаводск, 1986. — с. 51—54.
60. Поселение Пегрема I // Сов. археология. — 1987 — № 4 — с. 140—150.
61. Энеолит асбестовой керамики Карелии // XVII Всесоюз. финно-угорская конф. — Устинов, 1987. — Т. 2. — с. 15—16.
62. Работы в Пегреме // Археологические открытия 1985 года. — М., 1987. — с. 11—12.
63. Два поселения с асбестовой керамикой в Пегреме // Сов. археология. — 1988. — № 2. — с. 143—148.
64. Сырьевая база сланцевых орудий Средней Карелии // Памятники неолита и бронзы: Сб. статей. — М., 1988. — с. 38—44 — (Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР; Вып. 193).
65. Хронология культуры сперринге в бассейне Онежского озера и особенности природной среды, способствовавшей ее развитию / Соавт. И. М. Экман, А. А. Лийва // Изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белорусии. — Таллинн, 1988. — с. 69—76.
66. Обследование источников лидита древних поселений Заонежья // Археологические открытия 1986 года. — М., 1988. — с. 18—19.
67. О послеледниковых землетрясениях Карелии по археологическим и геолого-геоморфологическим данным / Соавт. А. Д. Лукашов, И. М. Экман, В. А. Ильин // Геология и петрология: Оперативно-информ. материалы за 1987 год. — Петрозаводск, 1988. — с. 58—62.
68. Кварцевая индустрия в финальном мезолите и раннем неолите Заонежья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. — Ижевск, 1988. — с. 44—53.
69. Комплексная охрана природно-исторических ландшафтов бассейна Онежского озера: / на примере ландшафт. заказника «Муромский» Кар. АССР / Соавт. В. К. Антипин, П. Н. Токарев, Г. П. Лак, Л. Я. Якшина. — Петрозаводск, 1988. — 8 с. ил.
70. Развитие культуры древнего человека в бассейне Онежского озера в голоцене / Соавт. И. М. Экман // VIII Всесоюз. симп.: История озер. Рациональн. и охрана озерных водоемов: Тез. докл. — Минск, 1989. — с. 47—48.
71. Некоторые итоги комплексного изучения Пегремы и перспективы создания национального парка в Заонежье // II Всесоюзн. конф. по ист. краеведению. — Пенза, 1989. — с. 250—252.
72. По следам землетрясения в Пегреме / соавт. И. М. Экман // Природа. — 1989. — № 6. — с. 27—30.
73. Музыкальные памятники Фенноскандии / Соавт. А. Р. Аблова, Р. Л. Крамал // XI Всесоюзн. конф. по изуч. истории, экономики, яз. и лит. Сканд. стран и Финляндии: Тез. докл. — М. 1989. — с. 180—181.
74. Сейсмоархеологическое изучение Фенноскандии // Там же. — с. 188—189.
75. О возрасте гребенчато-ямочной керамики / Соавт. И. М. Экман // Тез. докл. VIII изотопно-геохим. совещ. Прибалт. респ. и Белорусской ССР. — Вильнюс, 1989. — с. 31—32.
76. Хронология мезолита Карелии по радиологическим данным / Соавт. И. М. Экман // Там же. — с. 33—34.
77. Хронология позднеэнеолитической культуры асбестовой керамики Восточной Фенноскандии и экологические условия эпохи / Соавт. А. М. Божко, А. А. Лийва, И. М. Экман // Там же. — с. 35—36.
78. Влияние природных и антропогенных факторов на ошибки C^{14} датировках геологических и археологических объектов: / на примере Карелии / Соавт. А. М. Божко, И. М. Экман, А. А. Лийва // Там же. — с. 39—40.

79. Датировка археологических памятников в бассейне Онежского озера / Соавт. И. М. Экман, А. А. Лийва // Тез. докл. совещ. по геохронологии четвертич. периода. — М., 1989. — с. 99.

80. Хронология Прионежского раннеолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики / Соавт. И. М. Экман // Там же. — с. 100.

81. О датировке среднекарельской энеолитической культуры / Соавт. И. М. Экман, А. А. Лийва // Там же. — с. 115.

82. Исследования в Средней Карелии // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Сыктывкар, 1989. — с. 11—12.

83. Некоторые методические приемы изучения жилищ мезолита — раннего металла в Карелии // Полевая археология мезолита — неолита. — Л., 1980, с. 107—113.

84. Природно-экологические изменения в голоцене Карелии и их влияние на социально-экономическое развитие древних обществ / Соавт. А. М. Божко, И. М. Экман // Четвертичный период: стратиграфия и экология: VII Всесоюз. совещ.; Тез. — Таллинн, 1990. — с. 69—70.

85. История человека Карелии в голоцене / Соавт. И. М. Экман // Там же. — с. 201—202.

86. Предки древних финноугров в энеолите Восточной Фенноскандии, Урала и Поволжья // Тез. докл. VII Междунар. конгр. финно-угроведов. — Дибречен, 1990. — с. 216.

87. Финноугры в энеолите Восточной Фенноскандии, Урала и Поволжья // Congr. septimus international fenno ugvistarum. — Debrecen, 1990. — s. 42.

88. О заонежском культурно-хронологическом варианте мезолита в Северной Европе // Скандинавский с. — Таллинн, 1990. — 33. — с. 122—134.

89. Энеолит Карелии и проблемы взаимодействия с энеолитом Поволжья и Урала // Энеолит лесного Урала и Поволжья. — Ижевск, 1990. — с. 17—27.

90. Новые данные по обработке самородной меди в энеолите Карелии / Соавт. Э. Л. Чистякова, А. М. Жульников // Сов. археология. — 1991 — № 1. — с. 167—172.

91. Пегремский культурный центр, исторические связи с циркулярными территориями Евразии // Проблемы историко-культурной среды Арктики: Тез. докл. междунаро. симп. — Сыктывкар, 1991. — с. 40.

92. Верования древних народов Северной Евразии по материалам могильника Костомукшское X // Проблемы происхождения уральской языковой семьи. — Ижевск, 1991. — с. 1—2.

93. Древнейший миф о «мировом дереве» // Там же. — с. 3—4.

94. Образ «мирового дерева» в древней мифологии Заонежья // Фольклорные традиции и музеи. — о. Кижь, 1991. — с. 34—35.

95. Датировка поселений с гребенчато-ямочной керамикой в Карелии / Соавт. И. М. Экман // Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии. — Вильнюс, 1991. — с. 144—154.

96. Добыча и обработка самородной меди в древней Карелии // История геологических исследований на Европейском Северо-Западе СССР. — Петрозаводск, 1991. — с. 64—72.

97. Поселение с ромбоямочной керамикой у истока Сухой Водлы // Поздний неолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. — Йошкар-Ола, 1991. — с. 125—131.

98. О генезисе поселений с асбестовой керамикой // Там же. — с. 114—124. Исследования в Карелии // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Ижевск.

99. Открытия в Пегреме // Природа. — 1992. — № 2. — с. 53.

100. Археологические памятники // Природный парк «Заонежский». — Петрозаводск, 1992. — с. 11—13.

101. К 25-летию исследований в Пегреме // Миграции и связи древних племен лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла. — Петрозаводск, 1992.

102. Звонковая щельга // Там же.

103. Сошник из Пегремы XVII // Там же.

104. Среднекарельская энеолитическая культура // Там же.

105. Стоянка с кварцевым инвентарем на озере Костомукшском // Там же.

106. Мезолитическая стоянка Палайгуба VI // Там же.

107. Изучение культового комплекса Пегрема — 40 // Там же.

108. Поселение Клим I // Там же.

109. Сырьевая база Заонежья и ее влияние на развитие индустрий древних поселений Европейского Севера // Там же.

110. Развертки орнаментов неэнеолитических сосудов Карелии // Там же.

111. VI полевой симпозиум в Карелии // Российская археология, (в печати).

112. Изучение древних землетрясений в Карелии по археологическим данным // Социальная организация древних обществ по типам поселений и жилищ. — Екатеринбург, 1993.

113. Прионежская раннеэнеолитическая культура ямочно-гребенчатой керамики и ее роль в становлении неолита и энеолита лесной полосы Евразии // Памятники древних культур лесной полосы Евразии. — Петрозаводск, 1993.

114. Жилища раннеэнеолитического поселения Вигайнаволоок I // Там же.

115. Применение данных естественно-научных дисциплин в археологических исследованиях Пегремы, там же.

116. Печи для обжига глиняных сосудов эпохи энеолита в Пегреме // Там же.

117. Особенности развития культур эпохи мезолита — раннего металла в бассейне Онежского озера / Соавт. И. М. Экман, А. А. Лийва // Там же.

118. Новые поселения с асбестовой керамикой в Северной Карелии / Соавт. И. М. Экман // Там же.

119. Культовый комплекс Пегрема — 40 / Соавт. И. В. Мельников // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск, 1993.

120. Глиняная посуда энеолитических поселений Прионежья // Кижский вестник № 2. — Петрозаводск. — 1993.

121. «Гигантская лягушка» в древнеязыческом культовом комплексе Пегремы // ТД XI Всесоюзной конференции скандинавистов. — М., 1993.

122. Культ космической горы у предков древних саамов, там же.

123. Mainais-karjalan kuvioitetepe. Punalippu, 1981. № 8. s. 139—143.

124. Vasken Käsitteystä olen Vonhoan Äänisnimella. Punalippu, № s. 149—150.

125. Acheologinen museo. Punalippu, 1987. № 4. s. 137—138.

126. Äänisniemen alkuasukkaita. Punalippu, 1987. № 4. s. 121—124.

127. Rautainen anranvanuas Pagemusta. Punalippu, 1989. № 4. s. 147.

128. Maaailmanpuu Pagemusta. Punalippu, 1990. № 12. s. 138—141.

129. Muinaismaailman Salaisuudet Selville. Kipinä, 1991. № 4. s. 16—17.

130. Helkkyvä kallio. Carelia, 1991. № 10. s. 163—167.

131. Pегremen suuri löytö. Kipinä, 1992. № 2. s. 10—11.

132. Pегremen löytö. Carelia, 1992. № 2. s. 160.

133. Датировка археологических памятников в бассейне Онежского озера // Геохронология четвертичного периода. — М. 1992. с. 167—172.

3. Научные доклады

1. Археологическая разведка на Северной Двине. Докл. на Всесоюз. археологической студ. конф. — М, 1964.

2. Стоянка Вигайнаволоок: Докл. на научн. конф. ИЯЛИ. — Петрозаводск, 1965.

3. Новые археологические памятники на берегах оз. Водлозера и реки Водля: Докл. на научн. конф. ИЯЛИ. — Петрозаводск, 1966.

4. Жилища стоянки Вигайнаволоок I: Докл. на Всесоюз. археол. конф. ИЛ., 1968.

5. Археология и школьное краеведение: Докл. на межвуз. научн.-практ. конференции. Петрозаводск. 1970.
6. Мастерская по обработке меди Пегрема I: Докл. на пленуме ЛОИА АН СССР, — Л., 1971.
7. Раскопки стоянки Пегрема I: Докл. на секторе ЛОИА АН СССР. Л., 1971.
8. Новый центр древнейшей металлургии меди в СССР и его сырьевая база: Докл. на Всесоюзн. арх. конф. М., 1972.
9. Энеолитическое время в Карелии: Докл. на Пленуме ЛОИА АН СССР, Л., 1973.
10. Новое о древнейшем центре обработки меди в Заонежье: Доклад на V финноугорской конф., Петрозаводск. 1974.
11. О древнейших орнаментах Заонежья // Там же.
12. Археологическая практика студентов ПГУ и их роль в археологических исследованиях Карелии: Докл. на VII РАСК. Петрозаводск. 1975.
13. Хронология энеолита Карелии: Докл. на заседании отд. палеолита ЛОИА АН СССР. Л., 1975.
14. О ромбо-ямочном орнаменте северных финноугров: Докл. на VII Сканд. конф. Л., 1976.
15. Об энеолитической культуре Карелии: Докл. на засед. отд. археол. ЛОИА АН СССР. Л., 1977.
16. К истории металлургии в Карелии (Содокл. Г. М. Коваленко): Докл. на конф. Аппатиты, 1977.
17. О датировке археологических памятников Пегремы (Сод. А. А. Лийва). Докл. в ГИН АН СССР. — М., 1978.
18. Металлообработка у древних финно-угорских племен эпохи энеолита: Докл. на XVI Всесоюзн. конф. по финноугроведению. Сыктывкар. 1979.
19. Комплексное изучение энеолита Карелии: Докл. на VIII конф. скандинавистов. Петрозаводск. 1979.
20. О датировке памятников Уницкой губы Онежского озера: Докл. на конф. Изотопн. и геохим. методы, геологии, археологии. Лохусалу, 1981.
21. Комплексное датирование памятников Заонежья: Докл. на секторе палеолита ЛОИА АН СССР. Л., 1982.
22. Центр обработки сланца эпохи неолита и энеолита на Европейском Севере: Докл. на IX Скандинавской конференции. Таллин. 1982.
23. Археологические памятники Карелии: Докл. на II пленуме ВООПИК (Кар. отделение). Петрозаводск. 1983.
24. Пегрема — как археологический комплекс на Европейском Северо-Западе: Докл. на секторе неолита и бронзы Ин-та археологии АН СССР. М., 1984.
25. Новые археологические памятники Восточной Карелии: Докл. на секторе палеолита ЛОИА АН СССР. Л., 1984.
26. Некоторые методические приемы изучения жилищ поселений каменного века в Пегреме: Докл. на Всесоюзн. конф. по метод. раскопок археолог. памятников. Л., 1984.
27. Комплексные археологические исследования на Европейском Северо-Западе: Докл. на конф. Вологда. 1984.
28. Памятники с ромбо-ямочной керамикой на Северо-Западе РСФСР (о ходе стажировки): Докл. на секторе неолита и бронзы Ин-та археологии АН СССР. М., 1984.
29. Заонежье в эпоху камня — раннего металла: Докл. на секторе неолита и бронзы Ин-та археологии АН СССР. М., 1985.
30. Древнейшее земледелие в Карелии: Докл. на бюро ЛОИА АН СССР. Л., 1985.
31. Методологические проблемы изучения древнейших орнаментов Карелии: Докл. на конф. по актуальным проблемам познания. Петрозаводск. 1986.
32. Памятники мезолита — раннего металла в Заонежье: Докл. на секторе палеолита ЛОИА АН СССР. Л., 1986.

33. Заонежский культурно-хронологический вариант мезолита Финноскандии: Докл. на X Скандинавской конф. М., 1986.
34. Некоторые проблемы генезиса и датировки поселений с асбестовой керамикой: Докл. на VII научн. семинаре по изотопно-геохим. иссл. Лохусалу, 1987.
35. Хронологические рамки культуры сперритс и особенности природной среды, способствовавшие ее развитию // Там же.
36. Выявление древних землетрясений по археологическим данным // Там же.
37. Выявление разрушительного землетрясения в Карелии по археологическим данным: Докл. на совещании по сейсмическому районированию слабоактивных территорий. Черноголовка. 1987.
38. Кварцевая индустрия в финальном мезолите и раннем неолите Заонежья: Докл. на полевом симпозиуме. Зашижемье. 1987.
39. Энеолит асбестовой керамики Карелии: Докл. на XVII Всесоюзн. конф. финно-угроведов. Ижевск. 1987.
40. Памятникам культуры -- вторую жизнь: Докл. на конф. «Национальное искусство Карелии». Петрозаводск. 1987.
41. Влияние сырьевой базы на развитие индустрий энеолитических поселений Заонежья: Докл. на секторе палеолита ЛОИА АН СССР. Л., 1988.
42. Предложения по созданию археологического сектора в Петремском природно-археолого-архитектурном заповеднике: Докл. на семинаре парт. актива. Медвежьегорск. 1988.
43. Выявление древних землетрясений в Карелии по археологическим данным: Докл. на семинаре «Гляциодепрессионные изменности и маргинальные возвышенности Северо-Запада Русской равнины». Пеков. 1988.
44. Энеолит Карелии и проблема взаимодействия с энеолитом Урала и Поволжья. Шадбегово. Докл. на полевом симпозиуме. 1988.
45. Новое по обработке самородной меди в энеолите Карелии. Докл. на VIII Бадеровских чтениях. Сыктывкар. 1988.
46. Новое по каменному искусству Заонежья / определение древних землетрясений по археологическим данным / : Докл. на заседании отд. палеолита ЛОИА АН СССР. Л., 1988.
47. Определение возраста террас великих озер Северо-Запада по археологическим данным: Докл. на совещ. четверт. секции регион. межведомст. комиссии. Петрозаводск. 1989.
48. Некоторые итоги комплексного изучения Петрамы и перспективы создания Национального парка в Заонежье: Докл. на II Всесоюзн. конф. по ист. краеведению. Пенза. 1989.
49. Развитие культуры древнего человека в бассейне Онежского озера в голоцене: Докл. на VIII Всесоюзн. симпозиуме по истории озер. Минск. 1989.
50. Добыча и обработка самородной меди в энеолите Карелии: Докл. на годичном собр. Комиссии по истории геолог. знаний и геолог. изучен. СССР и семинара «История геологич. исслед. и поиска минерального сырья на Европейском Северо-Западе». Петрозаводск. 1989.
51. Культурные и природные комплексы Заонежья и их охрана: Докл. на конф. «Обследование памятников деревянной архитектуры (к 275-летию Кижской Преображенской церкви)» Петрозаводск. 1989.
52. О заонежском природно-культурном комплексе и создании нового направления в науке (сейсмо-геолого-археологического) Докл. на Учред. конф. союза ученых СССР. М., 1989.
53. Поселение с ромбичной керамикой у истока Водлы: Докл. на полевом симпозиуме «Поздний энеолит и сложение культур раннего бронзового века». Галаккина Гора. 1989.
54. О генезисе асбестовой керамики // Там же.
55. Музыкальные культовые памятники финноскандии / Содокл. А. Р. Лблова, Р. Л. Крапман / : Докл. на XI Всесоюзн. конф. скандинавистов. Архангельск, 1989.

56. Сейсмоархеологическое изучение Фенноскандии // Там же.
57. Влияние природных и антропогенных факторов на ошибки в C^{14} дат геологических и археологических объектов / на примере Карелии /
58. Содокл. А. М. Божко, И. М. Экман: Докл. на конф. по геохронологии и изотопно-химич. исслед. в Прибалтике и Белоруссии. Вильнюс. 1989.
59. Хронология позднэнеолитической культуры асбестовой керамики Восточной Фенноскандии и экологические условия эпохи / Содокл. И. М. Экман, А. М. Божко, А. А. Лийва // Там же.
60. Хронология мезолита Карелии по радиологическим данным / Содокл. И. М. Экман // Там же.
61. О возрасте гребенчато-ямочной керамики / Содокл. И. М. Экман // Там же.
62. О Пегремском заповеднике в Заонежье: Докл. на Учред. конф. об-ва краеведов в Карелии. Петрозаводск. 1989.
63. Датировка археологических памятников в бассейне Онежского озера / Содокл. И. М. Экман, А. А. Лийва: Докл. на Всесоюзн. совещ. по геохр. четвертичн. периода. М., 1989.
64. Хронология Прионежской раннеэнеолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики / Содокл. И. М. Экман // Там же.
65. О датировке Среднекарельской энеолитической культуры / Содокл. И. М. Экман, А. А. Лийва // Там же.
66. О двух культурных традициях в раннем неолите Карелии. Докл. на Всесоюзн. конф. по проблеме «Ранний неолит степной и лесостепной зоны СССР и его генезис». Л. 1990.
67. Миф о «мировом дереве» из неолитического поселения Пегремы II // Там же
68. Памятники Пегремы: Докл. на метод. совете музея-заповедника «Кижь». Петрозаводск. 1990.
69. О Пегремском культурно-историческом центре: Докл. на расширенном Пленуме союза ученых СССР. М., 1990.
70. Пегрема — уникальный природно-археологический комплекс Северной Европы: Докл. на симп. Прибалтийско-Карельском «Геология и петрология, обл. последнего скандинавского обледенения. Л., 1990.
71. Природно-экологические изменения в голоцене Карелии и их влияние на социально-экономическое развитие древних обществ: Докл. на VII Всесоюзн. совещ. Четвертичного периода. Таллинн. 1990.
72. История человека Карелии в голоцене / Соавт. И. М. Экман // Там же.
73. О Пегремском культурно-историческом центре в Заонежье: Докл. на засед. ВООПИК / секция архитектуры /. Петрозаводск. 1990.
74. Природно-культурный комплекс Заонежья / проблемы возрождения охрана и использование /. Докл. на I межрегион. совещ. по охране, рац. использов. растительн. ресурсов Севера. Кацдалакша. 1990.
75. Заонежье: перспективы развития: Докл. на конф. Медвежьегорск. 1990.
76. Среднекарельская энеолитическая культура: Докл. на полевом симп. «Поздний неолит и ранний энеолит лесной полосы Европейской части СССР» Пермь. 1990.
77. Энеолитическое поселение Клим I в Заонежье // Там же.
78. Предки древних финноугров в энеолите Восточной Фенноскандии, Урала и Поволжья: Докл. на VII Междунар. конгрессе по финно-угровед. Дибрещен. 1990.
79. Пегремский культурный центр, исторические связи с циркулярными территориями Евразии: Докл. на междунар. симпозиум по проблемам историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар. 1991.
80. Древнейший миф о «мировом дереве»: Докл. на семинаре «Проблемы происхождения уральской языковой семьи». Ижевск. 1991.
81. Верования древних народов Северной Евразии по материалам могильника Костомукшское X // Там же.

82. Образ «мирового дерева» в древней мифологии Заонежья: Докл. на Всесоюзн. конф. «Фольклорные традиции и музеи», О. Кижы, 1991.

83. Определение древних землетрясений в Карелии по археологическим данным: Докл. на V полевом симпозиуме, Тюмень, 1991.

84. О датировке раннеолитической культуры Пегрема /с сосудами позвонковых орнаментов/ на основании метода C^{14} : Докл. на IX совещ. по изотопно-геохим. исследованиям, Лохусалу, 1991.

85. Радиоуглеродная датировка голоценовых террас в Пегреме по археологическим памятникам с чистыми комплексами мезолита — раннего металла // Там же.

86. Новые исследования в Пегреме: Докл. в неолит. группе ИИМК, Санкт-Петербург, 1992.

87. Заонежье: прошлое и современность. Открытия, проблемы, перспективы. Докл. на конф. «Заонежье: прошлое, настоящее, будущее», Петрозаводск, 1992.

88. 25 лет комплексных исследований в Пегреме: Докл. на VI полевом симпозиуме «Миграции и связи древних племен лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла», О. Кижы, 1992.

89. Влияние сырьевой базы Заонежья на развитие индустрий Европейского Севера // Там же.

90. Перспективы развития Заонежья: Докл. на кон. «Заонежье: вчера, сегодня завтра» Медвежьегорск, 1992.

91. Культурно-исторический центр Пегрема: Докл. на конф. «Место Финно-сканди в Европейской культуре» /к 25-летию Петрозаводской консерватории /, Петрозаводск, 1992.

92. Седьмой полевой симпозиум и задачи археологии Северо-запада: Докл. на VII полевом симпозиуме по проблеме «Культуры ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Евразии», Пегрема, 1993.

93. Прионежская раннеолитическая культура ямочно-гребенчатой керамики. // Там же.

94. Жилища раннеолитического поселения Вигаийаволок I // Там же.

95. Печи для обжигов сосудов эпохи мезолита в Пегреме // Там же.

96. Выявление следов разрушительных землетрясений геологическими и археологическими методами и возможности их датирования. Доклад на конференции: Новые методы и их использование при изучении четвертичных отложений. Иломангси 1993. /соавт. И. М. Экман /.

97. Новые методы исследования Оленевостровского могильника на Южном Оленем острове в Онежском озере данными геологии и археологии, там же /соавтор И. М. Экман /.

98. Культ космической горы у предков древних славян. Доклад на XII конференции скандинавистов, 1993.

99. «Гигантская лгушка» в древнетельском культовом комплексе Пегремы, там же.

4. Научные отчеты

1. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1966 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).

2. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1968 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).

3. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1969 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).

4. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1970 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).

5. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1971 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).

6. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1972 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).

7. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1973 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
8. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1974 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
9. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1975 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
10. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1976 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
11. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1977 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
12. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1978 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
13. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1979 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
14. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1980 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
15. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1981 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
16. Отчет о работе Ленинградской группы ЛОИА АН СССР на Водлозере в 1982 году. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
17. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1983 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
18. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1984 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
19. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1985 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
20. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1986 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
21. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1987 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
22. Отчет о работе Кондопожского отряда Карельской археологической экспедиции за 1988 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
23. Отчет о работе Кондопожского археологического отряда ИЯЛИ и ЦЭНДИСИ АН СССР за 1989 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
24. Отчет о работе Заонежской археологической экспедиции КФ ЦЭНДИСИ СССР за 1990 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
25. Отчет о работе комплексной Пегремской экспедиции за 1991 год. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
26. Отчет о работе Пегремской экспедиции музея «Кижь» в 1992 году. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).
27. Отчет о работе в Пегреме в 1993 году. ЦГА Карелии (фонд А. П. Журавлева).

5. Научно-популярные статьи

1. Кедрозерские робинзоны. Комсомолец. 1966. 9 июля.
2. Тайны Карельской земли. Ленинская правда. 1967. 26 марта.
3. Раскопки на Сязозере. Комсомолец. 1967. 17 июля.
4. Петрозаводску ...5000 лет. Комсомолец. 1967. 26 декабря.
5. Раскопки в Сайнаволоке. Комсомолец. 1968. 21 июля.
6. У истоков Сухой Водлы. Комсомолец. 1968. 27 августа.
7. Стоит в Онего остров. Комсомолец. 1968. 25 ноября.
8. По следам минувших веков. Ленинская правда. 1969. 17 мая.
9. В гдубь веков. Ленинская правда. 1969. 26 мая.
10. Сохраним памятники старины. Комсомолец. 1969. 21 июля.
11. Поход удалая. Ленинская правда. 1970. 18 января.
12. Открытый лист. Ленинская правда. 1970. 19 мая.

13. Поросенок — археолог. Комсомолец. 1970. 1 июля.
14. Древнейшая мастерская. Ленинская правда. 1970. 2 августа.
15. Древние сосуды. Комсомолец. 1970. 5 сентября.
16. Выставка археологической литературы. Комсомолец. 5 сентября.
17. Находки на Салоострове. Ленинская правда. 25 октября.
18. Летопись тысячелетий. Комсомолец. 1970. 24 ноября.
19. Зову в экспедицию. Ленинская правда. 1971. 15 апреля.
20. Открытие ковкого камня. Комсомолец. 1971. 28 апреля.
21. Древнейшие «лампы». Ленинская правда. 1971. 9 мая.
22. Путешествие в глубь веков. Ленинская правда. 1971. 27 мая.
23. Находки у Азовского моря. Ленинская правда. 1971. 17 октября.
24. Древнейший клад. Ленинская правда. 14 ноября.
25. Сокровища древней Пегремы. Комсомолец. 1971. 27 ноября.
26. Древнейшие орнаменты. Ленинская правда. 1971. 26 декабря.
27. Забытое искусство. Комсомолец. 1972. 22 апреля.
28. Находки юных археологов. Ленинская правда. 1972. 18 июня.
29. Открытие на стыке наук. Комсомолец. 1972. 21 октября.
30. Еще одно свойство шунгита. Ленинская правда. 22 октября.
31. Интересная находка. Комсомолец. 1973. 17 февраля.
32. Обследование медных рудников. Комсомолец. 1974. 5 октября.
33. Древняя Пегрема. Ленинская правда. 1977. 16 октября.
34. Орнаменты древней Карелии. Ленинская правда. 1979. 8 июля.
35. Первые металлурги Карелии. Ленинская правда. 1979. 19 августа.
36. Находка в Заонежье. Ленинская правда. 1979. 9 сентября.
37. Откуда наши предки брали кремь. Ленинская правда. 4 октября.
38. Изделия из сланца. Ленинская правда. 21 октября.
39. Пегрема IX. Ленинская правда. 1980. 4 февраля.
40. Путешествие в глубь веков. Ленинская правда. 1980. 17 февраля.
41. Илекса I. Ленинская правда. 1980. 11 марта.
42. Школьники-экскурсоводы. Комсомолец. 1980. 20 марта.
43. Оятские курганы. Ленинская правда. 1980. 30 марта.
44. Лебедь из неолита. Правда. 1980. 10 апреля.
45. Необычайный эксперимент. Ленинская правда. 1980. 27 апреля.
46. Войнаволок — 24. Ленинская правда. 1980. 11 мая.
47. Пегрема II. Ленинская правда. 1980. 22 июня.
48. Бронзовая подвеска. Ленинская правда. 1980. 19 июля.
49. Счет в энеолите. Ленинская правда. 1980. 27 июля.
50. Древняя скульптура Пегремы. Ленинская правда. 1980. 27 сентября.
51. От Чалм-Варрэ до Старой Ладogi. Ленинская правда. 1980. 19 октября.
52. Сосуд из неолита. Ленинская правда. 1980. 15 ноября.
53. Пешня из каменного века. Ленинская правда. 1980. 30 ноября.
54. Арсенал древнего охотника. Ленинская правда. 1980. 14 декабря.
55. Древнейший сервиз. Ленинская правда. 1981. 3 января.
56. Плотницкие инструменты наших предков. Ленинская правда. 1981. 1 февраля.
57. Украшения из январа. Ленинская правда. 1981. 14 марта.
58. Путешествие к предкам. Ленинская правда. 1981. 18 апреля.
59. Геометрия... в неолите. Ленинская правда. 1981. 17 мая.
60. Кайло из кварца. Ленинская правда. 1981. 5 июля.
61. Заонсжская находка. Ленинская правда. 1981. 16 августа.
62. Находки на берегах Псела. Ленинская правда. 1981. 13 сентября.
63. Древнейшие якоря. Ленинская правда. 1981. 17 октября.
64. Из глубины веков. Комсомолец. 1982. 30 января.
65. Земля Оленя. Ленинская правда. 1982. 25 апреля.
66. В глубину веков. Ленинская правда. 1982. 1 августа.
67. Сосуд-гигант. Ленинская правда. 1982. 11 сентября.

68. Величиной с наперсток. Ленинская правда. 1982. 3 октября.
69. Летопись тысячелетий. Комсомолец. 1982. 5 октября.
70. Орнаменты древних художников. Ленинская правда. 1982. 17 ноября.
71. Свидетель старины глубокой. Комсомолец. 1982. 21 октября.
72. Подвеска с изображением медведя. Ленинская правда. 1982. 25 декабря.
73. В музее пополнение. Ленинская правда. 1983. 30 января.
74. Вазе — 5000 лет. Ленинская правда. 1983. 13 февраля.
75. Украшения из сланца. Ленинская правда. 1983. 6 марта.
76. Для обложки «Калевалы». Ленинская правда. 1984. 25 марта.
77. Тропой исследователя. Ленинская правда. 1984. 21 октября.
78. У истоков. Комсомолец. 1985. 25 июля.
79. Фонд древностей. Ленинская правда. 1985. 11 августа.
80. Экспонат из неолита. Ленинская правда. 1986. 25 ноября.
81. Находка на песчаном берегу. Ленинская правда. 1986. 14 декабря.
82. Земля обетованная. Комсомолец. 1987. 27 октября.
83. Раскопки в Курмойле. Ленинская правда. 1987. 15 ноября.
84. Пегрема: руины или музей (Соавт. В. П. Орфинский). Комсомолец. 1987. 3 декабря.
85. Земля предков. Вперед. 1987. 3 декабря.
86. Экспонат с Бараньего берега. Ленинская правда. 1987. 27 декабря.
87. Уникальный заповедник (Соавт. В. П. Орфинский, Н. Кораблев). Вперед. 1987. 19 декабря.
88. Древние землетрясения в Заонежье (Соавт. А. Д. Лукашов, И. М. Экман). Ленинская Правда. 1988. 22 июля.
89. Древние землетрясения в Карелии. (Соавт. А. Д. Лукашов, И. М. Экман). Вперед. 1988. 18 февраля.
90. Заповедник — это серьезно. Комсомолец. 1988. 22 марта.
91. Форум краеведов (Соавтор О. Илюха). Ленинская правда. 1989. 27 апр.
92. Лед тронулся (о Пегремском заповеднике). Вперед. 1989. 20 мая.
93. Древние поселения Пегремы. Ленинская правда. 1989. 22 августа.
94. Археология на Боярском. Ленинская правда. 1989. 20 октября.
95. Прогноз на катастрофу. Ленинская правда. 1990. 3 ноября.
96. «Поющие» камни Заонежья. Ленинская правда. 1989. 3 ноября.
97. Пегрему заметили. Ленинская правда. 1990. 24 февраля.
98. Голос прошлого. Ленинская правда. 1990. 4 марта.
99. Землетрясение в Заонежье? Ленинская правда. 1990. 8 апреля.
100. Померкнет ли жемчужина? Ленинская правда. 1990. 22 июня.
101. Тропой исследователя. Ленинская правда. 1990. 17 октября.
102. Пегрему по эгиду ЮНЕСКО. Ленинская правда. 1990. 26 октября.
103. Крупное научное открытие в Пегреме. Вперед. 1991. 10 августа.
104. Открытие в Пегреме. Ленинская правда. 1991. 23 августа.
105. Культурный памятник Заонежья. Мол. газета Карелии. 1992. 18 апреля.
106. Тайна древнего грота. Северный курьер. 1992. 5 июня.
107. У истоков. Северный курьер. 1992. 24 сентября.
108. Пегремское «древо жизни». Север. 1993. № 3.
109. Utkomuseo Pegrameen. Neuvosto Karjala. 1987. 29 marrcesk.

Литература о А. П. Журавлеве

1. Раскопки в Сайнаволоке. Комсомолец, 1966, 21 июля.
2. Панкрушев Г. А. Археологическое изучение Карелии // Научн. конф. ИЯЛИ КФ АН СССР, посв. 50-летию Великой Окт. соц. рев. — Петрозаводск. — 1968. — с. 36.
3. Кожин, Розенфельдт Р. Л. Сессия Отделения истории и Пленума Ин-та археологии АН СССР. Сов. археология. — 1969. — № 3. — с. 297.
4. Розенфельдт Р. Л. Итоги полевых исследований в 1971 году // Сов археология. — 1973. — № 2. — с. 315.
5. Поиск через века. Ленинская правда, 1972, 14 мая.
6. Савватеев Ю. А. Неолитические поселения в низовье реки Выг // Археологические исследования в Карелии. — Л., 1972. — с. 73.
7. Поиск археологов. Ленинская правда, 1974, 4 июня.
8. Верхоглядов В. Пегремский факультет. Комсомолец, 1973, 19 июля.
9. Поиск археологов. Ленинская правда, 1974, 4 июня.
10. Большой совет археологов. Комсомолец, 1975, 25 февраля.
11. Харитонов Г. За дневной поверхностью земли. Комсомолец, 1975, 22 ноября.
12. Андреев К. А. Берендей — друзья леса. Из опыта работы школьного лесничества «Берендей». — Петрозаводск, 1977. — с. 62.
13. Свердлов М. Б. VII Всесоюзн. конф. скандинавистов // Скандинавский сб. — Таллинн, 1977. — 224 — с. 312.
14. Конференция общества охраны памятников. Коммунист Сегежи, 1977, 2 февраля.
15. Уникальный самородок. Ленинская правда, 1977, 27 марта.
16. Мусгонен Р. В. В музее археологии. Ленинская Правда, 1977, 8 мая.
17. Панкрушев Г. А. Мезолит Карелии — М.-Л., 1978. Т. 1, с. 111, Т. 2, с. 46.
18. Савватеев Ю. А. Археологические исследования на территории Карелии // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. — Петрозаводск, 1978, с. 27, 30.
19. Авдусин Д. А. VIII Всесоюзн. конф. по изучению истории, экономики, лит. и яз. скандинавских стран и Финляндии // Сов. археология. — 1978. — № 3. — с. 317.
20. Сусарев М. и др. Сохранить для потомков. Ленинская правда, 1978, 27 июля.
21. Врублевская Э. Л. Металлографические исследования образцов с поселения Пегрема I // КСИА АН СССР. — 1979. — № 157. — с. 87.
22. Тимофеев В. И. О работе сектора палеолита в 1972 — 1977 гг. // Там же, с. 106.
23. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии. — Л., 1979. — с. 15, 18.
24. Савинова Л. Лекция на судах. Водник Карелии, 1979, 28 июня.
25. Заулова С. Путешествие в неолит. Новая Ладога, 1979, 29 сентября.
26. Конференция общества. Ленинец, 1979, 2 октября.
27. Районная конференция. Ленинский путь, 1979, 16 октября.
28. Байбусинов Ш. Лекцию читает ученый. Ленинская правда, 1979, 23 декабря.

29. Савватеев Ю. А. Исследования археологов Карелии // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. — Петрозаводск. — 1980, с. 19—20.
30. Скворцова Г. Воскресенье — день рабочих. Комсомолец. 1980. 5 февраля.
31. Тимофеев В. Из глубины веков. Сов. Россия. 1980. 11 мая.
32. Синкевич С. и др. Находки юных археологов. Ленинская Правда. 1980. 6 июля.
33. Белоруков Д., Березин И. Экспедиция в историю. Комсомолец. 1980. 26 июля.
34. Сенькин Н., Сушко Т. Орнамент из эпохи неолита. Ленинская Правда. 1980. 24 августа.
35. Лобанова Н. В. Неолитические памятники с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии: Автограф. канд. дис. — М., 1986. С. 10.
36. Голубева А. А. XVI Всесоюзная конференция финноугроведов // Сов. археология. — 1981, — № 4 — с. 288.
37. Энеолит СССР. — М., 1982. с. 7—8.
38. Гурина Н. Н. Некоторые итоги изучения мезолита и неолита в СССР // КСИА АН СССР. — 1983. — № 173. — с. 8.
39. Титов Ю. В. В поисках предков. Ленинская правда. 1983. 26 января.
40. Савватеев Ю. А. Археологические памятники южного берега Онежского озера // Археологические памятники бассейна Онежского озера. — Петрозаводск: 1984. — с. 84.
41. Варламов В. Дом над Онего. — М., 1985. — с. 128.
42. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования Карел. Конец XIX — начало XX в. Л., 1985 — с. 91.
43. Девятова Э. И. Природная среда и ее измерения в голоцене. — Петрозаводск. 1986. — с. 38—59.
44. Аникевич М. В. Всесоюзное совещание по методике полевых исследований памятников каменного века, посвященное столетию со дня рождения П. П. Ефименко // Сов. археология. — № 1 — 1987, с. 285—290.
45. Онего: Фотоальбом. — Петрозаводск, 1988. — с. 58.
46. Ошибкина С. В. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987. — с. 147—150.
47. Бороденко С., Мельников И. Быть музеем в Пегреме. Комсомолец. 1988. 19 января.
48. Ермолович Е. В долгу перед прошлым. Ленинская правда. 1988, 8 марта.
49. Орфинский В. Забота о прошлом — мост в будущее. Комсомолец. 1988. 15 марта.
50. Седов В. В. X Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии // Сов. археологии. — 1988. — № 2. — С. 295.
51. Шабанова Ю. Быть Пегреме перспективной. Ленинская правда. 1989. 23 февраля.
52. Кириллов В. Медвежьегорский район: как жить дальше? Вперед. 1990. 5 июля.
53. Негодова Т. Л. А может русалки вернуться? Набат. 1990. 8 ноября.
54. Аблова А. Р. Звонковый камень: к проблеме интерпретации археологического музыкального памятника Карелии // Теория, история, психология музыкального искусства. — Петрозаводск, 1990. — с. 68—72.
55. Пегрема: прошлое без будущего? Голос. 1991. 27 июля.
56. Кюршунов В. Энеолит Карелии. Северный курьер. 1992. 18 февраля.

57. Мельников И. В. Пегрема. Молодежная газета Карелии, 1992. 31 марта.
58. Седов В. В. VII Международный конгресс финноугроведов // Сов. археология. 1992. — № 1. — с. 298.
59. Негодова Т. Второе рождение Пегремы. Ленинская правда. 1990. 16 июля.
60. Кондакова Н. В. Сопещение по проблеме «Ранний неолит лесной полосы СССР и его генезис // Сов. археология. — 1992 — № 2 — с. 300.
61. Орфинский В. П. Феномен Заонежья. Север. 1992. — № 10. — с. 74—82.
62. Клеманская И. Е. Каталог работ А. П. Журавлева. Наст. сб. — с. 87.
63. Arkeohooiinen museo. Neuvosto-Karjala 1980 // toukok Petroskoi Evi puolita. Neuvosto-Karjalaa. 1981. 7 hokok.
64. Taavitsainen J.-p. Tikku-ukko Rääkkyhästä // Fennoscandia antiqua. Helsinki, 1982. — № 1. — s. 13—15.
65. Taavitsainen J.-p. A coppet ring from souvaara in polvipörvi, northern Kareliä // Tennes. condia antiqva. — Helsinki, 1982. — № 1. — s. 41—49.
66. Muinaisasuma löydettiin. Neuvosto-Karjala. 1984. 10. elok.
67. Pülo m. Kikin onqelmat taas esillo. Neuvosto-Karjala. 1989. 18. kessäk.
68. Pülo M. Pegrema heidetuksi is tutksi. Neuvosto-Karjala. 1990. 28. honale.
69. Потемкина Т. Н., Ковалева В. Т. О некоторых актуальных проблемах эпохи неолита — ранней бронзы лесной и лесостепной зоны Урала по материалам V полевого симпозиума. (Тюмень. 1991). — Российская археология. 1993. № 2. С. 257—260.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Журавлев А. П. Прионежская раннеолитическая культура ямочно-гребенчатой керамики и ее роль в становлении неолита и энеолита лесной полосы Евразии	5
Журавлев А. П. Жилища неолитического поселения Вигаина- волок I	14
Журавлев А. П. Применение данных естественно-научных дис- циплин в археологических исследованиях Пегремы	24
Журавлев А. П. Печи для обжига глиняных сосудов эпохи энеолита в Пегреме	32
Королев А. И. К вопросу о происхождении керамики имер- ского типа в Примокшанье	37
Журавлев А. П., Экман И. М., Лийва А. А. Особенности раз- вития культур эпохи мезолита — раннего металла в бас- сейне Онежского озера	46
Журавлев А. П., Экман И. М. Новые поселения с асбестовой керамикой в Северной Карелии	54
Зайцева Г. И., Посснерт Г., Тимофеев В. И. Первые «акссе- лированные» радиоуглеродные даты для неолитической керамики Восточной Прибалтики	61
Мельников И. В. К изучению погребального культа на терри- тории Карелии в эпоху камня — раннего металла	68
Манохин И. С., Шахнович М. М. Культовые комплексы древних саам на территории Северной Карелии	82
Клеманская И. Е. Каталог работ А. П. Журавлева (1964—93 гг.)	86

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

3 Введение
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

5 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Живая история лесной полосы Евразии

14 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

24 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

32 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

40 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

48 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

56 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

64 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

72 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

80 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

88 Периодическая печать в лесной полосе Евразии
Корсаков А. П. Периодическая печать в лесной полосе Евразии

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРАЗИИ
Кижский вестник № 1

Редактор А. И. Харченко, Художественный редактор Т. А. Чумак,
Технический редактор Фотеева М. И. Корректор М. И. Орлова.

Сдано в набор 22.02.93 г. Подписано в печать 05.05.93 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,93. Заказ 428. Тираж 300. Цена договорная.
РИО Госкомиздата РК. 185010, Петрозаводск, ул. Красноармейская, 24а.
Петрозаводская бланочная типография РК, Петрозаводск, ул. Северная, 3а.